ДБ-300
Л-98
Лях ов, А.
Основные черты
М., 1912

DB 360
Л98

Арс. Ляховъ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ

соціальныхъ и экономическихъ отношеній

въ Россіи

въ эпоху Императора АЛЕКСАНДРА I-го.

(Опытъ опредѣленія общаго абриса народно-хозяйственнаго цѣлаго).

120037 7/8

МОСКВА
Дома „М. В. Балдинъ и К°“. Арбатъ, д. № 7.
1912 г.

ДБ
300
Л 98

Арс. Ляховъ.

308 (47)

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ
соціальныхъ и экономическихъ отношеній
въ Россіи
въ эпоху Императора АЛЕКСАНДРА I-го.

(Опытъ опредѣленія общаго абриса народно-хозяйственнаго цѣлаго).

МОСКВА.
Типографія Т-го Дома М. В. Балдинъ и К°. Арбатъ, д. 7.
1912.

Государств. [illegible]ная
Историч[illegible]
библиотека [illegible]
120037/8

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
4044
24

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 120037/8

Настоящій опытъ съ искренней признательностью посвящаю

СЕРГѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ БУЛГАКОВУ,

какъ человѣку и ученому, оказавшему на меня наибольшее вліяніе въ годы моего студенчества.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ науки объ обществѣ проникнуты двумя принципами: принципомъ эволюціи и принципомъ психологичности. Все, подлежащее ихъ изученію, эволюціонируетъ и свою природу и свое развитіе имѣетъ въ психологіи людей. Духъ человѣка и людей формируетъ, опредѣляетъ и ограничиваетъ все, что можетъ быть названо общимъ культурнымъ достояніемъ; сюда должны быть отнесены религія, искусство, право, государство и хозяйство (единичное, общественное и народное).

Ближайшими условіями эволюціи народнаго хозяйства, по господствующимъ воззрѣніямъ, могутъ быть признаны три момента: 1) личный и національный, выражающійся въ народности и исторіи; 3) правовой и политическій, выражающійся въ государствѣ и правовомъ порядкѣ и 3) естественный—въ странѣ и ея естественныхъ условіяхъ [1]).

Изложенныя болѣе детально эти условія представятся въ такой схемѣ:

1) географическія условія;

2) емкость страны по отношенію къ населенію и распредѣленіе населенія по странѣ;

---

[1]) На мѣсто главнаго фактора соціальнаго развитія разныя школы выдвигаютъ различныя условія, такъ—Монтескье, Гердеръ, Бокль, Левъ Мечниковъ на первое мѣсто ставили вліяніе климата, почвы, географическихъ очертаній страны, ея физическихъ условій; физіократы и марксисты такимъ факторомъ признали производство матеріальныхъ цѣнностей. Дюркенгеймъ процессъ раздѣленія труда, М. Ковалевскій—ростъ численности населенія и его уплотненіе, Сенъ-Симонъ и Контъ—умъ человѣка, Лоріа - прогресивное уменьшеніе свободныхъ къ занятію земель....

3) народно-хозяйственное наслѣдіе прошлаго страны;

4) вліяніе права и государства;

5) вліяніе психологіи народа вообще и, въ частности, соціальныхъ размышленій и мечтаній какъ отдѣльныхъ вождей-выразителей эпохи, такъ и народныхъ массъ посколько эти послѣднія говорятъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ, лозунгахъ общественныхъ движеній и волненій.

Географическія данныя опредѣляютъ первоначальныя возможности народно-хозяйственнаго развитія [1]). Если даже

[1]) О взаимодѣйствіи человѣка и природы высказывали отдѣльныя болѣе или менѣе широкія мысли всѣ мыслители, начиная отъ мудрецовъ сѣдой древности Гиппократа и Ѳукидита до послѣдниха лѣтъ. Но, только около ста лѣтъ тому назадъ (работа Карла Риттеръ „Земледѣліе въ его отношеніяхъ къ природѣ и исторіи человѣчества“ появилась въ 1817 году) было вполнѣ захвачено научной мыслью, что между исторіей народа и поверхностью его родины существуетъ тѣсное взаимодѣйствіе. Сравнительнымъ изученіемъ культуры были добыты матеріалы для обобщеній. Разработка ихъ была произведена методами географическаго изслѣдованія въ трудахъ Вайца, Клема и Бастіана Выводы были формулированы и углублены Пешелемъ, развиты Ратцелемъ и увѣнчаны мыслью Л. Мечникова и Э. Реклю. Въ настоящее время мы имѣемъ громадную литературу о развитіи культуры. Философія исторіи, филологія, антропологія, сравнительное изученіе религій, сравнительное правовѣдѣніе частью непосредственно выросли изъ Риттеровой географіи, частью связали съ ней свои иден. Но до сего дня большинство соціологовъ изучаетъ человѣка безъ отношенія къ землѣ, какъ замѣчаетъ Ратцель въ своей послѣдней статьѣ („Земля, общество и государство“. Журналъ „Землевѣдѣніе“ за 1907 г. кн. 3—4).

И соціологи и историки хозяйственнаго быта не присоединили еще къ своимъ дисциплинамъ выводовъ, добытыхъ современной географіей. Такіе крупные ученые, какъ Рошеръ, Шмоллеръ, Шефле, Гумпловичъ Шульце-Геверницъ въ своихъ изслѣдованіяхъ немного отвели мѣста разсматриваемому вопросу. Немного болѣе коснулись его Книсъ, Манголдъ Конъ, Коль и въ своеобразной постановкѣ Бебель („Женщина и соціализмъ“) и Каутскій („Т. Моръ и его утопія“).

Литература нашего времени знаетъ очень детальныя изслѣдованія о положеніи городовъ и селеній, о густотѣ населенія, о ея измѣненіи подъ вліяніемъ природныхъ, экономическихъ, историческихъ и соціальныхъ условій. Эти работы всѣ принадлежатъ ученымъ не историческаго или экономическаго образованія, а между тѣмъ, быть можетъ, здѣсь будутъ найдены и формулированы первые точные законы развитія народнаго хозяйства.

и не признавать положенія Э. Реклю, согласно которому „всѣ основные факты исторіи объясняются географическими условіями той мѣстности, гдѣ они происходили“, что „развитіе человѣчества было написано напередъ величественными буквами на равнинахъ, долинахъ и побережьяхъ нашихъ материковъ“, [1]) то все же несомнѣнно вліяніе географическихъ условій какъ опредѣлителя формъ хозяйственной жизни, особенно ощутимаго и почти деспотичнаго въ первобытныя времена и „мало по малу теряющаго свою относительную важность въ исторіи народовъ по мѣрѣ того, какъ послѣдніе выигрываютъ въ силѣ и свободѣ дѣйствій“ [2]), „смотря по состоянію культуры, достигнутому народомъ“ [3]). Шмоллеръ высказалъ взглядъ на народное хозяйство какъ на „систему силъ и причинностей, устанавливаемыхъ естественными законами“ [4]). Народное хозяйство, говоритъ онъ, имѣетъ свое основаніе въ естественной системѣ причинъ въ видѣ климата и почвы, богатства и бѣдности страны въ минералахъ, ея географическаго положенія, распредѣленія рѣкъ и горъ, состоянія флоры и фауны“ [5]) [6]).

---

[1]) Э. Реклю. Земля. Вып. 4. Спб. 1895. Стр. 106.

[2]) — „Земля и люди“. Всеобщ. геогр. Т. I. Спб. 1892. с. 6.

[3]) — тамъ же с. 5.

[4]) Г. Шмоллеръ. Народное хозяйство. М. 1902. Стр. 76—77.

[5]) — тамъ же. Стр. 76.

[6]) Въ трудахъ Л. Мечникова достигла своей вершины географическая теорія развитія историческихъ обществъ. Собственно говоря, эта теорія представляетъ попытку подвести подъ общій, указанный Ламаркомъ и Дарвиномъ, законъ приспособляемости развитіе уже не индивидуальнаго живого организма, но цѣлаго общества. Здѣсь на первое мѣсто ставится приспособленіе къ внѣшней природѣ-средѣ и вліяніе этой среды на общество. Какъ и Дарвиновскій законъ, географическая теорія въ своей чистой схематической формѣ, представляется вполнѣ приложимой къ первоначальнымъ фазисамъ исторіи. Недавая полнаго объясненія эволюціи значительно развитыхъ обществъ, географическая теорія опредѣляетъ отправную точку и даетъ общую канву народнохозяйственнаго развитія первобытныхъ народовъ. Однако, хотя вліяніе географическихъ данныхъ и значительно уменьшается съ развитіемъ народнохозяйственныхъ формъ, историку и экономисту серьезно приходится прислушиваться къ голосу географа.

Вторымъ основнымъ факторомъ развитія народнаго хозяйства является плотность населенія и его распредѣленіе по поверхности страны. Если трудъ создаетъ богатство, то количество труда и богатства тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе число трудящихся. Нельзя не признать, что „пирамиды и храмы Египта, дворцы Ассиріи, теокали Мексики не могли бы быть воздвигнуты въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ“[1]). Когда населеніе рѣдко, обыкновенно не имѣетъ мѣста раздѣленіе труда и не появляется торговый обмѣнъ, не вырабатывается привычка дѣйствовать массами, не пріобрѣтается способности координировать дѣйствія многихъ на одномъ трудѣ — предпріятіи. Эту способность труда въ большихъ дисциплинированныхъ массахъ Липпертъ кладетъ въ основаніе своей исторіи культуры. Только сгрудившись въ отдѣльныхъ пунктахъ, почему либо болѣе удобныхъ для жизни и обыкновенно болѣе богатыхъ природными дарами, населеніе создаетъ мѣновое хозяйство. Плотность населенія, обусловливая возможность и легкость добыванія пищи, создаетъ систему хозяйства, удобнаго и возможнаго только при этой плотности. Увеличивающаяся плотность населенія требуетъ новой системы хозяйства, иначе если культура замедлитъ въ своемъ поступительномъ движеніи, болѣзни, голодъ, моръ, переселенія, войны неминуемо уменьшатъ густоту населенности до прежняго уровня. И наоборотъ, если уменьшится плотность населенія въ странѣ, народное хозяйство сдѣлаетъ регрессивный шагъ по пути къ болѣе экстенсивнымъ формамъ хозяйственности. Емкость территоріи по отношенію къ населенію при данномъ хозяйственномъ строѣ опредѣлена и предѣлы гибкости ея весьма невелики. Извѣстный соціологъ проф. М. Ковалевскій, исходя изъ положенія, что главнымъ факторомъ экономическаго развитія и всѣхъ измѣненій экономическаго строя является накопленіе числа жителей въ данномъ пунктѣ, дѣлаетъ попытку освѣтить все движеніе народнаго хозяйства[2]) какъ результатъ прогрессивнаго роста населе-

[1]) Лакомбъ Соціологическія основы исторіи. СПБ. 1895 с. 327.

[2]) М. Ковалевскій. Ростъ народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. СПБ. 1899.

нія. Перенаселеніе обусловило мѣновое хозяйство, перенаселеніемъ обусловлено нарожденіе капитализма; перенаселеніе создало земледѣльческое хозяйство, оно создало мануфактуру, нынѣшнюю фабрику и многомилліонные чудовища—города. При прочихъ равныхъ условіяхъ общество, располагающее болѣе густымъ населеніемъ, будетъ стоять въ формахъ хозяйственнаго развитія выше другого, не достигшаго этой плотности.

Плотность населенія играетъ особенно значительную роль въ хозяйственной жизни страны тогда, когда населеніе не равномѣрно распредѣляется по странѣ, когда на лицо имѣются зоны и гнѣзда уплотненія. Эти точки уплотненія, являясь выразителями особаго хозяйственнаго уклада, служатъ къ проведенію въ жизнь иной соціальной мечты и дѣйствуютъ на остальную площадь, какъ ферментъ на среду, какъ дрожжи на тѣсто. „Мы, говоритъ Ф. Ратцель, склонны видѣть источникъ политическаго и экономическаго прогресса въ неравномъ распредѣленіи населенія по странѣ на опредѣленной площади“[1]). Городъ, этотъ собиратель населенія, несетъ культуру. Многія политическія революціи американская война за независимость противо-невольническая война, соціализмъ девятнадцатаго вѣка, наконецъ, хозяйственныя формы вплоть до огородничества и молочнаго хозяйства послѣдняго времени вызваны городскимъ населеніемъ. „Что осталось бы отъ древности, если бы не было Іерусалима, Аѳинъ и Рима. Не будь Парижа, Лондона и Берлина, что сдѣлалось бы съ современнымъ міромъ“.[2])[3]).

Переходимъ къ третьему фактору народнохозяйственнаго развитія.

---

[1]) Ратцель. Человѣчество какъ жизненное явленіе на землѣ. М. 1901. стр. 112.

[2]) Э. Вандервельде. Притягательная сила городовъ. СПБ. 1901 с. 62.

[3]) Вопросъ о вліяніи народонаселенія былъ наиболѣе полно и рѣзко поставленъ Мальтусомъ, имѣвшимъ своихъ предшественниковъ, въ его вышедшей въ 1798 году книгѣ „Опытъ о законѣ народонаселенія“.

На основѣ и вслѣдствіи этого труда развилась громадная литература и выросло и формулировалось ученіе о народонаселеніи.

Перенося на явленіе народнаго хозяйства наши наукой генерализованныя понятія, мы приходимъ къ заключенію, что и оно, подобно всему существующему, измѣняется во времени, эволюціонируетъ. Въ каждый данный моментъ оно является въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, органически порожденнымъ миновавшимъ прошлымъ. Народнохозяйственное прошлое опредѣляетъ настоящее и предуказываетъ будущее. Мертвые владѣютъ живыми. Грѣхи отцовъ и дѣдовъ отмщаются потомкамъ даже, какъ гласитъ библейская мудрость, до третьяго и четвертаго колѣна. Дѣти изъ накопленнаго вѣками матеріала строятъ свое настоящее.

Если политическая экономія, какъ говорилъ Кэрнсъ, „должна быть такой же наукой какъ астрономія, механика, химія и физіологія“, если экономическая наука такъ же мало связана съ современной хозяйственной системой, какъ наука механики съ современной системой желѣзныхъ дорогъ“[1]), необходимо основать ее на незыблимыхъ законахъ и провѣрить ихъ на опытѣ исторіи, для чего надо начинать изученіе явленія народнаго хозяйства съ его зарожденія до его настоящаго положенія, изучая не только въ ширь, но и въ глубь явленія.

„Легко замѣтить, что когда Ад. Смитъ ссылается на исторію, онъ это всегда дѣлаетъ для иллюстраціи или подтвержденія извѣстнаго положенія: но никогда не основываетъ своихъ доктринъ на историческихъ примѣрахъ. Сначала Ад. Смитъ глубоко закладываетъ основаніе своихъ выводовъ въ принципахъ человѣческой природы и въ физическихъ фактахъ внѣшняго міра, обращеніе къ историческимъ событіямъ играетъ у него роль простой иллюстраціи того, какъ дѣйствуютъ установленные имъ законы“[2]) Такое внѣшнее пользованіе исторіей немыслимо въ современной наукѣ. Измѣняется человѣкъ, измѣняется количество накопленнаго имъ труда и самые продукты этого труда, измѣняется народное хозяйство. Нельзя прослѣдить эти

---

[1]) Д. Э. Кэрнсъ. Основные прицины полит. эконом. М. 1897 с. 16.
[2]) — тамъ же стр. 91.

измѣненія безъ вниманія къ прошлому, къ отправленной точкѣ, къ фактамъ дѣйствительнаго измѣненія во времени. Современные экономисты въ сущности мыслятъ исторически, изучаютъ факты, ихъ взаимоотношенія, ихъ причинность: выводятъ тенденціи развитія. Генерализируя факты и наблюденія, добытыя изученіемъ историческаго матерьяла, они слѣдятъ колеи движенія.[1])

Такъ природа опредѣляетъ естественныя богатства, народонаселеніе двигаетъ народное хозяйство, наслѣдіе прошлаго, исторія, опредѣляетъ тенденціи развитія и его особенности.

Слѣдующимъ факторомъ развитія народнаго хозяйства будетъ воздѣйствіе на него человѣка и общества; оно можетъ быть сознательнымъ, напр. ввидѣ экономической политики, направленнымъ на измѣненіе въ желаемомъ направленіи тѣхъ или другихъ формъ хозяйства, или оно получается въ результатѣ человѣческой жизни обществомъ и государствомъ и въ итогѣ взаимодѣйствія государственнаго организма и организма народнаго хозяйства.

Это условіе создается вліяніемъ дѣйствующаго писаннаго и неписаннаго права.

Зависимость народнаго хозяйства отъ общественныхъ организацій и регулирующаго ихъ бытіе писаннаго права особенно ясно чувствуется въ наше время. Но и вся культура человѣчества основалась на координированности дѣйствій многихъ людей. Ея первымъ шагомъ было обращеніе скопищъ людей въ соединенія, основанныя на принужденіи или соглашеніи болѣе или менѣе продолжительнаго характера. И нынѣ всякое соединеніе людей во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ качествѣ единаго цѣлаго управляется писанными или неписанными нормами, Посколько эти соединенія занимаются добываніемъ средствъ изъ физическаго существованія, постолько всякое ихъ хозяйствованіе

---

[1]) Историческимъ методомъ работаютъ многіе экономисты какъ новоисторической (Книсъ, Вагнеръ, Шенбергъ), такъ и соціологической (Шелль, Ингремъ) и этической школъ (Каутцъ, Шмоллеръ, Конъ).

опредѣляется ихъ правомъ. „Государственное устройство, правовой порядокъ, соціальные порядки, состоящіе внѣ вѣденія государства, представляютъ изъ себя различныя стороны одной и той же общей жизни организованнаго человѣчества. Онѣ неразрывны, существуютъ не независимо и какъ бы только рядомъ другъ съ другомъ, а должны разсматриваться какъ одно связное цѣлое, вліяющее всей полностью на экономическое развитіе [1])".

Всегда были и устанавливались и конвенціональныя и повелительныя нормы съ цѣлью прямого и непосредственнаго воздѣйствія на организацію и веденіе хозяйства. Сознательная законодательная и административная дѣятельность человѣческихъ обществъ не можетъ быть игнорирована. Ею должна быть опредѣлена соціалистическая хозяйственность будущаго. Политическая экономія въ числѣ своихъ наукъ имѣетъ экономическую политику, трактующую о вліяніи права на экономическую жизнь, о сознательномъ законодательномъ, административномъ и политическомъ давленіи на народное хозяйство.

Въ этомъ своемъ отдѣлѣ политическая экономія дѣйствительно должна быть прикладной этикой, здѣсь она не довольствуясь фактомъ, допытывается что должно быть и излагаетъ правила для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя она провозглашаетъ желательными.

„Хотя общественныя учрежденія вполнѣ соотвѣтствуютъ природѣ людей тѣмъ не менѣе люди лучше своихъ учрежденій" [2]). Въ этомъ стремленіи воплотить сознаніе людей въ ихъ хозяйственныя учрежденія весь смыслъ экономической политики.

Правовымъ вмѣшательствомъ можетъ быть насильственно и сломленъ и на нѣкоторое время поддержанъ укладъ хозяйственной жизни. Возможно, что хозяйственные институты, жизненные въ своей экономической

---

[1]) Филиповичъ. Основ. полит., экон. Спб. 1901 с. 61.

[2]) И. Ивановъ. Основн. положен. теоріи экономической политики. М. 1891. Предисловіе стр. X.

сущности, цѣлесообразные, весьма сильно укоренившіеся въ психологическомъ сознаніи и имѣющіе за собой освященіе старины, падутъ подъ давленіемъ правоваго принужденія, опирающагося на идейныя основанія, даже вопреки требованіямъ чистаго хозяйственнаго принципа. Въ качествѣ рѣзкихъ примѣровъ такой побѣды просвѣтленнаго права можно привести освобожденіе негровъ въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ и, еще болѣе чистая форма, освобожденіе крестьянъ въ Россіи.

Строго говоря, правовое принужденіе почти всегда присутствуетъ при яркихъ народно-хозяйственныхъ перемѣнахъ. Почти всегда оно умерщвляетъ хозяйственный институтъ, быть можетъ уже и не жизнеспособный въ силу не соотвѣтствія съ принципомъ хозяйственнымъ, но обыкновенно не отмирающій окончательно безъ толчка извнѣ.

Если наблюдать борьбу классовъ, съ точки зрѣнія правовѣрнаго марксизма, и тогда нельзя не замѣтить, что побѣдители, господствующіе классы, „создавая выгодныя для себя соціальные порядки и защищая ихъ, не понимаютъ ясно характера общественныхъ отношеній и всегда обосновываютъ свое соціальное положеніе на какомъ нибудь правовомъ элементѣ, а не единственно на фактѣ силы“ [1]). Такъ народное хозяйство, регулируемое отношеніемъ общественныхъ силъ, ищетъ въ правовомъ сознаніи своего моральнаго оправданія.

Болѣе косвенное давленіе права на хозяйство является въ результатѣ дѣятельности самого государственнаго цѣлаго. Роль государства на международной сценѣ требуетъ денегъ. Всякое распространеніе власти государства за предѣлами его территоріи требуетъ силы или угрозы силы. Войска должны быть на готовѣ. Войны должны вестись по разнымъ причинамъ и для разныхъ цѣлей. Если даже не принимать во вниманіе отвлеченіе массъ народнаго труда отъ хозяйствованія, если даже игнорировать затраты живой крови и тогда всетаки достоинство державы и въ осо-

---

[1]) Иванюковъ. Основн. полож. теор. экон. полит. 1891. Предисл. с. XII.

бенности, сообразно съ нынѣшнимъ понятіемъ, великой державы зиждется на денежныхъ затратахъ.

Деньги же, какъ извѣстно, есть продуктъ народнохозяйственной жизни. Чѣмъ больше ихъ нужно для потребностей внѣшней политики, тѣмъ больше должны быть форсированы и напряжены производительныя силы народа, все болѣе теряющаго и досугъ, необходимый для созданія и поддержанія духовной культуры, и средства безбѣднаго существованія [1]).

Слѣдующимъ факторомъ развитія народнаго хозяйства является вліяніе заимствованія или, иначе, сосѣдства.

Принимая во вниманіе общее положеніе, ставшее достояніемъ всякой положительной науки, что въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть и логически не мыслится возможнымъ существованіе явленія вполнѣ изолированнаго бытія, не испытывающаго никакихъ вліяній со стороны прочихъ сосуществующихъ во времени и пространствѣ явленій, надо признать, что и народное хозяйство даннаго народа не можетъ имѣть другой участи. Въ области экономическихъ отношеній это вліяніе сосѣдства, сообщеній и сношеній не менѣе постоянно, глубоко и непреложно, чѣмъ въ области естествознанія.

Перениманіе и подражаніе играетъ громадную роль въ процессѣ формированія и развитія человѣка. Чѣмъ болѣе можетъ проявиться эта способность перениманія и подра-

---

[1]) Вопросъ о вліяніи государства и права на хозяйство только въ послѣднее столѣтіе получилъ свою формулировку. Экономическія науки отнесены къ разряду наукъ юридическихъ. Юристы строятъ свои теоріи воздѣйствія права на народное хозяйство. Но работъ теоретическаго анализа въ данной области весьма немного. Въ 1825 году извѣстный нѣмецкій ученый Jakob издалъ въ Halle книгу: Grundsätze der Nationalökonomie. Jakob считалъ государство общимъ условіемъ возникновенія и умноженія богатства. Въ 1836 году другой нѣмецкій ученый Lotz издалъ Handbuch der Staatswirtschaftslehre. Онъ, признавая условіемъ возникновенія благъ природу и духъ человѣка, высказывалъ мысль, что правильная промышленная дѣятельность возможна только въ государствѣ. Въ 1884 г. Schütz издалъ спеціальный трудъ Das politiche Moment in der Volkswirtschaft. Въ недавнее время появилась большая работа Р. Штамлера: „Хозяйство и право“.

жанія, тѣмъ интенсивнѣе должно итти развитіе психическихъ силъ. Если же правъ Фр. Гиддингсъ, что „характерной чертой прогресса является усиленіе значенія силъ психическихъ", то это вліяніе сосѣдства и сношеній должно все болѣе и болѣе, если можно выразиться фигурально—въ геометрической прогрессіи, увеличиваться съ ихъ увеличеніемъ и учащеніемъ. Болѣе изолированный народъ эволюціонируетъ болѣе медленно.

„Съ трудомъ, говоритъ Лакомбъ, [1]) можно насчитать пять народовъ, развившихся какъ бы изъ себя. Такая оригинальность развитія какъ будто сохранилась въ Ассиріи, Египтѣ, Мексикѣ, Перу Китаѣ".

Надо думать, что и эти народы кажутся такими изолированными очагами въ значительной степени оттого, что наши историческія и археологическія познанія еще невелики.[2]) Если сумѣемъ заставить камни досказать то, что „преданія умолчали", получимъ цѣлый рядъ доказательствъ положенія Лакомба, что „народъ надѣленный самыми блестящими дарованіями можетъ пребывать въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вовсе ихъ не развивая. Другой народъ или другая раса приносятъ ему изобрѣтенія, творческое произведеніе или идею"[3]).

Естественные и искусственные пути сообщенія и густота ихъ сѣти опредѣляютъ направленіе движеній заимствованія. Вдоль путей вытягиваются болѣе плотныя полосы населенія, выстраиваются селенія и города, происходятъ важнѣйшія политическія движенія и войны, проходятъ идеи, машины, капиталы. Гобсонъ признаетъ, что медленный прогрессъ Германіи до недавняго времени и теперь еще медленный промышленный прогрессъ Россіи больше объясняются физическимъ препятствіемъ для свободнаго сообщенія внутренняго и внѣшняго, чѣмъ другой какой-либо причиной.

Границы народно-хозяйственнаго цѣлаго могутъ упи-

---

[1]) Соціологическія основы исторіи. СПБ. 1895 с. 264.

[2]) Сильно шагающая впередъ археологія уже доказала полную заимствованность культуры Египта отъ халдеи (сумеро-акадовъ.

[3]) — тамъ же с. 265.

раться въ страны съ болѣе и съ менѣе развитою культурой; наконецъ, они могутъ прилегать непосредственно къ очагамъ культуры, политически съ нимъ объединенными. Границы Россіи наложили на всю ея культуру особый отпечатокъ, настолько сильный, что въ глазахъ европейскаго изслѣдователя вся она представляется „какъ продуктъ смѣшенія современной европейской и средневѣковой азіатской культуры".[1])

Границы Франціи, въ центрѣ культурнаго міра европейской цивилизаціи, указали этой странѣ особую роль игемона, насадителя идей.

Включеніе въ одно политическое цѣлое страны съ болѣе развитой культурой равносильно привнесенію фермента въ среду.

Польша и Прибалтійскій край усилили развитіе русской промышленности, Рейнскія Провинціи стали во главѣ развивающейся промышленности Германіи.

Включеніе въ одни политическіе предѣлы хозяйственно болѣе отсталыхъ странъ открываетъ рынокъ для своихъ товаровъ, сводится къ значенію созданія колоніи для метрополіи

Въ этомъ смыслѣ для страны съ сильно развитой промышленностью, какъ Англія, такія колоніи приносятъ богатство; для страны же бѣдной—полунаселенныя пространства составятъ только тормазъ развитія. Такъ Россія, присоединяя къ своей территоріи земли Заволжья, Сибири и Средней Азіи, получила только возможность разрѣдить свое населеніе и, унося свою культуру на востокъ, лишенная стимула перехода къ новой стадіи хозяйственнаго развитія, должна была отступать передъ культурой густонаселенныхъ земель Запада и своихъ западныхъ окраинъ. Въ этомъ же раствореніи въ безбрежныхъ границахъ земель низшей культуры, быть можетъ, лежитъ объясненіе гибели арабской цивилизаціи и остановка развитія цивилизаціи Испаніи. И наоборотъ, въ сосредоточеніи въ тѣсныхъ границахъ вездѣ культурныхъ народовъ, быть можетъ, объясненіе экономическаго развитія нынѣшней Бельгіи.

Потеря части территоріи съ экономически высокой

[1]) А. Гетнеръ Европ. Россіи М. 1907 г.

культурой способна была бы надолго остановить развитіе страны, если только допустить, что эта отторженная часть можетъ не быть самимъ гнѣздомъ національности и культуры. Потеря экономически сильнаго гнѣзда даже для экономически сильной страны является весьма ощутимой. Англія, потерявшая послѣ столѣтней войны Калле, не могла не замѣтить своей утраты.

Потеря части страны съ слабой экономической жизнью равносильна потерѣ колоніи.

Только вліяніемъ сосѣдства и можно объяснить ту разность экономическаго развитія и варіаціи вновь пріобрѣтаемыхъ экономическихъ формъ, какія имѣютъ мѣсто въ каждой молодой странѣ, догоняющей въ наше время, повидимому громадными скачками, страны передовой культуры. Молодая страна использовывается Европой въ качествѣ колоніи, наводняется капиталами для расхищенія ея сырья и эксплоатаціи дешевыхъ рабочихъ рукъ массъ не квалифицированныхъ рабочихъ. Чрезвычайно быстро въ странѣ создается зданіе капитализма, украшенное всѣми фронтонными колоннами, архитравомъ и фризами и покоящееся на фундаментѣ психологіи народа иной исторіи. Тутъ въ полной мѣрѣ приложима характеристика капитализма, какъ надстройки и чужими зодчими. Страна же этого капиталистическаго нашествія получаетъ всѣ недуги преждевременной зрѣлости, видъ рахитичнаго юноши съ большой головой, нервной экзальтаціей, неустойчивостью представленій, истеріей нравственной чуткости и тонкими искривленными ногами. Можетъ быть эта страна будетъ долго жить, но ея цивилизація будетъ имѣть особый отпечатокъ, носитъ слѣды драмы, пережитой народной психологіей, и неорганичности развитія.

Въ наше время вліяніе сосѣдства сознательно усиливается и направляется вліяніями школы, литературы, путешествій, газетъ и т. п.

Въ средѣ странъ, уже вошедшихъ въ постоянныя сношенія, имѣется еще одинъ видъ воздѣйствія сосѣдства. Это вліяніе идей.

Нельзя не признать, что „реализація реформаторскихъ

идей въ прогрессирующей странѣ, доказывающая ихъ примѣнимость, ослабляетъ мотивы, препятствовавшіе распространенію реформаторскихъ идей въ господствующихъ классахъ. Особенно это вліяніе сильно, если однородныя событія совершаются одновременно въ нѣсколькихъ большихъ государствахъ. Тогда эти событія съ особенной силой отражаются на государствахъ, отставшихъ культурѣ, а потому неизбѣжно находящихся въ духовной зависимости отъ народовъ, ушедшихъ въ развитіи впередъ. Извѣстно вліяніе англійскихъ политическихъ понятій на высшіе классы Франціи въ 18 вѣкѣ, вліяніе первой французской революціи на всю Европу, вліяніе англійскаго рабочаго законодательства на континентальныя государства. Эмансипація крѣпостныхъ въ Россіи, помимо внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ эту реформу, не была ли также въ значительной степени результатомъ вліянія западно-европейскихъ идей.“ [1]).

Остается разсмотрѣть вліяніе еще одного и послѣдняго фактора развитія народнаго хозяйства—психологіи народа вообще и его соціальныхъ мечтаній въ частности.

Нельзя не согласиться съ Филипповичемъ, что „нельзя себѣ представить ни одного душевнаго настроенія, которое не могло бы оказывать вліянія также и на экономическую жизнь“ [2]). Нельзя не признать при современномъ уровнѣ знаній, что „движущая сила народнаго хозяйства есть, какъ говоритъ Шефле, весь чувственно духовный человѣкъ со всѣми его побужденіями и силами“. Насколько сильно связано народное хозяйство съ психологіей человѣка и народа особенно рельефно замѣтно при изученіи попытокъ перенести денежное и капиталистическое хозяйство въ среду народовъ такъ называемой низшей цивилизаціи. „Есть извѣстный мрачный пафосъ, говоритъ Б. Киддъ, [3]) въ замѣчаніи, сдѣланномъ авторомъ одной статьи о туземцахъ Новой Зеландіи, что между причинами, дѣйствію ко-

---

[1]) Иванюковъ. Основн. пол. теоріи эконом. полит., М. 1891. Пред. с. XI.

[2]) Осн. полит. экон. Спб. 1901. с. 91

[3]) Соціальная эволюція. Спб. 1897. с. 43.

торыхъ можно приписать вымираніе туземцевъ слѣдуетъ упомянуть безразлично: пьянство, болѣзни, голодъ, европеская одежда, миръ и богатство". Англо-саксонецъ, говоритъ онъ далѣе, [1]) можетъ перековать свои сабли въ сошники, но орудія промышленности окажутся въ его рукахъ болѣе дѣйствительнымъ и страшнымъ оружіемъ, чѣмъ какія-нибудь сабли. „Для достиженія лучшихъ результатовъ культурной миссіи необходимо, говоритъ извѣстный экономистъ Янжулъ, считаться съ обычаями, нравами, привычками и иными условіями жизни низшей расы, перерабатывая европейскія формы согласно этимъ послѣднимъ." [2]).

Экономическая наука далеко отошла уже отъ того схематизированнаго экономическаго человѣка съ его своекорыстіемъ (хотя тоже психологическимъ явленіемъ), какого создала школа Ад. Смита. По замѣчанію Г. Шмоллера „все ученіе объ эгоизмѣ, какъ двигающей силѣ народнаго хозяйства, есть ничто иное, какъ грубый опытъ удовлетворенія потребности политической экономіи въ психологическомъ обоснованіи" [3]).

Сказать, что весь духовный обликъ человѣка руководитъ хозяйствомъ значитъ, быть можетъ, сказать такую общую фразу, которая при всей своей видимой широтѣ не будетъ имѣть за собой никакого содержанія. Изъ всего комплекса душевныхъ движеній человѣка должно выдѣлить одно или группу ихъ, доминирующихъ, руководящихъ въ хозяйственной дѣятельности. Быть можетъ, объ этомъ можно спорить, это своекорыстіе экономистовъ начала 19-го вѣка, быть можетъ, это чувство соціальное, правовое, чувство общественности и солидарности, выдвигаемое сознаніемъ нашего времени. Въ моемъ пониманіи такой опредѣляющей идеей будетъ представленіе человѣка о должномъ, о справедливомъ, достойномъ. „Въ нравахъ и правѣ, говоритъ Шмоллеръ, въ существующихъ учрежденіяхъ, которыя управляютъ народнымъ хозяйствомъ, мы имѣемъ передъ собой

---

[1]) Б. Киддъ. Соціальная эволюція. Спб. 1897. с. 53.

[2]) Статья въ сборникѣ „XXV".

[3]) Г. Шмоллеръ. Народное хозяйство. Стр. 117. Примѣч.

осадокъ тысячелѣтнихъ войнъ за справедливость“ [1]).

Во всякомъ случаѣ для пониманія безличнаго хозяина народнаго хозяйства кажется важнѣйшимъ: постигнуть, что народъ хочетъ, о чемъ онъ мечтаетъ. Эти соціальныя мечты самого народа, вылившіяся въ пѣсняхъ, сказкахъ, прибауткахъ, не менѣе краснорѣчивы, чѣмъ лозунги народныхъ волненій, чѣмъ ясно формулированныя идеи вождей и мыслителей времени.

Безъ пониманія этой „Божьей правды“ народа нельзя понять ни одной стороны народной эволюціи, въ томъ числѣ и хозяйственной. Какъ говоритъ Шмоллеръ, „чувства справедливости получаютъ законную долю господства, оказывая все болѣе и болѣе вліянія на организацію народнаго хозяйства, преобразовывая его въ духѣ своихъ требованій“ [2]). „Чѣмъ выше поднимается культура, констатируетъ тотъ же ученый, тѣмъ важнѣе становятся психо-этическія причины“ [3]), тѣмъ острѣе чувствуется разногласіе со справедливостью. Любопытное мнѣніе высказалъ Б. Киддъ, признавшій, что „въ молчаливомъ, напряженномъ соперничествѣ, которымъ постоянно занята каждая частица расы, успѣхъ, насколько можно судить, неизмѣнно связанъ съ благопріятными для сохраненія высокаго уровня общественной успѣшности этическими и моральными условіями“ [4]). Для народнаго хозяйства не праздненъ и не безразличенъ вопросъ, всегда волновавшій человѣческіе умы, вопросъ о цѣнѣ и смыслѣ прогресса, о человѣкѣ Прометеѣ, которому нѣтъ пользы отъ того, что онъ укралъ огонь съ неба. Весьма понятно, что иначе будетъ вести свое хозяйство человѣкъ, обольщенный „видѣньями непостижными уму“, средневѣковый рыцарь, очарованный сказаніями о св. Граалѣ, францисканецъ, мечтатель civitas Dei и еврей средневѣковаго Гетто, взращивающій „презрѣнные“ проценты съ капитала [5]).

---

[1]) Шмоллеръ. — Стр. 211.
[2]) Шмоллеръ. Стр. 79.
[3]) — Стр. 87.
[4]) Б. Киддъ. Соціальная Эволюція. Спб. 1897. Стр. IV.
[5]) Въ этомъ смыслѣ особенно любопытна послѣдняя работа проф. В. Зомбарта. Евреи и хозяйственная жизнь.

О вліяніи идеаловъ отдѣльныхъ личностей на народную культуру и народное хозяйство можно много спорить. Мнѣ думается, что идея обыкновенно созрѣваетъ въ единой душѣ и, быть можетъ, долго не получаетъ своего приложенія, но въ концѣ-концовъ все, что совершается въ мірѣ общественномъ, есть плодъ чьей-то неизвѣстной мысли. Въ этомъ смыслѣ личность могущественна. И даже „такія на первый взглядъ скучныя утилитарныя движенія, какъ рабочее движеніе девятнадцатаго вѣка, не есть ли продуктъ идеи о должномъ, достойномъ каждаго, человѣка, равноцѣнномъ для каждаго, не есть ли это проникновеніе вширь и вглубь массъ этическихъ идей христіанства и философіи“, не есть ли и это торжество тѣхъ „раздумій въ пустынѣ“, мыслей въ кабинетахъ, вѣрованій, желаній и грезъ, которыми въ болѣе или менѣе далекомъ прошломъ были одиноки большія личности своего времени, нынѣ безыменные двигатели общественныхъ силъ.

Только изложенные выше факторы, т. е. земля, какъ арена дѣятельности, населенность ея, т. е. количество и группировка дѣятелей, наслѣдство прошлаго, т. е. трудъ прежнихъ дѣятелей — отцовъ и дѣдовъ, дѣятельность самого народа и его организацій, заимствованіе народа и его организацій, заимствованіе народа и его мечты, т. е. его представленія о правдѣ и достоинствѣ, о справедливомъ и должномъ—только эти факторы могутъ считаться главенствующими факторами развитія всякаго народнаго хозяйства всякаго народа во всякое время. Всѣ остальныя мыслимыя и приводимые учеными изслѣдователями факторы, какъ то: организація труда, раздѣленіе и спеціализація его, соціальная диференціація населенія, техническое улучшеніе пріемовъ добыванія и обработки, наличіе и движеніе денежныхъ капиталовъ и т. п. являются лишь въ роли вторичныхъ, посредствующихъ факторовъ развитія. По существу они могутъ быть только слѣдствіемъ первыхъ. Они не могутъ считаться необходимыми элементами всякой мыслимой формы народнаго хозяйства, Они существенно необходимы для эволюціи только капиталистическаго хозяйства, но безъ нихъ мыслится народное хозяйство первобытныхъ народовъ и народовъ будущаго.

О литературѣ.

Разработка экономической исторіи Россіи началась весьма недавно. Побудительный толчекъ для изученія дала живая общественная мысль русскаго самосознанія, приведшая къ столкновенію народниковъ и марксистовъ. Первой попыткой этого изученія была народническая литература. Она побудила и людей другихъ научныхъ направленій взяться за серіозную работу трезваго освѣщенія русскаго экономическаго прошлаго. До нашего времени еще не всецѣло угасли отголоски рѣшеннаго жизнью спора, освѣтившаго своеобразнымъ отблескомъ соціально-философскихъ воззрѣній и переживаній большинство русскихъ изслѣдованій по вопросамъ экономическаго развитія Россіи. Не безъ ихъ вліяній появились и тѣ серіозные труды М. Туганъ-Барановскаго и Струве изъ экономистовъ и П. Милюкова, Семевскаго, Рожкова и Покровскаго изъ историковъ, которые легли солиднымъ фундаментомъ историко-экономической литературы Россіи.

Вокругъ нихъ довольно быстро выросла немалочисленная литература монографій и брошюръ, часто и легковѣсныхъ и тенденціозныхъ. Цѣльнаго труда, охватывающаго все народно-хозяйственное цѣлое Россіи не появилось. Изслѣдованіе П. Милюкова. (Очерки по исторіи русской культуры) остается единственной работой, охватывающей болѣе или менѣе значительный періодъ, но въ хозяйственномъ отношеніи не полной. Попытка подойти къ ближайшему расмотрѣнію народнохозяйственныхъ отношеній въ началѣ 19-го вѣка сдѣлана Рожковымъ (въ издаваемой Гранатъ „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ—ст.“ Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ 19-го вѣка“) и въ нѣкоторыхъ статьяхъ сборника: Великая Реформа 19 февраля 1861 г. изд. Сытина.

Существующая литература либо изслѣдуетъ отдѣльныя явленія и вопросы народнохозяйственной жизни, какова „Русская фабрика“ М. Туганъ-Барановскаго, „Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX вѣкѣ“ Гурьева и, въ особенности, крестьянскій вопросъ (многочисленныя работы Се-

мевскаго), либо занята выясненіемъ причинъ паденія крѣпостного права, каковы статьи, главнымъ образомъ, Струве, либо трактуетъ о капиталистическомъ развитіи пореформеннаго строя, литература котораго особенно велика и разработана.

Къ этой послѣдней непосредственно примыкаетъ громадный матеріалъ земской статистики.

Въ общемъ все прошлое крѣпостной Россіи еще ждетъ изслѣдователей. Объ этомъ періодѣ, какъ говоритъ Струве, мы имѣли до послѣдняго времени представленіе какъ о темномъ пятнѣ и никакихъ узоровъ въ этомъ темномъ фонѣ не видѣли. Завѣсу приподнялъ Струве, возбудившій новый интересъ къ болѣе глубокому пониманію внутреннихъ пружинъ народнохозяйственной жизни страны.

Статья Струве: „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ“ установила новый весьма стройный и обоснованный взглядъ на крѣпостное хозяйство и его эволюцію и вызвала значительную полемическую литературу.

Мысль Струве, что крѣпостное хозяйство не отмерло само собой, не являлось на Руси экономически гнилостнымъ и гніющимъ тѣломъ, но пало подъ вліяніемъ нравственныхъ идей общественнаго сознанія, нуждъ государственнаго хозяйства и вслѣдствіи рѣзкой дисгармоніи своего развитія съ иными частями народнохозяйственнаго цѣлаго, мысль эта осталась не опровергнутой. Эта глубоко вѣрная мысль должна быть очень плодотворной, ибо ею очень легко и стройно объясняется многое иначе непонятное въ развитіи какъ дореформеннаго, такъ и пореформеннаго, уже юридически измѣненнаго, но еще экономически не сломленнаго хозяйства.

Изъ детальныхъ изслѣдованій интересны работы: Волконскаго „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ“, Повалишина „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“, Семевскаго, весь длинный рядъ его работъ и во главѣ „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“ и „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой по-

ловинѣ XIX в., Дена „Населеніе Россіи по 5-ой ревизіи“, Дубровина „Русская жизнь въ началѣ 19 вѣка“ и т. п.

Очень мало трудовъ посвящено непосредственно эпохѣ Александра I. Очень цѣнныя работы современника эпохи zorch'a („Russland unter Alexander dem Ersten“; „Cours d'economie politigue“) имѣютъ уже скорѣе характеръ источниковъ, чѣмъ литературы. Къ источникамъ же слѣдуетъ отнести очень многочисленныя работы другихъ современниковъ Александра I и особенно обширные матеріалы, помѣщенные въ трудахъ Имп. Вольн.-Эконом. Общества и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ эпохи.

Для пониманія идей и идеаловъ времени сдѣлано гораздо болѣе. Работы, посвященныя этому вопросу, вызваны главнымъ образомъ интересомъ къ роковому дню 14-го декабря. Они освѣщаютъ большею частью настроеніе русскаго общества послѣ отечественной войны и весьма мало касаются чрезвычайно интересной эпохи первыхъ лѣтъ царствованія Императора, не безъ основанія претендовавшаго изобразить фигуру „Марка Аврелія для 50-ти милл. населенія“.

Цѣльную монографію даетъ работа Пыпина: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“.

Отдѣльныхъ вопросовъ касаются многочисленныя работы. Сюда относятся, напримѣръ, Семевскій „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“, Дубровинъ, „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Имп. Александра I“, Н. П. Павловъ-Сильванскій, „Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в.в., Велик. Князь Николай Михаиловичъ, „гр. П. Строгановъ“, Иконниковъ, „гр. Мордвиновъ“, Н. С. Мордвиновъ, „Записки“, Завалишинъ, „Декабристъ Лунинъ“, Н. Тургеневъ, „Россія и русскіе“ и многочисленныя статьи, замѣтки, характеристики и т. п., помѣщавшіяся въ „Русской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“ и др. историческихъ журналахъ.

Характеристикѣ народныхъ массъ въ это глубокоисторическое время не посвящено ни одной работы. Изслѣдователю приходится собирать матерьялъ, разбросанный по

всѣмъ трудамъ и сборникамъ, посвященнымъ разработкѣ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

При такихъ обстоятельствахъ кажется преждевременнымъ писать общій обзоръ всего народнохозяйственнаго организма Россіи въ этотъ періодъ. Но, съ одной стороны, интересъ возбужденъ, и съ другой—въ послѣднихъ настроеніяхъ русской общественной науки уже чувствуется вѣрное пониманіе эпохи. Хочется, собравъ тѣ уже многочисленныя черты и черточки, какія раскиданы по всѣмъ многочисленнымъ работамъ литературы, посвященной иногда даже вопросамъ совершенно чуждымъ затронутому, уловить и изложить тотъ обликъ, который еще долженъ быть провѣренъ по архивнымъ даннымъ. Думается, что это обычный путь научныхъ исканій, когда работой живой и часто отвлеченной логической мысли по уже добытымъ осколкамъ прошлаго, быть можетъ съ большимъ участіемъ творчества, создается абрисъ и ткется основа для будущихъ обстоятельныхъ трудовъ.

Географическая и популяціонистическая характеристика страны.

(Величина территоріи. Географическія условія страны. Распредѣленіе населенія по странѣ. Переселенія. Вліяніе окраинъ на хозяйственное развитіе центра. Города. Противоположеніе центра и юга).

Послѣдняя четверть XVIII-го и начало XIX-го вѣка были эпохой серіознаго перелома въ русской экономической жизни. Народное хозяйство выливалось въ новую форму. Помѣщикъ осѣдалъ на землю, крѣпло и росло сознательно организуемое земледѣльческое производство, вглубъ и вширь шла становящаяся народной фабрика, во тьмѣ крѣпостныхъ отношеній незримо копился денежный капиталъ, рождались многочисленные мужики-стяжатели и крѣпла промышленная инціатива. Нарождался городъ; нарождались и крѣпли новые политическіе и соціальные идеалы. На зарѣ новаго вѣка поднималась и заря новой соціальной правды.

То большое государство, которое отъ Великой Екатерины и Императора Павла перешло къ Императору Александру уже вышло изъ предѣловъ своей исторической колыбели и, растекшись по равнинѣ, достигло въ наибольшей части своихъ границъ естественныхъ предѣловъ. Отъ Государственнаго и народнаго ядра тянулись къ югу, юго-востоку, востоку и сѣверо-востоку необозримыя земельныя площади. Масса народной культуры упиралась на Западѣ и Сѣверо-западѣ въ плотныя массы чуждыхъ культуръ и безъ значительныхъ препонъ растягивалась во всѣ осталь-

ныя стороны Бѣлаго свѣта. Политическія границы далеко опередили границы культурнаго русскаго воздѣйствія. Вся народная масса еще лежала въ басейнахъ верхней Волги и Днѣпра и по берегамъ Оки. Къ юго-западу расположилось политически объединенное, но исторически еще не сросшееся, густо населенное Приднѣпровье. Между великорусскимъ и малорусскимъ ядрами уплотненія лежала многострадальная Смоленщина, этотъ историческій ключъ и къ Днѣпру и къ Волгѣ. Новгородо-Псковская земля съ съ СПБургомъ, затѣмъ обильное поволжье, Вятка съ Камой, рѣдкія гнѣзда уральскихъ заводовъ, да Двинской путь—вотъ и всѣ мѣстности, составляющія область распространенія органически развивавшагося народнаго хозяйства Россіи середины XVIII-го вѣка. Степной югъ, медленно заселявшійся съ XVI вѣка, сталъ, весьма быстро заселяться только съ екатерининскихъ войнъ, когда границы политическія опредѣлили возможность расширенія народныхъ границъ. Громадность вліянія природныхъ богатствъ, плодородіе черноземнаго юга обусловили быстрое его заселеніе. Уже къ серединѣ XVIII вѣка нехватало запаса вольныхъ колонистовъ. Колонизація огромныхъ земель экономически незрѣлой популяціонистически слабой страной, была столь удивительной, что Императоръ Іосифъ, присутствовавшій при закладкѣ пышныхъ зданій Потемкинскаго Екатеринослава, съ полнымъ правомъ могъ иронизировать, говоря, что онъ съ Императрицей Екатериной совершили великое дѣло: Она положила первый камень новаго города, а онъ второй и послѣдній.

Какъ бы то ни было въ послѣднюю четверть 18-го и начала 19-го столѣтій происходитъ быстрое перемѣщеніе центра русской государственности къ югу. Въ 1790-хъ годахъ въ Новороссіи было уже болѣе полумилліона жителей [1]). Еще въ 19-омъ вѣкѣ происходитъ заселеніе пространства между Днѣстромъ и Бугомъ и побережьемъ Чернаго моря. Закамье и Заволжье населяются медленнѣе и позднѣе.

---

[1]) Милюковъ. Очерки по ист. русск. культ. ч. I СПБ. 1898 года стр. 63.

Природныя условія, дальность отъ моря и вліяніе широкаго воднаго стержня Волги, въ полной мѣрѣ проявившаго въ русской исторіи все свое двойственное вліяніе рѣки и соединяющей и оберегающей и разъединяющей, сказались во всей силѣ. И здѣсь заселеніе происходитъ въ политически захваченныхъ предѣлахъ. Оно совершается болѣе свободно, хотя и менѣе интенсивно по сравненію съ заселеніемъ юга. Съ середины 18-го вѣка заселяется Иргизъ. Только въ 1836 г. офиціально открываются Николаевскій, Новоузенскій, Царевскій уѣзды.

Тридцати шести милліонное населеніе Россіи группировалось въ центрѣ и къ западнымъ окраинамъ. Востокъ и югъ висѣли къ нимъ тяжелыми привѣсками.

Характеръ распредѣленія населенія по государственной территоріи весьма любопытенъ—его основная черта—крайняя неравномѣрность заселенности. Это второй и наиболѣе важный фактъ русской экономической жизни, дающій ключъ къ пониманію многаго изъ совершающагося въ послѣдующей исторіи Россіи.

Московская округа уже подошла къ предѣлу насыщенности страны населеніемъ. Здѣсь существовавшія условія и пріемы земледѣлія уже не могли свободно прокормить свое населеніе. Здѣсь уже развились занятія промышленныя, росъ отходъ на промыслы, выдѣлялись переселенческія волны и намѣчались естественно выроставшіе города западноевропейскаго типа. На рубежѣ 19-го вѣка здѣсь уже было мѣстное перенаселеніе. Еще въ серединѣ 18-го вѣка наблюдатели современники поговаривали „о многонародіи“, еще въ наказѣ въ екатерининскую комиссію дворяне Михайловскаго уѣзда, считаясь съ бывавшимъ по мѣстамъ перенаселеніемъ, писали: „крестьянъ на вывозъ безъ земли не продавать, а если за размноженіемъ въ селѣ не хватитъ земли, то въ другой уѣздъ перевести въ свою деревню, а если продать, то въ свой уѣздъ“ [1]).

Высокая для земледѣльческой страны съ экстенсив-

---

[1]) Фальская. Крестьянскій вопросъ въ наказахъ дворянства. М. 1911 г. стр. 23.

нымъ хозяйствомъ плотность населенія вызывала ускоренное развитіе центральныхъ мѣстностей и создавала антагонизмъ ея интересовъ съ интересами колоніально и гораздо болѣе рѣдко населенныхъ, остававшихся вполнѣ земледѣльческими южныхъ округъ. Условія экономической жизни историческаго русскаго центра, вступавшаго на путь народной промышленности и интенсификаціи земледѣлія, требовали плотнаго населенія. Съ этой точки зрѣнія всякое присоединеніе къ государственной территоріи рѣдко населенныхъ или вовсе не населенныхъ земельныхъ пространствъ было явнымъ и ощутимымъ вредомъ для экономическаго роста народнаго ядра. Трудная задача выпала на долю тогдашняго правительства Имперіи: и дойти границами государства до естественныхъ предѣловъ и сохранить плотное населеніе въ центрѣ. Во весь 18-ый вѣкъ правительство, прирѣзая тонкими кордонными линіями новыя области, создавая территоріальное величіе государства, озабочено было какъ бы не пустить на эти привольныя земли населенія „безъ указу“, крестьянъ, которые пришли бы сами собой.

Задача была неразрѣшима.

Въ 1774 году начаты поселенія отставныхъ солдатъ въ Казанской губерніи по р.р. Кондури и Соку. Въ 1762 г. эти поселенія прошли по р.р. Б. Черемшану, Шешмѣ и Кичую. Въ 1773 г. поселенія продвинуты на р.р. Кинель и Самару. Къ послѣднему году въ этихъ поселеніяхъ было 8.243 м. п. въ 3.987 дворахъ. На дворъ было отведено по 45-ть десятинъ, а всего было намежевано 179415 десятинъ земли [1]).

Свобода отъ податей, обиліе плодородной земли и вспомоществованіе отъ правительства должны были обезпечить процвѣтаніе поселеній новоселовъ. Но переселенцы были не рабочіе люди. Это были отставные солдаты, люди правовымъ положеніемъ выкинутые за бортъ деревни и уже отдавшіе государству свою молодость и свои физическія силы. Они въ войскахъ уже были бременемъ, ибо по старости лѣтъ или инвалидности не могли нести службы.

[1]) Заселеніе Заволжья излагается по Денъ „Населеніе Россіи по 5-й ревизіи“, т. II, ч. 2. М. 1902 г. стр. 43—76.

Ихъ привычку къ воинской дисциплинѣ и остатокъ здоровья правительство надѣялось использовать въ качествѣ полувоенной, полуколонизаціонной силы въ тѣхъ степяхъ, которые надо было обезпечить отъ инородческихъ наѣздовъ. Заселеніе и экономическое развитіе края было при этомъ на второмъ планѣ. Само снабженіе поселенцевъ землею имѣло характеръ наиболѣе дешеваго содержанія полувоенной силы.

Къ 1773 году, кромѣ отставныхъ солдатъ, въ эти заволжскія степи прошло и въ нихъ осѣло всего 26 деревень, разсѣвшихся между татарскими и чувашскими деревнями.

Линія государственныхъ границъ энергично продвигалась: въ 1764 г. поселены отставные солдаты въ Астраханской губ. по Царицынской линіи, 1776 г. Волжское казачье войско переселено на Кавказъ, въ 1785 г. изданъ указъ объ устройствѣ Кавказской и Астраханской губ. и заселеніи мѣстности между Кавказской линіей, Царицынымъ и Черкасскомъ.

Заселеніе южныхъ степей заслуживаетъ этого названія и съ точки зрѣнія правительственной политики. Правительственная власть не могла ограничиться здѣсь только постройкой линій. И побужденія имперіалистическія, и влеченіе народа на югъ, къ которому непосредственно примыкали гнѣзда народныхъ уплотненій, и сознаніе ясно ощутимыхъ экономическихъ выгодъ приближенія къ морскому пути на западъ Средиземнаго моря все вынуждало къ скорѣйшему заселенію присоединяемыхъ на югѣ земель.

Власть занялась привлеченіемъ сюда населенія, не отступая даже передъ явнымъ вредомъ для слающихся въ центральныхъ губерніяхъ формъ хозяйственности.

Въ 1770 году была построена Днѣпровская линія и заняты Азовъ и Таганрогъ. Линія прошла по р. р. Бердѣ и Конскимъ водамъ и оперлась на крѣпость Св. Петра у Бердянска. Въ 1784 г. была построена новая линія, шедшая по р. р. Тясмину, Синюхѣ и Ингулу. Наконецъ, съ постройкой въ 1792 г. Днѣстровской линіи край былъ окончательно обезпеченъ отъ военныхъ треволненій.

Весь этотъ край перешелъ подъ власть Россіи, имѣя весьма рѣдкое населеніе[1]).

Его заселеніе совершилось весьма быстро. Правительственная и помѣщичья колонизація были восполнены колонизаціей народной.

Правительственной властью вызывались иностранные колонисты, бѣжавшіе по тѣмъ или другимъ причинамъ за рубежъ русскіе люди и принимались на службу въ качествѣ поселеннаго войска странные полки Шевича и Депрерадовича; переводились и поселялись казенные крестьяне изъ Ярославской, Костромской и Владимірской губерній; новымъ „служилымъ“ людямъ слагавшагося чиновничества жаловались земли. Дворянинъ, офицеръ и чиновникъ легко получалъ большія земельныя имѣнія на очень льготныхъ условіяхъ съ освобожденіемъ отъ всѣхъ повинностей на десять лѣтъ и съ обязательствомъ заселить участки по разсчету 13 дворовъ на 1500 десятинъ. Съ 1774 по 1784 года Новороссійскою и Азовскою губернскою канцеляріями роздано подъ казенныя селенія и помѣщикамъ 4,470730 дес. удобной и неудобной земли, на хуторахъ поселилось 53.511 д. м. п. и 44.098 ж. т. е. въ среднемъ на каждую мужскую душу приходилось болѣе чѣмъ по 83 десятины[2]) Между Бугомъ и Днѣстромъ послѣ 1792 г. было роздано помѣщикамъ 824.374 дес. съ обязательствомъ населить ихъ въ теченіе 12 лѣтъ. Къ 1804 г. здѣсь было поселено около 6.740 д. Большіе участки по 12.000 дес. удобной земли пустовали, другіе же, имѣвшіе до 18.000 дес., имѣли населеніе не болѣе 30 душъ[3]). Наконецъ, бѣжавшихъ отовсюду бѣглыхъ людей было приказано, подъ рукой, принимать и записывать по городамъ и селамъ.

Не безъ содѣйствія правительственныхъ агентовъ шла и вольная народная колонизація, совершавшаяся „осадчими“, „стачевавшими народъ семейный на осѣдлую жизнь въ новыя государевы слободы“.

---

[1]) Въ моментъ присоединенія, напримѣръ, Очаковской области тамъ было едва 14547 д. м. п. (Багалѣй, Колонизація Новороссійскаго края).

[2]) Багалѣй стр. 71.

[3]) — стр. 75.

Народная колонизаціонная волна шла съ бассейна Оки и главнымъ образомъ съ Днѣпра. Первоначальную и наибольшую массу новоселовъ дали запорожскіе выходцы и затѣмъ выходцы изъ слободской, лѣвобережной и правобережной Украины.

Въ началѣ XIX вѣка заселеніе юга еще было далеко не закончено. Въ 1803 г. число жителей Екатеринославской губ. равнялось 666.163 ч., что составляло около 444 ч. на кв. милю. Населеніе Херсонской губ. было 370.433 ч т. е. 264 ч. на кв. милю[1]). Заволжье было населено еще слабѣе. Въ Самарской, Саратовской, Астраханской губерн. и въ области Уральскаго войска земли пустовали; на большихъ пространствахъ кочевали пастушескіе народы да и тѣ смѣняли другъ друга и только въ началѣ 19-го столѣт. здѣсь начинаютъ окончательно устанавливаться тѣ административныя дѣленія, которыя мы встрѣчаемъ теперь, но границы послѣднихъ еще долго оставались неопредѣленными.[2]) „Съ 1804—6 г. г. казаки начинаютъ мало по малу изъ Уральска и изъ нѣкоторыхъ многолюдныхъ станицъ выселяться и разселяться и по склонамъ и разсошамъ Общаго Сырта, а также по рѣкамъ Иртеку, Ташмѣ, Узенямъ и др. Такимъ образомъ къ тридцатымъ годамъ земли Уральскихъ казаковъ, представляющіе дотолѣ, говоря безъ преувеличенія, глухую пустыню, покрылись форпостами, хуторами, уметами, пчельниками, мельницами и т. п.“[3]).

Тѣ 300000 кв. миль, какими обладала Русь къ 1801 г., уже составляли территорію своей обширностью страшную народнохозяйственному развитію страны. Новыя земли оттягивали большой процентъ прироста населенія и этимъ задерживали развитіе родины. Обширность территоріи по отношенію къ населенію въ полной мѣрѣ проявляла свое основное экономическое значеніе: задерживала и замедляла темпъ хода къ новымъ формамъ экономической жизни. Въ историческомъ центрѣ, гдѣ образовался русскій хозяйствен-

---

[1]) — Багалѣй стр. 76.

[2]) Ленъ. Населеніе Россіи по 5-й ревизіи. т. I М. 1902 стр. 191.

[3]) Желѣзновъ. Уральцы. Полн. собр. соч. т. II СПБ. 1888 стр. 286.

ный міръ, культурно создавшій русское государство, уже окончательно опредѣлилась тенденція развитія отъ натуральнохозяйственнаго и торговаго строя къ аграрному и промышленному предпринимательству. Уходившій на новыя земли крестьянинъ, уходилъ отъ создавшагося рынка, отъ мѣноваго хозяйства и, поселясь среди обширныхъ пустошей юга или Заволжья, вновь возвращался къ самодовлѣющему натуральному хозяйству. Попадая въ новыя мѣста, русскій новоселъ оказывался отрѣзаннымъ отъ всего міра, выходящаго за ту небольшую округу, къ которой въ силу природныхъ условій удобства сообщенія, тяготѣло его поселеніе. Задерживающее вліяніе этой внутренне государственной эмиграціи во время не могло быть парализовано. Наше время знаетъ уже способъ разселенія, дающій другіе экономическіе результаты. Такой способъ выработали капиталистически могучія и техническими силами богатыя С. А. С. Штаты, практикующія его при заселеніи пустырей своего запада. Правительство Штатовъ надѣляло пришельцевъ правильно нарѣзанными 60-ти десятинными homes tead'ами и вело все дѣло колонизаціи по строго разработанному плану. Его основная черта и соотвѣтственно важнѣйшая изъ преслѣдуемыхъ имъ задачъ заключается въ стремленіи, чтобы земледѣлецъ не могъ на мѣстѣ своего новаго поселенія остаться изолированнымъ, но неизмѣнно втягивался въ мѣновое и капиталистическое хозяйство страны, чтобы получая личную земельную собственность новоселъ не дичалъ. Колонизація сопутствуется капиталомъ. Желѣзныя дороги протягиваются впереди поселенцевъ, земледѣльческія машины проходятъ впереди избыточнаго населенія. На пустыряхъ водворяется сразу интенсивный трудъ, интенсивное земледѣльческое хозяйство. Колонизація здѣсь является капиталистическимъ предпріятіемъ и даетъ въ непосредственномъ результатѣ только приростъ земельныхъ пространствъ къ общей народнохозяйственной культурной площади, только увеличеніе размѣровъ производства и благосостоянія страны и гражданъ. Въ наши дни этого способа, невозможнаго въ другое время, держатся еще и

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Канада и Аргентина, быстро увеличивающія свое вліяніе на міровомъ хлѣбномъ и мясномъ рынкахъ.

Въ началѣ 19-го вѣка русскій крестьянинъ и даже помѣщикъ, уходя, подобно тому какъ это описано въ Аксаковской хроникѣ, изъ безпокойнаго уже отчаго гнѣзда и уводя съ собой свои дворы, животы и пожитки, въ вольныхъ степяхъ устраивалъ ту жизнь Обломовки, какую становилось трудно удержать рядомъ съ помѣстьями Муравьева или М. Н. Семенова, старающихся на тотъ или другой образецъ интенсифицировать свое хозяйство.

По мѣрѣ втягиванія въ сферу воздѣйствія вновь нарождавшагося хозяйственнаго строя новыхъ земель къ югу отъ бассейна Оки и къ востоку отъ бассейна Днѣпра переселенцы вновь поднимались и вновь шли прочь. Такъ напримѣръ, въ Рязанскую губернію одновременно шла волна переселенія съ сѣвера и отливала волна, казалось бы уже осѣвшаго населенія, далѣе на югъ. Такъ оно шло и повсемѣстно. Вездѣ крестьянинъ уходилъ за поисками болѣе привольной жизни, уходилъ оттуда, гдѣ эта привольная и привычная ему жизнь исчезала, уходилъ туда, гдѣ эта жизнь могла быть возможна.

Рѣка Волга была преградой для передвиженія. Наше разселеніе не могло итти за Волгу, пока въ интенсивности хозяйства не было достигнуто сравненіе центра съ непосредственно примыкавшимъ югомъ до новой преграды здѣсь, до Чернаго моря. Въ первую четверть 19-го вѣка переселенческая волна, шедшая изъ губерній междурѣчья Волги и Оки, мало направлялась на востокъ, почти вовсе не шла въ Сибирь и тянулась почти всею своею массою въ нынѣшнія Воронежескую, Харьковскую, Тамбовскую губ. и далѣе на югъ.

Чѣмъ далѣе къ югу отъ Оки, тѣмъ рѣже располагалось населеніе.

Изъ представленной въ 1800 году Императору Павлу вѣдомости объ удѣльныхъ имѣніяхъ видно, что уже въ то время въ Тульской и Рязанской губерніяхъ были группы крестьянъ съ надѣломъ менѣе одной десятины на душу.

Въ Саратовской губ. земельный надѣлъ удѣльныхъ крестьянъ равнялся 28 дес. на душу.

Жалобы крестьянъ на недостатокъ пахотной земли и угодій очень громко слышатся въ 1796-7 г. г. во время волненій, охватившихъ, какъ извѣстно, всѣ средне русскія губерніи Государственные крестьяне также жалуются въ это время на малоземелье. Въ 1806 г. для нихъ было составлено „Положеніе для поселеній въ Сибири", дозволявшее имъ водворяться на пустопорожнія земли Томской губ. съ полученіемъ отъ казны денежныхъ пособій и пятилѣтней льготой отъ всѣхъ податей и повинностей, кромѣ рекрутской. До 1812 г. въ Томскую губ. переселилось до 3200 семей. Въ 1812 г. дѣйствіе названнаго положенія было пріостановлено. Въ 1822 г. (по указу 10-го апрѣля) вновь разрѣшено казеннымъ крестьянамъ переселяться въ Сибирь съ разрѣшенія мѣстныхъ казенныхъ палатъ и по уплатѣ всѣхъ числящихся на нихъ недоимокъ (1).

Что для помѣщичьихъ крестьянъ имѣло мѣсто тоже малоземелье явствуетъ изъ того, что въ законахъ существовало постановленіе, понуждавшее помѣщиковъ переселять крестьянъ изъ густо населенныхъ имѣній на свободныя земли въ другихъ имѣніяхъ. [2]) Эта статья закона была снабжена карательной санкціей, угрозой отобранія малоземельныхъ крестьянъ въ казенное вѣдомство. [3])

Неравномѣрность заселенія и густота расположенія гнѣздъ уплотненія историческаго ядра государства были въ значительной мѣрѣ порожденіемъ права того времени и находились въ зависимости отъ наличія многочисленнаго класса помѣщиковъ и величины средняго крѣпостного имѣнія. Исторически выросшими правовыми отношеніями на-

---

1) М. К. Любавскій. Историч. географ. Россіи въ связи съ колонизаціей М. 1909. Курсъ лекцій. стр. 355.

3) Св. Зак. т. IX ст. 1107.

3) и впослѣдствіи едва были сняты крѣпостные путы, на другой же годъ по освобожденіи началось переселенческое движеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ напримѣръ, изъ Данковскаго уѣзда въ 1862 г., изъ Раненбургскаго въ 1863 г. (Григорьевъ, пересел. крест. рязан. г. Русская Мысль 1884 г. № 1 с. 12).

селеніе и народное хозяйство страны были искусственно ограничены въ своемъ развитіи. Правовое давленіе удаляло изъ сферы широкой экономической борьбы массу крѣпостного крестьянства. Помѣщикъ организовывалъ планомѣрное производство, учитывая живыя силы населенія своего помѣстья. Народнохозяйственное развитіе страны опредѣлялось интересами помѣстья и, если пошло въ окончательномъ счетѣ въ направленіи не наивыгоднѣйшемъ для крѣпостного владѣльца, то этому были причиной силы, не поддающіяся сознательному разсчету.

Населеніе помѣстья было его рабочей силой, его живымъ инвентаремъ. Законы размноженія это народонаселенія были законами особаго порядка, требовавшими особаго изслѣдованія и поддававшимися особому вліянію разсчетливаго владѣльца. Помѣщикъ подъ вліяніемъ выроставшаго рынка становился производителемъ, его „подданный“ подъ этимъ же вліяніемъ, своеобразно передававшимся черезъ посредство нормъ часто неписаннаго права, превращался въ раба. Отношеніями между требованіями производства и судьбой раба опредѣлялись законы народонаселенія, расположеніе мѣстъ уплотненія населенія и густота расположенія ихъ въ Россіи начала 19-го вѣка. Только этическія цѣнности могли тутъ что либо измѣнить. И въ силу человѣческой природы эти измѣненія, какъ бы наперекоръ желѣзнымъ законамъ математическихъ построеній теоретической политической экономіи, имѣли мѣсто.

Наиболѣе плотно населенными были губерніи съ наибольшимъ количествомъ помѣстій, по величинѣ достаточныхъ для того, чтобы быть самостоятельными единицами производства. Таковыми были губерніи: Смоленская, Тульская, Могилевская, Калужская, Московская, Тверская въ частяхъ своихъ, прилегавшихъ къ верховьямъ Днѣпра, Волги и Оки.

Въ центральныхъ губерніяхъ населеніе задерживалось, кромѣ отношеній крѣпостного права, и въ силу связей съ создававшимся въ это время потребительскимъ рынкомъ.

Тягость поборовъ государства и помѣщика, часто уже

европеизированнаго вельможи и барина, малоземелье и бѣдность, вліяніе развивавшагося денежнаго хозяйства, города и внѣшней торговли заставляли искать заработковъ и давали возможность ихъ находить.

Русская фабрика привила народу нѣкоторые навыки. Еще не вполнѣ оцѣненное культурное вліяніе французовъ, оставшихся въ Россіи послѣ отечественной войны, помогло развиться исконнымъ кустарямъ и укрѣпиться новымъ промысламъ, какъ создавшимся въ результатѣ распыленія фабрики, такъ и вновь народившимся. Такимъ образомъ создалось и окрѣпло промышенное населеніе, разселеніе котораго при крѣпнущихъ связахъ съ весьма неширокимъ и опредѣленнымъ рынкомъ было невозможнымъ. Въ силу экономическихъ причинъ указаннаго свойства промышленное населеніе должно было бы стягиваться въ городъ. Москва, какъ городъ новаго торгово-промышленнаго типа, по своей экономической природѣ должна была создаться значительно ранѣе, чѣмъ это произошло въ дѣйствительности. До середины 19-го вѣка правовыя отношенія были еще властны надъ экономическими.

Крестьянинъ, живя Москвой и свѣтелкой, еще жилъ въ деревнѣ и при землѣ. Избыточное населеніе оставалось или аграрнымъ пролетаріатомъ или, въ своихъ болѣе жизненныхъ слояхъ, образовывало уплотненія въ деревняхъ, живя уже не отъ деревни.

Статистикъ начала 19-го вѣка Германъ насчитывалъ въ первомъ десятилѣтіи вѣка около 600 городскихъ поселеній. Около половины этого числа онъ признавалъ сколько-нибудь похожими на города. Крупными центрами были обѣ столицы, да еще пять городовъ съ населеніемъ отъ 30-ти до 60-ти тысячъ въ каждомъ. Это были: Тула, Казань, Астрахань, Вильна и Рига. Изъ нихъ только Тула лежала въ центрѣ. Ея населенность была до извѣстной степени искусственно создана ея государственнаго характера промышленностью. Казань создана особыми историческими условіями. Вильна и Рига были порожденіемъ чуждыхъ культуръ, иныхъ правовыхъ вліяній и иного экономическаго прошлаго. 128 городовъ имѣли населеніе отъ 45-ти до 1000 ч.

Къ концу царствованія Екатерины II въ городахъ жило около 1301 т., что составляло до 4,1% всего населенія [1]).

Большинство изъ городовъ Россіи были декретированными, не имѣвшими экономическаго смысла, городами. Эти города часто были вызваны къ существованію ради цѣлей административныхъ и ничѣмъ не нарушали того фона аграрнаго населенія, какимъ была сильна страна. Въ городѣ были административныя учрежденія, въ городъ съѣзжались для увеселеній, но часто въ городѣ не было ни каменныхъ домовъ, ни даже торгующихъ лавокъ.

Справедливо было замѣчено, что и „упраздненіе городовъ“ и „возведеніе селъ на степень городскихъ поселеній“ было вродѣ разжалованія въ рядовые или возведенія въ извѣстный чинъ по табели о рангахъ“. Поводами для разжалованія бывало иногда соображеніе, такъ сказать, чисто домашне-педагогическаго свойства: такъ, напр., гор. Александровскъ, Ставропольской губ. вмѣстѣ со многими другими пунктами той же губерніи, въ 1837 году за принадлежность большаго числа его жителей къ сектѣ „жидовствующихъ“, былъ разжалованъ въ станицу [2]).

И все же были въ Россіи города, — вѣрнѣе, сѣмя будущихъ городовъ, — въ селахъ промышленнаго населенія Московской, Владимірской, Ярославской губерній.

Подводя итоги слѣдуетъ признать основными характерными фактами русскаго народнаго хозяйства на рубежѣ 19-го вѣка слѣдующее: 1) государство въ ростѣ политически объединенной территоріи обогнало территорію народнохозяйственнаго воздѣйствія и 2) населеніе страны расположилось крайне неравномѣрно по территоріи заселенія.

Остальные выводы могутъ быть получены какъ слѣдствіе этихъ двухъ основныхъ положеній.

Вредное вліяніе обширности территоріи могло быть парализовано развитіемъ мѣстной автономіи, притягивающей и искусственно уплотняющей населеніе по очагамъ

---

[1]) Милюковъ. Очерки. Ч. I. Стр. 79.

[2]) В. Семеновъ-Тяншанскій. Городъ и деревня въ Евр. Россіи. 1910. Стр. 44.

этой автономіи. Такимъ способомъ создано условіе для могущества С.-А. С. Штатовъ, не поглощенныхъ и не обезсиленныхъ обширностью своихъ пустырей. Русская исторія выработала иное средство: прикрѣпленіе къ землѣ и, затѣмъ, къ помѣщику. Но наше правовое давленіе было по существу противно развитію интеллектуальной личности и вызывало протесты, обезсилившіе нашъ народъ въ междоусобной, еще не изученной историками, борьбѣ. Тѣмъ не менѣе въ требованіяхъ народнохозяйственнаго развитія было единственное оправданіе крѣпостничества. Очагами уплотненія населенія средней Россіи были помѣстья, создавшія въ своей совокупности необходимую плотность. Въ началѣ 19-го вѣка эта высокая плотность уже не была въ полной мѣрѣ прогрессивнымъ факторомъ экономическаго развитія. Крѣпостной укладъ задержалъ развитіе города, но онъ же задержалъ населеніе отъ полнаго растеканія по громадной площади Имперіи и тѣмъ спасъ отъ возвращенія къ первобытнымъ формамъ хозяйственности.

Быстрый ростъ территоріи государства въ годы Екатерины II имѣлъ своимъ слѣдствіемъ еще одинъ фактъ: раздѣленіе Россіи на двѣ полосы различнаго экономическаго характера.

Не въ климатѣ, не въ почвѣ, не въ близости моря надо искать объясненія дуализма Россіи, столь сказавшагося въ послѣдующую исторію Имперіи, но въ антагонистическихъ тенденціяхъ экономическаго развитія русскихъ центральнаго сѣвера и юга. Историческая роль двухъ центровъ русской культуры великороссійскаго ядра — бассейна верхнихъ Волги, Днѣпра и Оки и малороссійскаго— бассейна средняго Днѣпра по отношенію къ новымъ землямъ Новороссіи и Заволжья сводилась къ роли метрополіи и колоніи. Но метрополія была весьма слабой и въ популяціонистическомъ отношеніи и въ отношеніи экономическаго развитія, пространство же колоній было слишкомъ велико. Метрополія не имѣла столь развитой промышленности, чтобы экономически использовать вновь присоединенныя пространства. Колоніи же населились земледѣль-

цами и поросли крупными помѣстьями [1]), что могло дать въ результатѣ только развитіе хлѣбопашества въ условіяхъ натуральнаго хозяйства и, въ случаѣ возникновенія и продолжительнаго воздѣйствія денежнаго рынка, плантаторскую организацію интенсифицирующихся хозяйствъ. Что развитіе русскаго юга пошло въ этомъ направленіи, это доказала дальнѣйшая исторія. Русскій центръ продолжалъ развиваться по своему историческому пути. Накопившійся торговый капиталъ, промышленные навыки населенія, бѣдная природа, относительно мелкое землевладѣніе и давленіе всей тяжести государственнаго рынка—предуказывали будущее промышленное развитіе. Центръ и югъ Имперіи по своей экономической природѣ должны были стать антагонистами. Вся дальнѣйшая исторія этихъ мѣстностей въ 19-мъ вѣкѣ можетъ быть понята какъ логическое слѣдствіе быстрыхъ разселеній населенія, происшедшихъ въ дни Императрицы Екатерины.

Народнохозяйственное наслѣдіе страны.

(Развитіе денежнаго хозяйства).

Въ послѣдніе годы 18 вѣка внѣшній видъ Россіи, такъ сказать съ птичьяго полета, представлялся характерными чертами, свойственными обычно молодой странѣ, колоніально завоевываемой чуждой культурной метрополіей. Страна, казалось, имѣла въ себѣ какую-то безпокойную рябь органическаго народнаго прошлаго, питающаго привитой „аг-

---

[1]) Величина участковъ, отводимыхъ чиновникамъ подъ заселеніе при Императрицѣ Екатеринѣ, колебалась отъ 1500 до 12000 дес. и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ (Багалѣй, стр. 71). Въ 1803 году велѣно было штабъ и оберъ-офицерамъ отводить по 1000, а оберъ-офицерамъ по 500 десятинъ земли въ Новороссійскомъ краѣ (Багал. стр. 76).

Въ десяти уѣздахъ Новороссіи (исключая двухъ крымскихъ) было въ 1800 году крѣпостныхъ крестьянъ 335,896 д. об. п. при общемъ числѣ жителей около 850,000 ч. (Багалѣй. Стр. 76, 98).

лицкимъ“ садоводомъ пышный цвѣтъ изъ чужихъ оранжерей. Подъ инымъ небомъ иначе выростала привитая культура.

Земледѣльческая страна съ неравномѣрно распредѣленнымъ населеніемъ, съ рѣдкими торговыми и административными городами, съ промышленностью, крѣпшей по деревнямъ, съ значительнымъ торговымъ купечествомъ, рабскими фабриками для государства, кое-гдѣ возникавшими рабскими плантаціями и рѣдкими дворцами вольтерьянцевъ и романтиковъ русскаго пэрства; эта страна прильнула къ Петрову окошку и къ западной теплой стѣнѣ, а со всѣхъ другихъ сторонъ расползлась въ рѣдкомъ кружевѣ врозь бредущаго населенія. Имѣнія Кирѣевскихъ, Шереметевыхъ, Каменскаго, Орлова, Апраксина, Шаховскаго, Голицына, Всеволожскаго, Нарышкина, Шувалова и т. п. были весьма характернымъ явленіемъ для страны, другимъ полюсомъ которой были скиты и молельни заволжскихъ старцевъ, да бортныя ухожаи, форпосты, степныя мельницы, хутора и уметы.

Въ дни Екатерины звучитъ еще много струнъ натурально-хозяйственныхъ отношеній. Ими опредѣляется густой основной тонъ народнаго хозяйства. Но поверхъ него все настойчивѣй и настойчивѣй, рѣзкимъ диссонансомъ звучитъ другая мелодія.

Еще съ половины XIV столѣтія Россія вступаетъ въ періодъ развитія денежнаго хозяйства. Однаго это развитіе, поддерживаемое всею тяжестью государственнаго аппарата, идетъ весьма медленно. При установленіи подушной подати Петру Великому приходится настаивать и подтверждать что бы „платили (дворяне) со всякой души мужеска пола крестьянъ и дворовыхъ и дѣловыхъ и всякаго званія людей . . . . по 80 гривенъ съ персоны . . . деньгами, а не иными вещами“ [1]). Послѣднія подати натуральнаго характера были отмѣнены указами отъ 10-го и 18-го декабря 1796 года.

---

1) Сборн. „Великая Реформа“ М. 1910. т. I статья В. Сторожева. Раскрѣпощеніе дворянъ и закрѣпощеніе крестьянъ, стр. 93.

Вторая половина 18 вѣка была временемъ развитія денежно-хозяйственныхъ отношеній. Помѣщикъ осѣдалъ на землю. Это осѣданіе было свидѣтельствомъ выгодности эксплоатаціи помѣстья и само вело къ денежнохозяйственной его организаціи. Натуральное хозяйство смѣнялось хозяйствомъ для сбыта и незамѣтно переходило въ хозяйство, организуемое какъ земледѣльческое предпріятіе.

Это была не единственная извѣстная уже странѣ форма предпріятія. Ранѣе аграрнаго устроительства помѣщикъ силою вещей былъ подведенъ къ усвоенію промышленнаго предпріятія. Государствомъ организованная поссесіонная фабрика, бывшая промышленностью на службѣ у государства, однимъ фактомъ своего существованія наталкивала на подражаніе. И какъ только дворянство, получивъ политическое вліяніе, смогло обезпечить себѣ государственный рынокъ, оно постаралось обзавестись вотчинной фабрикой, бывшей по своему экономическому характеру, по крайней мѣрѣ въ первую пору своего существованія, тою же поссесіей, но обезпеченной рабочими силами не на государственномъ, а на частномъ правѣ.

Каковъ былъ путь денежнаго хозяйства?

Образованіе государственнаго рынка, внѣшняя торговля, включеніе въ государственную территорію областей и населенія съ болѣе развитымъ денежнымъ укладомъ будировали народное хозяйство. Путь развитія шелъ отъ осѣданія дворянина на землю и потребительскаго хозяйства къ вотчинной фабрикѣ и аграрному предпринимательству. Отправнымъ пунктомъ было натуральное хозяйство.

Почти классическимъ и весьма часто цитируемымъ стало извѣстное начало второго очерка П. Милюкова [1]), гдѣ говорится о томъ, какъ въ началѣ 19 вѣка на Кузнецкомъ Мосту стоялъ большой барскій домъ, какъ провизія привозилась въ этотъ домъ цѣлыми обозами изъ крѣпостныхъ деревень владѣльца дома, какъ вся прислуга въ домѣ была крѣпостной собственныхъ деревень, какъ и т. п.

Идеалъ натуральнохозяйственнаго распорядка пре-

---

[1]) Очерки по Исторіи русской культуры. Спб. 1898 ч. I стр. 65.

красно выраженъ въ словахъ Петронія „nec est quod putes, illum guid quam emere; omnia domi nascuntur“.

По странной иронiи эти слова были сказаны въ эпоху почти распада высшихъ формъ капитализма древняго міра, соединившаго въ себѣ чрезвычайно развитой и организованный обмѣнъ съ образованіемъ громадныхъ ячеекъ искусственно созданныхъ самодовлѣющихъ хозяйственныхъ организацій. На Руси конца 18 вѣка не было этого высшаго типа хозяйства, но уже не было и патріархально безденежнаго уклада помѣстья. Потребности помѣщика уже не могли удовлетворяться силами одного только своего помѣстья. И вмѣстѣ съ тѣмъ крупнымъ помѣщикомъ уже ставился идеалъ, чтобы все производилось дома. Покупали вина, пряности, сухіе плоды, чай, сахаръ, ткани, металлы, орудія. И рядомъ были собственныя: кружевницы, живописцы, кондитеры, танцовщицы, музыканты и даже поэты. На поляхъ сѣялись хлѣба и злаки не только для себя, но и для торговли. Но многіе помѣщики Московской губ. уже въ 1804 г. имѣли фабрики, продукты которыхъ шли „для домашняго обихода“ [1]).

Страна уже жила раздѣленіемъ труда и занятій и работала для рынка. Въ журналѣ Сатирическій Вѣстникъ, издававшемся въ Москвѣ въ 1790—92 г.г. нѣкій авторъ письма изъ города М. сообщалъ, что тамъ на 5000 жителей дворянъ находилось болѣе нежели до 100.000 ч. парикмахеровъ, поваровъ, кондитеровъ, слугъ и служанокъ [2]). Какъ обычно бываетъ въ исторіи, вторженіе денежныхъ отношеній начинаясь съ высшихъ соціальныхъ слоевъ, постепенно проникаетъ вглубь соціальную. Начинаясь отъ покупокъ предметовъ болѣе развитого и сравнительно изощреннаго вкуса торговыя передвиженія предметовъ, какъ товаровъ, доходятъ до предметовъ первой необходимости.

Въ Россіи въ началѣ 19-го вѣка покупали мало. Чѣмъ

---

[1]) Рожковъ. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ 19 вѣка. (Ист. Россіи въ XIX вѣкѣ изд. Гранатъ вып., 2 стр. 139).

[2]) Сборн. „Великая Реформа“. М. 1910 т. I статья В. Семевскаго. Крестьянскій вопросъ въ литературѣ Екатерининскаго времени, с. 227.

богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ болѣе онъ участвовалъ въ мѣновомъ оборотѣ страны. Слава о роскоши богачей-магнатовъ заставляла тянуться за ними среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ. Этическое, не экономическое стремленіе не отстать отъ „своихъ равныхъ“, побужденіе въ исторіи человѣчества сыгравшее необычайно большую роль, способствовало расширенію денежнаго оборота и хозяйства. Спросъ государства, спросъ знати, спросъ средне-помѣстныхъ дворянъ создали нѣкоторый рынокъ. Постепенно товарообмѣнъ проникалъ въ болѣе широкіе круги населенія. Въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“ за 1832 г. уже попадаются жалобы, что крестьяне начали носить сапоги, что прежде мужикъ, купивъ шапку носилъ ее всю жизнь и даже оставлялъ дѣтямъ въ наслѣдство, а теперь по три раза въ годъ мѣняетъ картузъ, чай стали заводить и самовары.

Съ середины 18-го вѣка растутъ цѣны на хлѣбъ.

„Многіе крестьяне не пашутъ, читаемъ еще въ наказѣ Крапивенскихъ дворянъ въ Екатерининскую коммиссію, а употребляютъ себя въ прочія безполезныя работы и отъ немалаго уменьшенія въ хлѣбопашествѣ нынѣ не малая дороговизна хлѣбу сказалась“. [1]).

Цѣны на хлѣбъ на Гжатской пристани поднялись съ 86 к. за четв. въ 1760 г. до 7 р. въ 1790 г. [2]). Въ Ярославской губ. въ 1760 г. цѣна за четверть пшеницы колебалась отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 92 к.

въ 1785 г.	отъ 4 р. — к.	до 6 р. — к.
въ 1795 г.	отъ 5 р. 30 к.	до 8 р. 75 к.
въ 1802 г.	отъ 8 р. 20 к.	до 8 р. 75 к.

Цѣна ржи въ эти же годы была:

въ 1760 г.	отъ — р. 62 к.	до 1 р. 12 к.
въ 1785 г.	отъ 2 р. 20 к.	до 4 р. 20 к.
въ 1795 г.	отъ 4 р. — к.	до 5 р. 50 к.
въ 1802 г.	отъ 4 р. 40 к.	до 5 р. 5 к. [3]).

---

[1]) Фальская. Крес. вопр. въ наказ. двор. XVIII в. М. 1911 стр. 4.

[2]) Щербатовъ. Статистика въ разсужденіи Россіи. Соч. т. I. изд. 1896 г. стр. 645.

[3]) Довнаръ-Запольскій. Крѣпостники въ первой четверти 19 в. сборн. „Великая Реформа“. М. 1910 т. II стр. 126.

Въ Тверской губ. въ 1800 году пудъ сахара по цѣнѣ равнялся 19 четверикамъ ржи, въ 1830 г. его цѣнность могла быть приравнена только 46 четверикамъ. Въ 1800 г. за три аршина сукна на кафтанъ платили стоимостью четырехъ четвертей ржи, въ 1830 г.—$8^1/_2$. [1]).

На тотъ же процессъ растущаго денежнаго оборота и расширяющагося денежнаго хозяйства указываетъ быстро повышающаяся цѣнность деревнямъ (ревизск. душамъ). Такъ напримѣръ, Генералъ Прокуроръ кн. Вяземскій въ докладѣ Императрицѣ Екатеринѣ II говорилъ, что въ 1762 и 1763 г.г. цѣна деревнямъ самая извѣстная считалась по 30 р. за душу, такъ что многіе, получившіе деревни, эту денежную сумму предпочитали деревнямъ. Теперь же т. е. въ 1783 г., сказано далѣе въ докладѣ, „менѣе чѣмъ за 70 и до 100 р. ни одна россійская деревня куплена быть не можетъ, не упоминая о разныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣна недвижимыхъ имѣній гораздо болѣе возвысилась“ [2]).

Особенно характерной для развивающагося денежнаго хозяйства въ литературѣ считается растущая дифференціація экономическихъ интересовъ различныхъ областей страны. Такая экономическая дифференціація была ясно сознана современниками уже въ серединѣ 18-го вѣка.

Въ наказахъ дворянъ различныхъ уѣздовъ въ Екатерининскую комиссію сказалось стремленіе соблюсти выгоды сословія. Но что считаютъ хозяйственно выгоднымъ помѣщики уѣздовъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Оки, то признается невыгоднымъ помѣщиками мѣстностей, лежащихъ къ югу отъ Оки. Такъ, Ярославскіе дворяне просятъ разрѣшить крестьянамъ свободный торгъ своими продуктами и издѣліями, а также, чтобы позволено было крестьянамъ съ поручительствомъ господъ вступать въ подряды до извѣстной суммы, сидѣть въ зимнее время отъ купцовъ въ лавкахъ и откупу въ питейныхъ домахъ.

Владимирскіе дворяне просятъ о разрѣшеніи крестьянамъ продавать въ городѣ розницей, а не только оптомъ.

---

[1]) Довн.-Запольск. стр. 126.

[2]) Карновичъ Замѣч. богат. 1874, с. 51.

О томъ же просятъ дворяне Шуйскаго уѣзда. Совершенно обратно сознаютъ свои интересы дворяне Крапивенскаго уѣзда. „Во всемъ государствѣ дворовымъ людямъ и крестьянамъ, пишутъ они, никакими товарами въ городахъ и уѣздахъ не торговать, а упражняться единственно крестьянамъ въ земледѣльчествѣ и въ разныхъ принадлежащихъ до нихъ работахъ, отчего умножится хлѣбъ“ [1]).

Въ концѣ 18 вѣка въ нечерноземныхъ губерніяхъ уходитъ на неземледѣльческіе заработки до $^1/_5$ — $^1/_3$ части всего взрослаго мужскаго населленія. Въ это же время ростетъ число фабрикъ и число занятыхъ на нихъ рабочихъ. Географически фабрики въ наибольшемъ числѣ группируются въ Московской (до $^1/_4$ части всего ихъ числа), Калужской, Владимирской, Воронежской, Костромской, Ярославской губерніяхъ. Въ 1810 году первое мѣсто по величинѣ производства принадлежитъ Московской губ. съ ея 47 фабриками. Здѣсь были фабрики крупнѣе, чѣмъ во Владимирской губ., гдѣ было наибольшее число ихъ (94 ф.) [2]).

По словамъ современниковъ, во второмъ десятилѣтіи 19 вѣка „многія деревни приняли видъ городовъ, будучи заселены ремесленниками крестьянами, которыхъ считалось по всей странѣ до 700.000 ч. [3]) Малороссія, Новороссія, Кавказъ, полоса къ югу отъ Оки, нижнее Поволжье совершенно не знали обрабатывающей промышленности. Бестужевъ, авторъ „Опытныхъ замѣчаній о крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ въ низовомъ краѣ Россіи“, свидѣтельствуетъ, что въ 1820—30 годахъ по нижнему поволжью не было не только фабрикъ, но и крестьянскихъ промысловъ. Наоборотъ, въ началѣ 19 в. Новороссія уже стала житницей Россіи. Въ 1803 г. въ Екатеринославской губ. было посѣяно 448.195 четв. ярового и озимаго хлѣба и собрано 1.565.865 ч. Въ 1804 г. собрано тамъ же 2.387.708 ч. [4]). Въ началѣ вѣка въ

[1]) Фальская. Стр. 7—8.

[2]) Погожевъ. Статья въ сборн. стат. свѣд. по Моск. губ., т. IV, ч. I. Стр. 59.

[3]) Н. А. Рожковъ. Эконом. разв. Россіи въ перев. пол. 19 в. Ист. Рос. въ XIX в. изд. Гранатъ. Вып. 2, стр. 141.

[4]) Багалѣй. Колонизація Новороссійскаго края. Кіевъ. 1889 г., стр. 105.

Новороссіи было до $2^1/_2$ мил. гол. скота. Въ 1823 г. въ Херсонской г. было 199.280 шт. мериносовъ [1]).

Начавшаяся съ средины 18-го вѣка интенсификація народнаго хозяйства безотлучно сопровождается и оттѣняется народными волненіями, рѣзко говорящими о трудности и тяжести совершавшагося перелома.

Съ половины 18-го вѣка тянутся волненія крестьянъ помѣщичьихъ, подъ тяжестью аграрнаго строительства, крестьянъ, предназначавшихся въ вотчинахъ на работы на фабрику, крестьянъ, приписанныхъ къ поссессіоннымъ заводамъ, и мастеровыхъ на этихъ заводахъ.

Съ середины вѣка до пугачевщины число волненій помѣщичьихъ крестьянъ достигаетъ 40. Ихъ особенно много въ 1767—68 гг. Въ 1773 и 1775 гг. разражается Пугачевщина. Въ 1796—7 г. волнуется 32 губ. Затѣмъ идетъ нѣкоторый перерывъ. Въ 1812 г. имѣлъ мѣсто яркій и романтичный бунтъ Пензенскаго ополченія. 1818—1820 г. открываютъ рядъ волненій почти сплошныхъ до самаго дня 19-го февраля и ближайшихъ мѣсяцевъ послѣ момента юридически свершенной реформы. Этотъ же періодъ съ начала второй половины 18-го вѣка ознаменованъ волненіями изъ за фабрикъ и на фабрикахъ и заводахъ. 1752 г. принесъ волненія въ Обоянскомъ уѣздѣ, въ 1754 г. волнуются громадные заводы Шувалова и крестьяне, которые „въ приписку къ заводу не шли“. 1760—62 гг. происходятъ волненія на Каслинскихъ и Кыштымскихъ заводахъ Демидова, въ 1763 г. на Соликамскихъ и Чердынскихъ заводахъ; въ 1770 г. волнуются Олонецкіе заводы, наконецъ, въ 1773 г. разражается Пугачевщина.

Такъ подъ вопли, стоны и предсмертные крики нарождалось на Руси новое хозяйство, приготовляя путь вдали грядущему, изъ за рабства, аграрнаго и помѣщичьяго строительства тянущемуся свободному и страшному капитализму.

Къ началу 19-го вѣка утверждается свобода торговли. Государство отказывается отъ системы монополій и этотъ

---

[1]) Багалѣй. стр. 105.

отказъ не влечетъ за собой упадка торговой дѣятельности. Не въ видѣ правила существуютъ торговыя монополіи и въ поздѣйшее время. Такъ купцы Сапожниковы держатъ въ содержаніи въ 1819 г., пожалованные Императоромъ Павломъ князю Куракину, учужные рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ. Но въ то же время они уже держатъ до 13 коммерческихъ конторъ и ведутъ хлѣбную торговлю, скупаютъ у персіанъ шелкъ и чернильные орѣшки, занимаются мукомольной промышленностью, мыловаренною, салотопенною, шерстяною, кожевенною. Къ началу вѣка утверждается свобода внутренней торговли хлѣбомъ, организуется сбытъ хлѣба на дальній рынокъ, тянутся обозы съ юга къ сѣверу и къ портамъ.

Въ 1800 г. былъ разрѣшенъ свободный вывозъ хлѣба, о чемъ просило купечество Петербурга. На вывозимый хлѣбъ была установлена пошлина въ 30 к. съ четверти. Вывозъ хлѣба быстро возрасталъ. Въ 1790—1792 гг. хлѣба было вывезено 233 т. четв., въ 1802—4 г. вывозъ былъ равенъ 2 милл. четв. Въ 1800 г. по цѣнности вывозъ хлѣба составлялъ 15—16% всего вывоза [1]). Кромѣ хлѣба участвуютъ въ вывозѣ лѣсные товары. Въ 1815 г. ихъ вывозъ былъ по цѣнности равенъ 1320 тысячамъ руб. серебра. Въ 1825 г. вывезено скота и продуктовъ скотоводства на 15.845.000 р. Далѣе во ввозѣ появляется новая любопытная статья: въ 1820 г. было ввезено машинъ на 100.000 р.[2]).

Все вышеизложенное свидѣтельствуетъ, что въ земледѣльческомъ хозяйствѣ все болѣе и болѣе опредѣленно и ясно звучала струна товарнаго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже товарнокапиталистическаго строительства. На берегахъ судоходныхъ рѣкъ встрѣчались настоящія сельско-хозяйственныя предпріятія, хотя въ тѣхъ же мѣстахъ, въ той же напримѣръ Рязанской губерніи, но въ ея южной части, крѣпостное хозяйство оставалось вполнѣ натуральнымъ.

---

[1]) Рожковъ. Эконом. разв. Россіи въ первой половинѣ 19 вѣка стр. 138.

[2]) Тамъ же, стр. 139.

Вліяніе государства и права на экономическое развитіе страны.

(Государственный рынокъ. Государственные: долги, доходы, расходы, дефициты. Войны и великодержавность. Таможенная политика. Экономическая политика. Крѣпостной укладъ. Мѣры правительства относительно крѣпостного права).

Быть можетъ нигдѣ яснѣе, чѣмъ въ исторіи Россіи, не сказалось вліяніе правового уклада вообще и государственнаго строительства въ частности на интенсивность развитія экономической жизни народа. Потребности и претензіи государства не находили себѣ достаточно твердой опоры въ народномъ хозяйствѣ. Для политической самостоятельности должны были приноситься непосильно тяжелыя жертвы. Землевладѣлецъ долженъ былъ стать служилымъ человѣкомъ, крестьянинъ — крѣпкимъ землѣ, посадскій—крѣпкимъ посаду. Вслѣдъ за политическимъ врагомъ пришелъ врагъ пустырей Сѣвера, Востока и Юга. Народъ растекался среди рѣдкихъ поселеній инородцевъ. Народное хозяйство расширялось географически и медленно подвигалось впередъ въ своемъ развитіи. Требованія же государственнаго механизма, осложняющагося и растущаго весьма интенсивно, долженствовавшія быть выполненными во что бы то ни стало, вынуждали интенсифицировать хозяйство.

Необходимо было собирать деньги съ народа ими бѣднаго, возводить, какъ государственное учрежденіе, заводы и фабрики, дополняя новымъ звеномъ гармоническую цѣпь государственнаго уклада Россіи.

Восемнадцатый вѣкъ принесъ государству новую заботу, извнѣ привходящую заботу великодержавности. Вліяніе на Европу, достоинство въ Европѣ требовали новыхъ напряженій и ложились новымъ опредѣляющимъ давленіемъ на экономическое развитіе народа. Къ началу XIX-го вѣка это былъ весьма рѣзкій факторъ народнохозяйственнаго развитія Россіи.

Его вліяніе было двойственнымъ. Посколько имъ вызывалось усиленное сношеніе съ Западомъ, приводились въ соприкосновеніе съ Европой большія народныя массы, постолько страна втягивалась въ оборотъ товарнаго, все интенсифицирующагося хозяйства; посколько же задачи государства въ Европѣ вызывали напряженіе платежныхъ силъ населенія и трату „рекрутскаго матеріала“, постолько великодержавность была горемъ народа и задерживающимъ искривленіемъ его хозяйства.

Съ Петра В. правительство интенсивно вмѣшивалось въ экономическую жизнь народа, съ Петра В. оно не переставало дѣлать попытки строить народное хозяйство, прикладывая къ этому дѣлу и заботы вотчиннаго хозяина и „планы и совѣты“ теоретической мысли тѣхъ учителей, за здравіе которыхъ поднялъ первую чашу великій Царь Питеръ. Общая роль правительства въ отношеніи народнаго хозяйства была значительно болѣе сильна и глубока, чѣмъ это можно предположить. Втягиваніе народнаго хозяйства въ денежно-хозяйственный оборотъ было совершено преимущественно подъ вліяніемъ государственнаго аппарата. Московская Русь знала торговый капиталъ. На Руси 18-го вѣка мало капиталовъ составляется торговлей. Замѣчательныя купеческія богатства во второй половинѣ 18-го вѣка стали составляться по большей части посредствомъ откуповъ и казенныхъ подрядовъ.

Карновичъ, авторъ спеціальной монографіи о замѣчательныхъ богатствахъ частныхъ лицъ въ Россіи, считаетъ, что эти богатства составились, кромѣ пожалованія населенными землями, отъ поссессіонныхъ заводовъ чугунныхъ, желѣзодѣлательныхъ, мѣдноплавильныхъ, затѣмъ отъ казенныхъ откуповъ (таможенныхъ, заставныхъ и винныхъ), отъ казенныхъ подрядовъ и поставокъ, на золотыхъ пріискахъ, отъ военныхъ подрядовъ, наконецъ, отъ выгодъ, сопряженныхъ съ исполненіемъ должностей на службѣ государства. По словамъ, цитируемыхъ Карновичемъ, записокъ генерала Ковальскаго „еще въ началѣ нынѣшняго (19-го) столѣтія каждый кавалерійскій полкъ давалъ командиру своему ежегодно дохода до 100.000 р. ассигнаціями“.,

На государственныхъ постахъ и просто на должностяхъ даже незначительныхъ чиновниковъ составлялись состоянія. Банкировъ было немного—до конца 18-го вѣка русскихъ было двое: Николай Роговиковъ и въ Амстердамѣ — Соловьевъ. Банкиры иностранцы—Липманъ, Сутерландъ, Фридериксъ, Раль—были болѣе всего придворными банкирами [1]). Промышленность почти исключительно работала на государство. Государственный рынокъ былъ такъ великъ относительно производительности нашей промышленности, что только въ 1822 году въ первый разъ предложенія сукна отъ фабрикантовъ превысили, заявленную казною потребность въ армейскихъ сукнахъ [2]).

По условіямъ исторической жизни Россіи интересы государственнаго хозяйства превалировали надъ интересами народнаго хозяйства. Ради первыхъ требовалось непрестанно увеличивать денежные доходы, хотя бы въ ущербъ развитію народнаго хозяйства. Безъ денегъ отказывался правильно функціонировать сложный аппаратъ государственнаго механизма. Безъ денегъ не могли вестись войны. Нельзя было ждать и даже некогда было справиться когда и сколько можетъ, да и можетъ ли вообще народное хозяйство дать необходимыя рессурсы даже при полной работѣ податного аппарата. Нажимъ податей и повинностей самъ по себѣ могъ быть непосильно тяжелымъ. Вслѣдствіе требованій государства народное хозяйство форсировалось и задерживалось въ одно и то же время.

Самый простой способъ добыть денегъ — ихъ занять, если только ихъ ссудятъ. Но получивъ деньги извнѣ, ихъ надо заплатить съ процентами, комиссіонными и проч., слѣдовательно, внѣшній заемъ надо переложить на внутренній рынокъ, для его уплаты надо выкачать деньги изъ каналовъ народнаго обращенія. Однако, выгоды отъ внѣшняго займа весьма соблазнительны. Главный смыслъ займа въ возможности покрыть необходимые расходы безъ потери

---

1) Карновичъ. Замѣчат. богатства частныхъ лицъ въ Россіи. СПБ. 1874 г. стр. 18—23.

2) М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика стр. 73.

во времени. Это время дорого. Экономическое воздѣйствіе внѣшняго займа — приливъ денегъ немедленно, оживленіе теперь же въ надеждѣ, что неминуемый въ грядущемъ отливъ денегъ произойдетъ тогда, когда насущная нужда въ нихъ будетъ не велика. Пока же нужда въ деньгахъ неустранена, до тѣхъ поръ тяжелъ гнетъ займа. Онъ становится невыносимымъ, если нужда въ деньгахъ во времени не ослабѣваетъ. Въ такомъ положеніи находилась Россія отъ времени заключенія перваго займа почти до конца 19-го вѣка. Ростъ государственныхъ расходовъ опережалъ ростъ доходовъ. Дефицитъ покрывался займами извнѣ.

Первый внѣшній заемъ Россія заключила въ 1769 г. Это былъ 5%-й заемъ на сумму въ 7, 5 милл. голландскихъ гульденовъ. Заемъ былъ заключенъ въ Амстердамѣ подъ обезпеченіе на привозъ и вывозъ товаровъ Риги, Пернова, Ревеля, Нарвы. Несмотря на выгодныя условія онъ реализовался медленно. Въ 1769 г. было собрано только 4, 5 милл. гульден., въ 1770—71 г. еще 1, 5 м. г. и, наконецъ, въ 1773 г. получены послѣдніе 1, 5 милл. г. Между тѣмъ слѣдующій 1770 годъ уже вызвалъ необходимость въ новомъ займѣ въ 1 милл. піастровъ. Обезпеченіемъ этому займу послужили доходы отъ откуповъ. Въ дальнѣйшіе годы займы заключались почти ежегодно, иногда по нѣсколько въ одинъ годъ. Займы были въ 1773, 1781, 1782, (два), 1787, 1788 (три), 1789 (три), 1790 (два), 1792 (четыре) г. г.

Одинъ изъ этихъ займовъ — 1788 г. въ Генуѣ черезъ Реньо на 5 м. п. изъ 5%—былъ обезпеченъ доходами отъ винныхъ откуповъ. Обычнымъ процентомъ по займамъ было 5. Въ 1779 г. займы были заключены по 4%, въ 1872 г. процентъ по займамъ вновь поднимается до $4^1/_2$ и въ 1788 г. до 5%, въ 1792 г. процентъ падаетъ вновь до 4 и 4, 5.

Въ 1784 г. весь внѣшній долгъ Россіи равнялся 17 милл. гульденовъ, что составляло 9.714.285 р. 70 к. Всего при Екатеринѣ II было заключено внѣшнихъ займовъ на 75.978.660 гульд. (43.307.836 р.), изъ нихъ было погашено 13.869.965 г. и оставалось долгомъ 62.108.695 г. Въ 1797 г. всѣхъ внѣшнихъ долговъ было на 61.815.000 г, а съ процентами и комиссіонными 82.571.960 г. или 55.047.973 р.

Этотъ долгъ въ 1798 г., послѣ принятія Россіей на себя польскихъ долговъ, достигъ 88.300.000 г. Платежъ былъ обезпеченъ питейными сборами и пошлинами за вывозъ и ввозъ по заставамъ Лифляндіи, Финляндіи и СПБургу. Весь долгъ былъ 5%.

Въ 1809 г. правительство впервые могло прибѣгнуть къ внутреннему займу. Его условія были: 6% и 1% граціи за годъ впередъ. Въ 1810 г. весь внутренній долгъ составилъ 668 милл. р. асс.[1])

Въ 1815 г. Голландскій 5%-й долгъ Россіи съ процентами выразился въ суммѣ 101.100.000 г. По конвенціи 7 мая 1815 г. Великобританія и Нидерланды взяли на себя уплату по 25 милл. г. изъ этого долга. Такимъ образомъ Россія получила какъ бы субсидію въ возмѣщеніе расходовъ, понесенныхъ въ періодъ борьбы съ Наполеономъ.

Къ 1825 году весь внѣшній долгъ Россіи равнялся 102 милліардамъ рублей серебромъ. Въ это же время внутренній долгъ достигъ цифры въ 106 милл. р. сер. Общая сумма долговъ составила 208 милл. р. с. т. е., если приравнять 1 р. с. къ 3 р. 50 к. асс., сумма долговъ была 728 милл. р.[2])

Самый ростъ долговъ показывалъ, что государство жило не посредствамъ, несообразно съ получаемыми доходами. А нужды великодержавности и бюрократическаго аппарата росли.

Въ 1823 г. по системѣ кредитовъ было израсходовано 15,05% со всей суммы государственныхъ доходовъ.[3]) Долги затягивали петлю.

Быстро развивавшееся народное хозяйство не могло, казалось, поспѣть на выручку.

Платежныя средства населенія были напряжены.

„Пахарь богатъ хлѣбомъ, но, продавъ большую часть

---

[1]) А. Гурьевъ. Очерки развитія госуд. долга въ Россіи СПБ. 1903 с. 2—22.

[2]) Тамъ же стр. 23.

[3]) Мигулинъ. Русск. госуд. кредитъ. Харьковъ 1899 стр. 87.

труда цѣлаго года, только что можетъ удовлетворить правительство.“ [1])

Податной винтъ работалъ очень сильно. Но несмотря на это недоимки росли и доростали до такой величины, когда становилось слишкомъ ясно, что взыскать ихъ нѣтъ и не будетъ никакой возможности. Въ 1826—28 г.г. пришлось простить около 80 милл. р. недоимки. И всетаки въ 1829 г. въ недоимкѣ было 178 милл. р. Въ 1834 г. эта сумма возросла до 201 милл. р.[2])

Прямые налоги съ начала 19 вѣка стали терять характеръ доминирующихъ доходовъ. Правительство все болѣе и болѣе начало строить свои расчеты на косвенныхъ налогахъ. Изъ нихъ уже тогда по своей относительной важности сталъ выдѣляться доходъ питейный, отъ спиртныхъ напитковъ.

По своей относительной важносли источники государственныхъ доходовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	1805 г.	1815 г.	1825 г.
Подушная подать, оброкъ.	114,8	132,8	120,8
спиртные напитки	26,2	100,0	117,4
соляной налогъ.	6,9	16,2	21,7
пошлины	11,9	26,2	54,3
остальные доходы	17,3	47,7	82,8
Итого. . . .	107,1	322,9	397,0

милліоновъ рублей ассигнаціями [3]).

Уже въ тѣ годы декабристъ князь Трубецкой писалъ и имѣлъ полное основаніе писать „пьянство одна отрада ихъ (крестьянъ) и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы—основанные на безнравственности народа...“ [4]).

Пусть такъ. Но выбора не было. Въ силу политической

---

[1]) Свидѣтельство декабриста Якубовича (по Довнаръ-Запольск. „Идеалы декабристовъ“, М. 1907 г. стр. 127).

[2]) П. В. Локоть. Бюджетная и податная политика Россіи М. 1908 стр. 113.

[3]) Локоть. Стр. 157.

[4]) Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ, стр. 166.

роли государства и вслѣдствіе потребностей государственнаго механизма безъ денегъ и притомъ безъ все увеличивающагося ихъ количества невозможно было, казалось, существованіе государства. Деньги надо было брать тамъ, гдѣ можно было ихъ взять. Это было хищническое государственное хозяйствованіе, но не было времени выработаться болѣе спокойному и технически и экономически разумному способу и плану хозяйства.

Съ 1810 г. нормы обложенія повышаются, Подушная подать поднята до 3 р. 30 к. ассиг. съ ревизской души для сельскаго населенія и до 8 р. 30 к. для городского населенія. Въ 1820 годахъ оброкъ доведенъ до 7,5—10 р. съ души смотря по губерніи [1]).

Во всѣ годы царствованія Александра I государственный бюджетъ сводился съ дефицитомъ.

Дефицитъ безпрерывно возрасталъ съ 1801 по 1809 г.

1801-7 милл. руб. 1802—5, 1803—7, 1804—18, 1805—18, 1806—16, 1807—26, 1808—124, 1809 —143. милл. р.

За всѣ первыя девять лѣтъ съ начала столѣтія дефицитъ выразился въ суммѣ 366,600,274 р. [2]).

Въ слѣдующіе годы дефицитъ выражался въ 1810 г. въ суммѣ 101 милл. 1811—39, 1812—106, 1813—153, 1814—160, 1815—68 [3]). милл. р.

То были особенно тяжелые годы, годы военной непогоды.

Но и дальше расходы превышали доходы.

1816 г. принесъ 62 милл. руб. ассиг. дефицита 1817—54, 1818—75, 1819—29, 1820—24, 1821—48, 1822—57 [4]).

При такомъ тяжеломъ финансовомъ положеніи въ распоряженіи правительства для покрытія дефицита были въ сущности только займы въ томъ или другомъ видѣ, только надежды на будущее развитіе русскаго народнаго хозяйства.

---

[1]) Локоть. Стр. 159.

[2]) Мигулинъ. „Русскій государственный кредитъ“. т. I. Харьковъ. 1899. стр. 38.

[3]) П. В. Локоть стр. 160.

[4]) Мигулинъ, стр. 79.

Дефицитъ покрывался позаимствованіями изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, позаимствованіями изъ кассъ Удѣльнаго и почтоваго департаментовъ, изъ спеціальныхъ рессурсовъ и капиталовъ, субсидіями Англіи, пожертвованіями частныхъ лицъ на военное дѣло, дальнѣйшими и все множащимися выпусками ассигнацій.

Въ 1801—9 годахъ для покрытія дефицита обращены слѣдующія суммы:

Позаимствованы изъ заемнаго Банка	47.876.422 р.
Изъ Опекунскихъ Совѣтовъ и ломбарда	46.501.555 р.
Изъ Удѣльнаго Департамента	2.270.000 р.
Изъ капиталовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ и почтоваго департам.	21.549.856 р.
У придворнаго банкира Раля	417.000 р.
Получено отъ внутренняго займа 1809 г.	1.612.958 р.
Субсидіи Англіи	2.457.185 р.
Пожертвованій отъ частныхъ лицъ на земское войско	12.207.984 р.
Позаимствовано изъ ассигнаціоннаго банка	299.585.404 р.
Всего . . .	434.478.364 р. [1]).

Въ это же время появилась у государства возможность развить кредитныя учрежденія. Въ 1806 г. были открыты учетныя конторы въ Москвѣ, Архангельскѣ, Таганрогѣ, Феодосіи. Въ 1817 г. былъ учрежденъ государственный Коммерческій банкъ. Въ 1818 г. была открыта его контора въ Москвѣ, въ 1819 г.—въ Архангельскѣ, въ Одессѣ, въ 1820 г. въ Ригѣ, въ 1821 г. въ Астрахани [2]).

У населенія появляется привычка помѣщать свои сбереженія на вкладъ въ сохранныя ссудныя казны Воспитательныхъ домовъ, приказы Общественнаго призрѣнія, Заемный Банкъ [3]).

Полученныя такимъ образомъ въ распоряженіе пра-

---

[1]) Мигулинъ, стр. 41—42.

[2]) А. Гурьевъ. Очеркъ развитія кредитныхъ учрежденій въ Россіи.

[3]) Мигулинъ, стр. 40.

вительства суммы оставались по существу займами. Ими можно было пользоваться въ предположеніи, что никогда большими массами они не будутъ требоваться ихъ вкладчиками.

Посколько всѣ эти заимствованія, весь бюджетный дефицитъ, тратились въ предѣлахъ государства, посколько вся эта масса денегъ оплачивала государственный спросъ, наполняла государственный и народнохозяйственный рынокъ, постолько траты эти были производительными. Въ такомъ положеніи хозяйствованія крылось форсированіе денежнаго оборота. Весь государственный механизмъ силой всѣхъ своихъ маховыхъ колесъ гналъ впередъ развитіе народнаго хозяйства, на которое онъ экономически не могъ опираться.

Тутъ былъ разсчетъ на выигрышъ во времени.

Крайняя нужда въ деньгахъ заставляла правительство обращаться къ любимому средству всѣхъ бѣдныхъ правительствъ экономически развивающихся странъ, къ выпуску ассигнацій.

При Императорѣ Павлѣ Петровичѣ выпускъ ассигнацій достигъ 213 мил. р., при Александѣ Павловичѣ—836 мил. р. [1]). Непомѣрность выпуска ассигнацій и ростъ задолженности приводили къ паденію кредита. Курсъ ассигнацій неуклонно шелъ къ низу.

Достоинство рубля ассигнацій въ серебрѣ равнялась: въ 1797 г. 77 к., 1798—72, 1799—66, 1800—64, 1801—66, 1802—71, 1803—80, 1804—79, 1805—77, 1806—73, 1807—62, 1808—50, 1809—43, 1810—35, 1811—23 1/2. [2]) Это былъ наиболѣе низкій курсъ во всей новой исторіи Россіи. Въ послѣдующіе годы курсъ ассигнацій продолжалъ держаться низко:

въ 1818 г. 25 1/4 к. с., 1821—25 2/3, 1824—26 1/2 к. с. [3]).

Финансовое напряженіе государства, казалось достиг-

---

[1]) Локоть, стр. 111.

[2]) По Бліоху „Исторія Финансовъ Россіи“. Цитирую по Ладыженскому „Исторія русскаго таможен. тарифа“, с. 163—171.

[3]) Мигулинъ, стр. 81.

шее необычайной силы, еще увеличивалось отъ той военной борьбы, которую вела Русь съ Наполеоновской Франціей.

Отечественная война напрягла всѣ силы государства.

Дефицитъ возрасталъ съ 1807 г. (съ 26 м. р. въ 1807 г. до 127 м. р. въ 1808 г.), когда открылся періодъ войнъ съ Франціей, затѣмъ со Швеціей и Турціей. Дефицитъ упалъ въ 1815 г. (съ 160 м. р. въ 1814 г. до 68 м. р. въ 1815 г.), когда кончилась эпоха войнъ.

Въ пору отечественной войны и войны за освобожденіе Германіи героическимъ усиліямъ войсковыхъ частей вполнѣ соотвѣтствовали героическія напряженія финансовыхъ силъ страны.

Сколь велика была нужда въ деньгахъ можно составить себѣ понятіе по слѣдующей выдержкѣ изъ донесенія главнокомандующаго войсками въ 1813 г.: „Уже около полутора мѣсяца исходитъ майской трети, а не выслано еще на генварьскую треть цѣлыхъ двухъ частей исчисленной суммы. Отъ того большая часть войскъ не получила до нынѣ нужнаго и не сполна удовлетворена Всемилостивѣйше пожалованнымъ полугодовымъ жалованіемъ, пріостановлена выдача офицерамъ денежныхъ раціоновъ, казачьимъ полкамъ нисколько не заплачено на вьючныхъ лошадей фуражныхъ денегъ, останавливаются самые необходимые расходы по гошпитальной части, и теперь, когда армія угрожается голодомъ, ежели бы можно избѣжать онаго посредствомъ покупки жизненныхъ припасовъ, не на что дѣлать сихъ покупокъ“ [1]). Дефицитъ 1812 г. былъ покрытъ со страшными усиліями. Была прекращена выдача ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, были прекращены всѣ общественныя постройки, было повелѣно обратить въ распоряженіе государственнаго казначейства всѣ свободныя суммы городскихъ управленій, остановить „по городамъ время терпящіе расходы“, сократить имперскіе расходы;

---

[1]) Цитирую по Локоть. „Бюджетная и податная полит. Россіи“. Стр. 111.

повелѣно было выпустить на 6—10 м. р. краткосрочныхъ на годъ, 6%-ныхъ облигацій государственнаго казначейства спеціально для оплаты пріобрѣтаемыхъ для войскъ предметовъ продовольствія, ихъ выпускъ впослѣдствіи былъ увеличенъ до 20 м. р.; были повышены налоги; была пріостановлена уплата процентовъ по голландскому займу. Съ 1813 г. на помощь пришла англійская субсидія въ 66 м. фунтовъ стерлинговъ. Въ 1812 году было выпущено ассигнацій на 64.500.000 р. и въ 1813—на 103.440.000 р. [1]).

Словомъ, были исчерпаны всѣ средства до пріостановки платежей по обязательствамъ и принятія дружеской помощи иностранной державы. Роль великой державы, политическое бытіе не считались съ нуждами государственнаго и народнаго хозяйствъ.

Подъ тѣмъ же вліяніемъ внѣшней политики государства была построена таможенная политика правительства. Историкъ русскаго таможеннаго тарифа К. Лодыженскій отмѣчаетъ время съ 1793 по 1822 годы, какъ періодъ, когда „на таможенную систему нашего отечества имѣли очень сильное вліяніе политическія отношенія, которые существовали между Россіей и различными европейскими державами“ [2]).

Ради политическихъ соображеній государство переходило отъ строго запретительнаго тарифа къ свободѣ торговли безъ всякаго вниманія къ выгодамъ экономической жизни собственной страны.

Молодой странѣ съ неразвитой промышленностью естественно держаться охранительныхъ пошлинъ. Ровная, планомѣрно ослабѣвающая покровительственная таможенная политика можетъ дать возможности для укрѣпленія и возмужанія промышленности, не способной еще самостоятельно оградить себя отъ конкурренціи странъ съ болѣе развитой промышленностью. Но нервность, невыдержан-

---

[1]) Мигулинъ. с. 60—61. Гурьевъ. „Очеркъ развит. госуд. долга въ Россіи“. Спб. 1903. Стр. 16.

[2]) К. Лодыженскій. „Исторія русск. таможен. тарифа“. Спб. 1886. Стр. 148.

ность ведетъ къ неустойчивости промышленныхъ предпріятій. Свобода внѣшней торговли при слабости собственнаго производства ведетъ къ искривленіямъ и чахлости. Стремясь поощрить внутреннее производство, Россія въ 1800 г. совершенно запрещаетъ ввозъ шелковыхъ, бумажныхъ, льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, стекла и издѣлій изъ него, фарфора и фаянса. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вслѣдствіе разрыва съ Австріей и сближенія съ Франціей, указомъ отъ 8-го февраля 1801 г. разрѣшается вполнѣ свободно и непосредственно производить торгъ съ Франціей, что было зепрещено тарифомъ 1793 г. и, подъ вліяніемъ экономической необходимости, только немного смягчено въ 1797 г. [1]). Указомъ 10 марта 1801 г. запрещено вывозить изъ Россійскихъ портовъ какіе бы то ни было русскіе товары [2]). Но и запрещеніе вывозить изъ портовъ русскіе товары и ввоза фарфора, фаянса, стальныхъ и другихъ инструментовъ, шелковыхъ, бумажныхъ и полотняныхъ матерій были отмѣнены вскорѣ по восшествіи на престолъ Императора Александра I.

Въ 1803-7 г.г. были понижены пошлины на сахаръ, ткани, бумажную пряжу и допущенъ безпошлинный привозъ машинъ и инструментовъ [3]), въ которыхъ сильно нуждалась фабрика и мануфактура, начинавшія вводить механическія приспособленія. Вслѣдствіе статей тильзитскаго соглашенія были запрещены къ привозу англійскія мануфактурныя издѣлія; торговля съ Англіей была подведена почти подъ тѣ же запретительныя постановленія, какими сопровождался разрывъ съ Франціей въ 1793 г. [4]).

Въ 1810 г. было составлено „Положеніе о торговлѣ на 1811 г.“, ежегодно возобновлявшееся до 1815 г. Это былъ рѣзко запретительный тарифъ. Онъ открывалъ, однако, возможность ввоза англійскихъ товаровъ, насущно необходимыхъ Россіи, на нейтральныхъ корабляхъ.

---

[1]) К. Лодыженскій. Стр. 158.
[2]) — Стр. 159.
[3]) — Стр. 160.
[4]) — Стр. 161.

Такой обходъ соглашенія въ Тильзитѣ, привелъ къ войнѣ съ Франціей. Въ 1816 г. нѣсколько ослабленъ запретительный характеръ тарифа. Въ 1818 и 1819 г.г. были заключены конвенціональные тарифы съ Австріей и Пруссіей. Оба тарифа созданы подъ вліяніемъ политическихъ отношеній. Въ 1819 г. введенъ тарифъ очень умѣреннаго характера. По словамъ Канкрина, тарифъ этотъ убилъ русское производство. Наконецъ, 1822 г. принесъ новый тарифъ вновь съ запретительнымъ характеромъ ставокъ. [1])

Такъ колебалась таможенная политика. Интересы собственнаго хозяйства приносились въ жертву политическимъ отношеніямъ государства, то награждавшаго выгодами торговли съ нами дружественную намъ державу, то пытавшагося въ области экономическихъ отношеній покарать враждебнаго сосѣда.

Однако, необходимость заботы о нуждахъ экономическаго бытія своего народа не могла быть совершенно игнорирована. Сквозь систему „самоизбичеванія“ все чаще и чаще проникала и крѣпче утверждалась система покровительственной политики. Въ первые же годы столѣтія сквозь общую наклонность къ свободѣ торговли, теоретически воспринятую отъ экономистовъ Запада, проникало стремленіе охраненія возникавшей промышленности. Въ 1800 г. былъ совершенно запрещенъ ввозъ матерій шелковыхъ, бумажныхъ, льняныхъ, пеньковыхъ; въ 1803 г. допущенъ безпошлинный привозъ машинъ и инструментовъ для фабрикъ. Въ 1811 г. изъ полуобработанныхъ матеріаловъ разрѣшена къ ввозу только бумажная и шерстяная пряжа съ умѣренной пошлиной; съ низкой пошлиной шли предметы, служащіе для ремеслъ какъ то: точильные камни, пилки и пр.; сырые матеріалы пропускались ко ввозу безпошлинно. Тарифъ 1816 г. выдерживаетъ, въ общемъ тотъ, же характеръ.

Послѣ тарифа 1819 г., установившаго очень умѣренныя ставки, ввозъ товаровъ сильно увеличился. Еще не окрѣпшая и уже съ 1810 г. сильно защищаемая промыш-

---

[1]) Изложено по К. Лодыженскому стр. 170—191.

ленность несла потери. Тарифъ 1822 г. почти возвратился къ ставкамъ 1816 г. Россія окончательно вступаетъ на путь неуклоннаго и усиленнаго взращиванія за высокой стѣной таможенныхъ ставокъ промышленности. Что было необходимо въ годы младенчества, затѣмъ съ измѣненіемъ условій къ концу вѣка превратилось въ свою антитезу. Создавалось оранжерейная атмосфера, вредная для здороваго развитія промышленности и выращивались экзотическіе экземпляры, неспособные развиваться безъ воздуха теплицъ.

Переходя къ экономической политикѣ правительства слѣдуетъ отмѣтить, что вторая половина 18-го столѣтія и начало 19-го характеризуется расширеніемъ среди населенія занятій промышленнымъ трудомъ, умноженіемъ числа людей, могущихъ и стремящихся жить отъ производства не земледѣльческаго. Рядомъ съ исключительными монополіями дворянства, съ возникновеніемъ въ рукахъ дворянства вотчинныхъ фабрикъ, съ развитіемъ крѣпостного права и, слѣдовательно, съ укрѣпленіемъ возможности увеличить денежный доходъ помѣщика отъ крестьянскихъ промысловъ идетъ развитіе „свободы производствъ и промысловъ“. Система искусственно создаваемыхъ монополій прекращаетъ свое существованіе. Типъ петровскаго фабриканта, получавшаго юридическую монополію и затѣмъ пріобрѣтавшаго съ развитіемъ своего производства фактическую монополію, съ середины 18-го вѣка перестаетъ быть правиломъ.

Въ 1769 г. дозволено каждому заводить ткацкіе станы съ пошлиной по 1 р. со стана, отмѣненной въ 1775 г. [1]) Въ 1775 г. дозволено всѣмъ рыть корень марены и продавать его; дозволено всѣмъ дѣланіе и продажа кубовой краски, что до 1751 г. было исключительнымъ правомъ. Въ томъ же 1775 г. дозволено всѣмъ дѣланіе кошенили.

Указъ 1780 г. о закрытіи мануфактуръ коллегіи отмѣчаетъ грань времени, когда государство перестало считать возможной одну закрѣпленную, на государство работающую

---

[1]) Гарелинъ. Г. Иваново-Вознесенскъ. 1885 ч. стр. 143

промышленность, признало возможнымъ перестать понуждать и вынуждать производить, вѣря, что „собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе“. Уже былъ классъ населенія, стремящійся къ „собственной каждаго пользѣ“, уже было возможно и выгодно для правительства объявить: „всѣмъ подданнымъ нашимъ въ заведеніе становъ и рукодѣлій столь безпредѣльная дана отъ насъ свобода, что не стѣсняются уже они ни частнымъ испрошеніемъ на то дозволенія, ни надзираніемъ за дѣломъ рукъ ихъ“ [1]).

Тотъ же взглядъ держался и въ началѣ 19-го вѣка, въ своемъ „Отчетѣ“ за 1803 годъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей слѣдующимъ образомъ формулировалъ задачи правительства въ области промышленной политики: „оставлять въ свободѣ частную промышленность; имѣть сколь можно, достовѣрныя о успѣхахъ ея свѣдѣнія, доставлять ей въ случаяхъ необходимыхъ нужныя пособія; особливо удалять отъ нея всякое стѣсненіе: въ семъ состоятъ общія правила управленія сею частью....“ [2])

Въ 1812 г. была дозволена крестьянамъ торговля оптомъ и въ розницу, а также и содержаніе фабрикъ и заводовъ [3]) [4]).

Таково было воздѣйствіе государства. Къ этому воздѣйствію вносилась поправка правовымъ укладомъ народной жизни.

---

[1]) П. Милюковъ. Очерки ч. I СПБ. 1898 стр. 82.

[2]) М. Туганъ. Барановскій. Народники крѣпостной Эпохи. (Новое слово. 1897 г. № 8 стр. 51).

[3]) М. Туг.-Баран. Русская фабрика СПБ. 1907. С. 103.

[4]) Въ царствованіе Александра I экономическую политику творили нѣсколько центральныхъ учрежденій. Съ учрежденіемъ министерствъ по манифесту 8 сент. 1802 г. было основано и министерство коммерціи. Съ 1803 г. управленіе всѣми частями промышленности, кромѣ горной, было возложено на „экспедицію государственнаго хозяйства“, вошедшую въ 1-ый департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Бергъ-коллегія, ввидѣ Горнаго Департамента, перешла въ Министерство Финансовъ. Въ 1808 г. было учреждено въ Вѣдомствѣ Мин. Внутр. Дѣлъ Главное Правленіе мануфактуръ, имѣвшее четыре отдѣленія: 1) завѣдывало всѣми фабриками и заводами, 2) вѣдало дѣла по поставкѣ

Слово „всѣмъ“, „каждому“ давало видъ будто подобными правительственными актами установливалась свобода предпринимательства для всего населенія. При сложившихся соціальныхъ условіяхъ юридическая свобода промысловъ при юридической несвободѣ личности и установленіи предположенія, что все принадлежащее несвободному человѣку имущество принадлежитъ тѣмъ самымъ его господину, должна приводить къ сосредоточенію значительной части заработковъ крѣпостного населенія въ рукахъ привилегированнаго сословія. Въ странѣ буржуазіи, какъ сословія юридически свободнаго и признающаго себя носителемъ отдѣльныхъ правъ и привилегій при обладаніи капиталомъ, еще не было. Купечество не было ни многочисленно, ни богато. Правда, на государственныхъ подрядахъ и поставкахъ, на откупахъ и т. п. составлялись большія состоянія, но нажившіеся купцы быстро переходили въ ряды дворянъ. Гончаровъ—владѣтель полотняныхъ заводовъ въ Калужской губерніи, Баташевъ—владѣтель горныхъ заводовъ, (Гусь желѣзный во Владимірской губ., Выксунскихъ заводовъ), Мальцовы, Демидовы и т. п. быстро стали дворянами. Въ началѣ 19 вѣка буржуазія была еще крѣпостной, не выдѣлившейся изъ общей крестьянской массы. Богатства скоплялись въ крестьянствѣ, какъ бы, въ обходъ соціальныхъ и юридическихъ предпосылокъ. Юридически, какъ требовалъ къ концу 18 вѣка сложившійся порядокъ, у крестьянъ не могло быть имуще-

---

суконъ на армію и флотъ, 3) должно было заботиться объ усиленіи въ государствѣ суконнаго производства, 4) было учрежденіемъ контрольнымъ. Заботы о самой промышленности, какъ констатируетъ А. Богословскій („Управленіе промышленностью“. статья въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1872 г. кн. VI-VII) уступало на второй планъ передъ чисто хозяйственной заботой обезпеченія войскъ обмундированіемъ.

Интересы народнаго хозяйства тутъ не получали своего выраженія, уступая свое мѣсто интересамъ государственнаго хозяйства. Манифестомъ 25 іюня 1810 г. министерство коммерціи было уничтожено. Минист. Внутр. Дѣлъ получило на свою долю „попеченіе о распространеніи и поощреніи земледѣлія и промышленности“ и „завѣдываніе фабриками и торговлею внутреннею“, минист. финансовъ получило въ свое завѣдываніе дѣла горныя, торговлю внѣшнюю и „источники доходовъ“.

ства. Купля—продажа производилась помѣщичьими крестьянамя на имя и отъ имени помѣщика. Заработки ихъ облагались оброками. Крѣпостные владѣли имуществомъ, могли отказазывать его по духовному завѣщанію, отчуждать по даренію, продавать и покупать. Но помѣщикъ сохранялъ за собой право собственности, уступая, обычно не безвозмездно, лишь право владѣнія.

Въ наиболѣе крупныхъ и благоустроенныхъ имѣніяхъ всѣ акты о переходѣ имущества среди крестьянъ записывались въ конторѣ въ книги и съ денежныхъ суммъ брались установленныя конторой или самимъ владѣльцемъ пошлины. Въ послѣдніе годы 18-го столѣтія въ имѣніяхъ гр. Шереметева, въ Ивановѣ размѣръ такой пошлины былъ опредѣленъ въ 5% [1]). Слово „пошлина“ къ даннымъ случаямъ, строго говоря, не можетъ быть примѣнимо. Помѣщикъ съ эпохи Екатерины II владѣлъ крестьянами не на государственномъ, а на частномъ правѣ. Помѣстье было частновладѣльческимъ имѣніемъ, хотя фактически крупныя помѣстья часто складивались на феодальный образецъ. Владѣльцы села Иванова графъ и графиня Шереметевы въ 1759 г. писали въ свою вотчину указъ—„Указъ ихъ Сіятельствъ Государей нашихъ графа Петра Борисовича и графини Варвары Алексѣевны изъ домовой канцеляріи въ село Иваново первостатейному Ивану Никифоровичу большому Дурденевскому и старостамъ“ [2]). Вотчинное Управленіе писало владѣльцамъ рапорты, адресуя ихъ „Въ домовую Его Сіятельства Государя нашего контору...“ [3]) (рапортъ 1799 г. вотчинной конторы села Иванова).

Трудно видѣть здѣсь элементы феодальныхъ отношеній. Обязательствъ передъ сюзереномъ у помѣщика не было. И наоборотъ, все болѣе и болѣе крѣпло сознаніе неотъемлемой частной собственности на крестьянъ. То, что выше передано словомъ „пошлина“ было по существу выраженіемъ права владѣльца на трудъ своего „раба“, полу-

---

[1]) Гарелинъ стр. 106.
[2]) Гарелинъ стр. 104.
[3]) Гарелинъ стр. 105.

ченіе дохода, основаннаго на вещномъ правѣ. Слово „пошлина“ покрывало то же правовое содержаніе, какое было въ оброкѣ и въ барщинѣ.

Въ соціальномъ отношеніи слово „пошлина“ довольно знаменательно. Оно означаетъ, что въ данномъ помѣстьи совершались въ значительномъ количествѣ акты торговаго оборота, имѣвшіе силу, по крайней мѣрѣ въ сознаніи ихъ участниковъ, юридическихъ актовъ.

Помѣстье, гдѣ могла имѣть мѣсто пошлина, было уже населено дѣятельными людьми съ значительной диференціаціей имущественныхъ массъ. У крѣпостныхъ села Иванова, какъ свидѣтельствуетъ его историкъ, были въ свою очередь закрѣпощенные люди [1]). Населеніе помѣстья было опутано цѣлой сѣтью сложныхъ и разнообразныхъ отношеній. Это развитое соціальное тѣло было собственностью, вещью одного владѣльца. И въ силу своего соціальнаго вѣса, растущаго съ увеличеніемъ нароіценій капитала, оно перерастало рамки вещнаго права и, становясь на почву иныхъ отношеній, назамѣтно взращивало зерно свободной общины. Въ правовомъ своемъ сознаніи помѣщикъ могъ считать себя такимъ же полновластцемъ, какимъ онъ былъ среди крестьянъ барщиннаго имѣнія, въ дѣйствительности онъ уже былъ только попечителемъ, „государемъ“.

На базарѣ Иванова продавались привозимыя изъ дальнихъ мѣстъ крѣпостныя крестьянскія дѣвушки, въ Ивановѣ росли и множились набоечныя заведенія, ткацкіе станы ситцевыя фабрики [2]); въ Ивановѣ крѣпли весьма быстро богатѣвшіе фабриканты, развивалась вражда бѣдняковъ къ богатѣямъ-капиталистамъ, борьба часто сопровождалась эксцессами ненависти... и на верху всего этого многосложнаго міра стоялъ „Его Сіятельство Государь нашъ...“

Нѣсколько иначе сложились соціальныя отношенія въ земледѣльческомъ помѣстьи.

---

[1]) Гарелинъ, стр. 106.

[2]) Въ 1825 г. въ Ивановѣ было 125 крупныхъ ситцепечатныхъ и бумаготкацкихъ фабрикъ. Всѣ эти фабрики принадлежали крѣпостнымъ, гр. Шереметева. Наиболѣе крупными были въ 1817 г. фабр. Ямановскаго имѣвшая 1500 ч. раб., Гарелина—1407 р. (М. Туганъ-Барановскій „Русская фабрика“, т. I, (Спб. 1907. стр. 97).

Ради той же интенсификаціи труда, ради того же сосредоточенія заработковъ населенія въ рукахъ привилегированнаго сословія крѣпостное земледѣліе должно было организоваться по типу централизованнаго цѣлаго. Крѣпостное право давало возможность задержать разселеніе избыточнаго количества людей по вновь присоединяемымъ къ государственной территоріи областямъ. Оно же давало возможность сбить людей въ массы, использовать ихъ какъ массовую рабочую силу.

Въ главѣ крупнаго помѣстья стояла крѣпостная контора. Черезъ бурмистровъ и старостъ отдавались распоряженія по хозяйству. Налицо была довольно развитая вотчинная бюрократія, опутанная цѣлой сѣтью регламентацій. Въ конторѣ писались непремѣнно письменно отдаваемыя приказанія, въ контору же поступали непремѣнно письменные отчеты. Управители въ своей дѣятельности должны были руководствоваться нарочито составленными инструкціями. Крѣпостная бухгалтерія вела учетъ хозяйственныхъ силъ и работъ по имѣнію и оброковъ. Крѣпостная статистика, знавшая періодическія переписи, слѣдила за численностью и матеріальнымъ достаткомъ крѣпостныхъ душъ. Во многихъ имѣніяхъ составлялись собственныя уложенія о наказаніяхъ съ цѣлой системой карательныхъ мѣръ, гдѣ фигурировали штрафы, вычеты кормовъ, экспропріація имущества, тѣлесныя наказанія отъ розогъ и батаговъ до плетей арестовъ, заковыванія въ цѣпи, колодки, рогатки... Въ такомъ земледѣльческомъ помѣстьи крѣпостное право дѣйствовало въ наиболѣе полномъ видѣ. Именно здѣсь были извѣстны всѣ тѣ ограниченія крѣпостныхъ въ ихъ человѣческихъ правахъ, какія только по имени знали крѣпостныя вотчины съ промышленнымъ населеніемъ. Въ наибольшей силѣ сказывались эксцессы крѣпостного права, конечно, въ земледѣльческихъ имѣніяхъ среднихъ размѣровъ, гдѣ мелкій самодуръ-властитель могъ проявлять всѣ свои, усвоенныя путемъ подражанія отъ вельможныхъ собратій, права шляхтичу пристойныя, и гдѣ уже не было смягчкющихъ буферовъ строгой регламентаціи и посредствующихъ звеньевъ

установленной бюрократіи, и гдѣ еще не было непосредственной близости на одномъ полѣ работающихъ мелкаго дворянина-однодворца и его крѣпостного.

Надобностями земледѣльческаго хозяйства вызывались мѣры закрѣпощенія. На пользу, главнымъ образомъ, барщины крѣпло рабство. Крѣпостное право, Петербургской Имперіи вызвано къ жизни и утвердилось ради потребностей денежнаго хозяйства. Оно только по названію напоминаетъ одноименное явленіе Московской Руси.

Въ 1726 г. крѣпостные были лишены права уходить на промыслы, въ 1731 г. у нихъ отнято право брать откупа и подряды, въ 1761 г. было запрещено крестьянамъ обязываться векселями. Въ 1747 г. подтверждено право продажи крѣпостныхъ, въ 1760 г. установлено право ссылать ихъ въ Сибирь, въ 1767 г. у нихъ отнимается право жаловаться на помѣщика. Экономическая сущность этихъ законодательныхъ постановленій неразрывно связана съ осѣданіемъ дворянина на землю. При Аннѣ Іоанновнѣ было дозволено одному изъ нѣсколькихъ братьевъ оставаться въ деревняхъ „для занятій домашней экономіей", Петръ III ограничилъ службу дворянства для государства, Екатерина II признала существованіе яснаго для нея факта наличности уже значительнаго класса мѣстнаго земледѣльческаго дворянства. Возвращеніе дворянина къ землѣ идетъ параллельно съ развитіемъ прикрѣпленія крестьянина къ той же землѣ, вѣрнѣе къ помѣщику.

Всю вторую половину 18 вѣка крѣпостное право и хозяйство расширяется географически, по территоріи, и вглубь, по существу юридическихъ отношеній. Раздача государственныхъ земель и крестьянъ прекращается только въ 1801 г. Нельзя не видѣть въ этой, казалось бы, вызванной случайными прихотями и соображеніями Монарховъ массовой передачѣ населенныхъ имѣній помѣстному классу системы, подсказанной экономическими и государственными соображеніями.

Не случайно, довершая процессъ уже шедшій вглуби соціальныхъ отношеній, закрѣпощается Малороссія. На земляхъ Новороссіи что могло возникнуть кромѣ крѣпостного хозяйства? Въ нѣкоторыхъ губ. Великороссіи было закрѣ-

пощено до 80% всѣхъ крестьянъ (Калужская, Смоленская, Тульская). Наименьшее число крѣпостныхъ выпало на долю Сѣвера и Заволжья. Въ Вятской г. крѣпостныхъ было 2% всего крестьянскаго населенія губерніи, въ Уфимской—21%.

Присоединеніе новыхъ земель къ государственной территоріи, при существовавшемъ политическомъ и правовомъ укладѣ, привело къ образованію большихъ богатствъ и класса новой аристократіи, ставшей у трона въ силу новыхъ служебныхъ отношеній при государѣ. Еще кн. Васильчиковъ констатировалъ, что „это и было настоящее основаніе крупнаго землевладѣнія въ Россіи и того соціальнаго строя, которое съ нѣкоторыми измѣненіями дожило и до настоящаго времени“ [1]).

Въ рукахъ знатнѣйшихъ дворянъ сосредоточилось до 80% всѣхъ крѣпостныхъ, исключая государственныхъ и удѣльныхъ. Около 15% помѣщичьихъ крестьянъ находилось у среднепомѣстныхъ дворянъ, владѣвшихъ 10—100 душъ. Около 5% было во владѣніи мелкихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 10 душъ. Численно, однако, только $^1/_6$ всего дворянства являлась крупными помѣщиками, около $^1/_2$ среднепомѣстными и $^1/_3$ были мелкими помѣщиками. Существовали значительныя количества почти нищихъ дворянъ, иногда населявшихъ, какъ это мыло напримѣръ въ Рязанской г., цѣлыя деревни (Бордакова Спасскаго у.) [2]). Рядомъ съ такими владѣльцами одной и даже части крѣпостной души существовали помѣщики, владѣвшіе десятками тысячъ душъ. Шереметевъ имѣлъ 60.000, Потемкинъ—50.000, Разумовскій—45.000 душъ.

Экономическій смыслъ крѣпостного права не ослабѣвалъ и въ первой четверти 19-го вѣка. Указъ 1803 г. не нашелъ себѣ распространительнаго примѣненія именно потому, что онъ не имѣлъ подъ собой экономической почвы. Изданный по побужденіямъ отвлеченной и теоретически сознанной мысли, онъ привелъ къ освобожденію всего нѣ-

---

[1]) Землевладѣніе и Земледѣліе. Спб. 1881, стр. 401.

[2]) А. Д. Повалишинъ. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. 1899, стр. 2.

сколькихъ тысячъ душъ. Въ 1804 г. Воронежскій помѣщикъ Петрово-Соловово освободилъ 5001 ч., освободилъ съ землей и съ обязательствомъ уплатить въ 19-ть лѣтъ полтора милліона рублей. С. П. Румянцевъ изъ своихъ крестьянъ освободилъ безденежно со всею землей въ Ярославской г.— 39 душъ, въ Вологодской—126 и въ Рязанской—34. Во все царствованіе Александра I было освобождено 47.153 д. м. п.

Освобождены были крестьяне единичныхъ владѣльцевъ въ Воронежской (18.379 д.), въ Виленской (7000—вотчина помѣщика Карпія), Саратовской, Рязанской, Нижегородской, Тверской, Московской, Вологодской губ. Въ Таврической г. освобождены безъ земли 1452 ч. ногайцевъ.

Въ Витебской г. освобождены 61 д., изъ которыхъ 57 д. были выкуплены правительствомъ за заслуги въ отечественную войну. Не было ни одного случая освобожденія въ губ. Прибалтійскихъ, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ[1]).

Таковы были результаты правительственной попытки.

Общественная мысль работала неустанно въ направленіи ограниченія рабства. До насъ дошли извѣстія о многихъ проэктахъ освобожденія [2]).

Но чисто идейная ихъ навѣянность явствуетъ хотя бы изъ того, что они не вели за собой никакихъ практическихъ попытокъ. По формѣ это были весьма робкіе, по большей части, планы, обычно расчитанные на постепенность ихъ выполненія, иногда для своего осуществленія требовавшіе весьма большого промежутка времени [3]). Такіе планы могли создаваться только въ очень враждебной имъ обстановкѣ.

---

[1]) Семеновскій. Крестьян. вопросъ въ Россіи. 1888. Т. I, стр. 260—67.

[2]) 1802 г. генеральный консулъ въ Яссахъ Василій Малиновскій прислалъ гр. Кочубею „Записку объ освобожденіи рабовъ“.
1809 г. проэктъ гр. Стенбокъ, гр. Берга.
1816 г. „ Киселева.
1818 г. „ А. Ф. Малиновскаго, Мордвинова, Канкрина.
1819 г. „ Н. Тургенева (Милорадовича), Динабургскихъ дворянъ, Спб-ихъ дворрянъ.

[3]) Проэктъ Канкрина былъ, напримѣръ, расчитанъ въ своемъ исполненіи до 1880 г. Крестьяне освобождались постепенно съ подготовкой земельныхъ отношеній по образцу нѣмецкихъ. Проэктъ А. Ф. Малиновскаго освобождалъ вновь рождающихся начиная съ извѣстнаго года.

Въ нихъ ярко было стремленіе возможно менѣе задѣть, интересы. Тоже стремленіе найти золотую середину, доказать недоказуемое, — что вести хозяйство при отсутствіи денежнаго капитала выгоднѣе свободнымъ вольнонаемнымъ трудомъ, чѣмъ трудомъ раба — замѣтно въ постановкѣ и заданіяхъ извѣстныхъ темъ Вольно-Экономическаго Общества (1803, 1812 г.г.); въ фактѣ премированія двухъ отвѣтовъ съ противоположными рѣшеніями (въ 1812 г. пр. Якобъ и Комаровъ).

Общество злобно встрѣчало проекты освобожденія. Оно волновалось по поводу самой пустой замѣтки въ журналѣ, который мало кто читалъ (исторія цензора Черепанова, статья „Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ Россійскомъ государствѣ", помѣщенная въ историческомъ журналѣ; въ связь съ этой статьей были поставлены волненія крестьянъ графа Кочубея въ Полтавской губ.), Общество награждало ненавистью „прожектеровъ".

Насколько экономическому и соціальному строю не было чуждо прямое понятіе рабства въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ свидѣтельствуетъ фактъ появленія вольнаго рабства, не основаннаго на крѣпостномъ правѣ и не ради крѣпостного хозяйства. Въ Сибири. Остяки уже въ началѣ 19 вѣка продавали семилѣтнихъ дѣвочекъ по 20 к., а мальчиковъ по 25 к. Киргизы и калмыки продавали русскимъ въ рабство какъ своихъ дѣтей, такъ и плѣнныхъ. Государственное вмѣшательство въ этой области оказалось весьма нерѣшительнымъ. Указомъ 1808 г. Россійскимъ подданнымъ свободнаго состоянія" дозволялось покупать и вымѣнивать киргизскихъ дѣтей, но предлагалось отпускать ихъ на свободу по достиженіи ими 25 л. возраста. Указъ 1825 г. разрѣшалъ въ Сибири покупать и вымѣнивать дѣтей женскаго пола отъ инородцевъ, хотя въ томъ же году было воспрещено пріобрѣтать невольниковъ изъ киргизъ-кайсаковъ, калмыковъ и др. инородцевъ „мѣною и куплею"[1].

Яркимъ примѣромъ безсилія положительнаго законо-

---

[1]) В. В. Кирьяковъ. Очерки по исторіи переселенческаго движ. въ Сибирь. М. 1902 стр. 71, 79, 80.

дательства въ борьбѣ съ крѣпостнымъ укладомъ служитъ исторія поссесіонныхъ горнорабочихъ Урала.

Передъ государствомъ стояла задача развить промышленность, получить необходимое государству количество издѣлій и регулировать трудъ. Сообразно съ общимъ характеромъ отношеній въ Россіи нужды государственныя данной минуты превалировали надъ интересами народнохозяйственнаго развитія. Правительство уступало во всѣхъ своихъ попыткахъ и требованіяхъ передъ угрозой уменьшенія и паденія взращиваемаго имъ производства.

Къ началу 19 вѣка горнорабочіе Урала составились изъ слѣдующихъ группъ крестьянъ: 1) государственныхъ, приписныхъ къ заводамъ для вспомогательныхъ заводскихъ работъ, 2) крѣпостныхъ, крѣпкихъ заводу и 3) крѣпостныхъ, крѣпкихъ дворянину, владѣльцу завода лично на общихъ основаніяхъ крѣпостного права. Эта послѣдняя группа во всѣхъ своихъ повинностяхъ регламентировалась такъ же, какъ и всѣ крѣпостные помѣщичьи крестьяне. Это была наиболѣе безправная группа. Ея существованіе, въ силу извѣстнаго соціальнаго закона, опредѣляло фактическое положеніе и тенденціи его измѣненій крестьянъ, крѣпкихъ фабрикѣ, мастеровыхъ и приписныхъ къ заводамъ.

Указъ 21 мая 1779 г. установилъ нормы работъ для приписныхъ крестьянъ. Черезъ два года былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ: заводчикамъ запрещено было наказывать собственной властью приписныхъ (Указъ 30 янв. 1781 г.) Наконецъ, указомъ 1803 г. повелѣно было отбирать отъ заводовъ приписныхъ и крѣпостныхъ заводу крестьянъ въ случаѣ жестокаго съ ними обращенія. Казалось бы, все обстоитъ благополучно. Издано постановленіе и опредѣлена кара за его неисполненіе. Но въ силу вышеуказанныхъ причинъ (необходимости сохранить размѣры производства, чѣмъ связывалась энергія правительственнаго вмѣшательства, и нивелирующему, приводящему къ низшему уровню, дѣйствію закона сосуществованія экономически равныхъ и юридически разныхъ группъ) факты дѣйствительности разошлись съ юридической ихъ нормировкой. На дѣлѣ уже въ 1815—17—20-хъ годахъ XIX вѣка поссесіонная фабрика

стала буквально рабской, съ приказчиками жестокими и полновластными, съ кандалами, палками, плетьми, съ эксплоатаціей массоваго труда, съ казнями смертью, хотя бы только за „жалобы“. Изъ дѣла Зотова, управлявшаго Кыштымскими заводами въ 20 годахъ, видно, что двое мастеровыхъ были разстрѣляны только за „одно намѣреніе подать просьбу блаженныя памяти Государю Императору Александру I“.[1])

Безсильно падали попытки правительственнаго строительства въ тѣхъ сферахъ жизни, гдѣ выростали плотныя массы органически крѣпкихъ соціальныхъ отношеній. Укладъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, создаваясь логически непогрѣшимо изъ посылокъ прошлаго, не могъ отозваться на сознательно построяемые, глубоко фальшивые въ общей структурѣ сущаго, преобразовательные планы.

Вліяніе сосѣдства.

(Общее вліяніе Востока и Запада. Вліяніе окраинъ: Остзейскихъ провинцій, Польши. Вліяніе государствъ-сосѣдей. Таможенная политика. Привозъ капиталовъ, познаній, идей, людей).

О силѣ и смыслѣ вліянія сосѣдей на народнохозяйственное развитіе страны, вліяніе безспорное, насколько мнѣ извѣстно не существуетъ ни спеціальныхъ изслѣдованій, ни даже отдѣльныхъ монографій. Отдѣльныя мысли и наблюденія относительно отдѣльныхъ сторонъ сосѣдскихъ вліяній разбросаны почти во всѣхъ трудахъ по политической исторіи, исторіи хозяйства и теоретической политической экономіи.

Отдѣльные факты исторической дѣйствительности давно уже получали свое освѣщеніе во вліяніи извнѣ. Возможно сравнительное изученіе тѣхъ или другихъ институтовъ, возможно сравнительное изученіе фактовъ хозяйственнаго уклада. Однако до сихъ поръ наблюденія и выводы, по отдѣльнымъ сторонамъ произведенные, еще не формули-

[1]) Сиговъ. Народъ и поссесіонныя владѣнія на Уралѣ. Русск. Бог. 1899 кн. III стр. 201.

руются и не систематизируются.

Такое положеніе затрудняетъ изслѣдованіе.

Государственное цѣлое Россіи въ началѣ 19-го вѣка было, какъ уже излагалось, по величинѣ своей территоріи значительнѣе теорриторіи народнохозяйственнаго цѣлаго. Политическія границы Имперіи включили въ свои предѣлы страны чуждыхъ культуръ. На западѣ это были Остзейскія провинціи и Польша, на востокѣ и въ центрѣ инородческія финскія и татарскія племена, на югѣ конгломератъ Кавказа и турецко-татарскій Крымъ. Вліяніе этихъ политически объединеныхъ территорій было весьма различно. Оно сводилось или къ вліянію учительскому, когда русская культура бывала ихъ слабѣе, или къ учительству ихъ Русью, когда Русь была ихъ сильнѣе.

Давленіе государствомъ проводимаго права тутъ было нивелирующимъ вмѣшательствомъ, элементомъ, иногда, сознательнаго строительства.

Кромѣ внутренне сосѣдскихъ отношеній народное хозяйство испытывало вліяніе сосѣдей, сложившихся въ самостоятельныя государства. Ихъ воздѣйствіе должно было быть сложнѣе. Оно складывалось въ результатѣ борьбы, съ одной стороны, правительствъ Россіи и ея сосѣда, что получало свое выраженіе въ колебаніяхъ отношеній дипломатическихъ, таможенныхъ, финансовыхъ, монетныхъ и т. п. и, съ другой стороны, борьбы народнохозяйственныхъ органическихъ цѣлыхъ, что получало выраженіе въ заимствованіяхъ и передачѣ формъ хозяйственности, техники, земледѣлія, промышленности, идей хозяйственныхъ, соціальныхъ, политическихъ и нравственныхъ, научныхъ познаній-денежныхъ капиталовъ и, наконецъ, людей.

Сосѣдское вліяніе видоизмѣнялось, сообразно съ тѣмъ шли ли политическія границы по плотнонаселеннымъ, рѣдконаселеннымъ мѣстамъ или по пустырямъ, по сушѣ или по морямъ, среди народа, сознающаго себя націей или между народовъ — націй, черезъ почвы одной земледѣльческой техники или различныхъ и т. п.

Русь сложилась на перепутьи Запада и Востока.

Различныя политическія исторіи, различные типы куль-

туръ и національныхъ характеровъ стояли по сторонамъ Россіи.

Въ сферѣ народнаго хозяйства Западъ тянулъ Русь на путь интенсификаціи, къ денежно-предпринимательскому хозяйству, Востокъ—открывалъ просторъ къ экстенсивному строительству. Плотныя народныя массы западныхъ границъ и окраинъ вырабатывали у себя экономически болѣе совершеныя формы, пустыри востока затягивали населеніе и возвращали формы хозяйственности къ спокойнымъ чертамъ первобытныхъ странъ. Мы видимъ „какъ бы пальцы, запускаемые Европой въ нѣдра восточнаго материка". „Развитіе болѣе высокихъ аграрныхъ отношеній отъ приморскихъ губерній Херсонской и Таврической на Югѣ, Петербурской и прибалтійскихъ на сѣверѣ подвигается къ центру и на востокъ. Дѣло сводится къ постепенному расширенію области денежнаго хозяйства". [1])

Вліяніе сосѣдства народнохозяйственныхъ цѣлыхъ, объединенныхъ съ Русью одной политической властью, было значительно сильнѣе вліянія сосѣдей-государствъ. Наиболѣе сильнымъ слѣдуетъ признать вліяніе Остзейскихъ провинцій и Польши.

Сосѣдское вліяніе народовъ-государствъ, если по непосредственнымъ результатамъ было и болѣе слабымъ, было тѣмъ не менѣе чрезвычайно важно. Развивавшійся на Западѣ капитализмъ подымалъ волны ранней поры капиталистическаго накопленія и предпринимательства и въ странахъ, связанныхъ съ нимъ нитями торговыхъ сношеній. Россія была такой страной. Ходъ дальнѣйшаго капиталистическаго развитія нашей страны во многомъ заранѣе предопредѣлялся развитіемъ капитализма въ Англіи и ближайшей сосѣдкѣ нашей—Пруссіи. Капитализмъ Запада могъ обратить политически самостоятельную страну въ экономически завоеванную колонію. Въ весьма значительной степени такое завоеваніе было совершено въ Россіи. Имъ опредѣлялись черты народнохозяйственнаго развитія типич-

---

[1]) Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. СПБ. 1901 стр. 288—289.

наго для колоніальныхъ странъ. Даже къ концу 19-го вѣка русское народное хозяйство не утратило этихъ чертъ. Въ наши дни капитализмъ на Руси принялъ своеобразную форму причудливаго зданія съ изящнѣйшими скульптурными украшеніями фронтона, съ техническими украшеніями и усовершенствованіями „послѣдняго слова“ и съ грубо и грязно, казалось бы, по иному плану выстроенными низами, съ флигелями, надстройками, мезонинами, странно и не гармонично выраставшими среди „чудесъ искусства“.

Еще въ началѣ 19-го вѣка Россія была „захвачена въ кругъ капиталистическаго развитія Англіи и воспользовалась техническими успѣхами послѣдней“ [1]) констатируетъ М. Туганъ-Барановскій. Но не это послѣднее было важнымъ. Покровительственный тарифъ сдѣлалъ невозможнымъ ввозъ миткаля и ситца, ввозилась пряжа; континентальная система затруднила ввозъ англійской пряжи, въ Москвѣ и возлѣ нея выросли прядильни. Важно было, что Россія вовлекалась въ обмѣнъ и въ предпринимательство. Кругъ капиталистическаго развитія Англіи имѣлъ своимъ слѣдствіемъ развитіе Россіи. Роль передаточнаго буфера въ этомъ воздѣйствіи выпала на долю Остзейскихъ провинцій.

Вліяніе мірового рынка вызывало къ жизни предпринимательское хозяйство въ прибалтійскихъ губерніяхъ ранѣе, чѣмъ это было въ Россіи. Производство на сбытъ въ Остзейскихъ провинціяхъ отягчило положеніе крестьянства ранѣе, чѣмъ это случилось, въ Россіи.

Уже въ 18-мъ вѣкѣ земледѣліе въ Остзейскихъ провинціяхъ испытало капиталистическое оживленіе и кризисъ. Сельское хозяйство уже вполнѣ сложилось на предпринимательскій ладъ.

Есть указаніе, что основатель русской агрономіи А. Т. Болотовъ былъ знакомъ съ лифляндскимъ хозяйствомъ. Въ числѣ книгъ, наслѣдованныхъ имъ отъ отца, нашелся и рукописный переводъ „Лифляндской экономіи“, что какъ бы свидѣтельствовало о давнемъ вліяніи на Русь. Въ Германіи была провозглашена плодоперемѣнная система Теэра.

---

[1]) М. Туганъ-Барановскій Русская фабрика т. 1. СПБ. 1907 стр. 66.

Въ Лифляндіи помѣщики вскорѣ стали ей слѣдовать; были извѣстны случаи, когда бароны-остзейцы заводили скотоводство и шести, девяти, двѣнадцати-польную запашку. Позднѣе книга Теэра въ переводѣ и съ примѣчаніями Н. Н. Муравьева составила эпоху въ русской агрономіи.

Нѣсколько особую роль сыграла Польша въ судьбахъ экономической Россіи. „Достовѣрно, говоритъ Янжулъ, что въ 18 в. въ самую эпоху знаменитыхъ изобрѣтеній Уатта, Гаркревса, Картрайта Польша была еще исключительно земледѣльческой страной, болѣе даже, чѣмъ тогдашняя Россія“ [1]). И въ первыя десятилѣтія 19 в. Польша быстро превращается въ мануфактурную страну съ значительнымъ и все растущимъ вывозомъ въ Россію. „Еще въ 1824 г. она вывозитъ въ Россію болѣе чѣмъ на три милліона рублей, а къ концу десятилѣтія цѣнность вывоза доходитъ до 7—8 милл. р.“ [2]). Промышленное развитіе Польши было обусловлено привлеченіемъ въ страну иностранныхъ переселенцевъ, принесшихъ съ собой свое производство, способности и познанія. По вычисленіямъ профессора Симоненко (Сравнительная статистика Ц. Польскаго), прибыль народонаселенія въ Царствѣ въ двадцатыхъ годахъ была ежегодно на $^1/_2$% выше естественной, происходя главнымъ образомъ отъ привлеченія въ страну иностраннаго промышленнаго населенія“ [3]). Правительство Польши сознательно привлекало къ себѣ иноземцевъ. Законами 8 марта 1809 и 17 марта 1812 г. было предоставлено имигрантамъ освобожденіе отъ военной службы, отъ чиншевыхъ платежей съ казенной земли на шесть лѣтъ, отъ пошлинъ за привезенныя изъ-за границы имущество и скотъ. Въ 1816 г. подтверждаются тѣ же льготы и отпускаются 4500 р. на расходы по вызову изъ-за границы фабрикантовъ и на пособія имъ. Въ 1820 г. было разрѣшено образованіе особыхъ „фабричныхъ поселеній“ съ особыми льготами для селящихся въ нихъ иностранныхъ фабрикантовъ. Въ 1822 г. въ бюджетъ Царства вносится

---

[1]) Янжулъ. Очеркъ историч. развит. фабрично-заводск. пром. въ Ц. Польск. М. 1887. Стр. 8.

[2]) — стр. 16.

[3]) — стр. 16.

особая сумма для выдачи ссудъ фабрикантамъ. Наконецъ, въ 1828 г. послѣдовало учрежденіе „Польскаго Банка", быстро развившаго свои операціи по учету векселей, залогу цѣнностей, залогу плодовъ, товаровъ, издѣлій и по кредиту землевладѣльцамъ „безъ залога" для улучшеній ихъ хозяйствъ, для пріобрѣтенія ими машинъ, скота, лошадей, гуано, кирпича и т. п.

Вся эта дѣятельность быстро принесла свои плоды.

Для русскаго народнаго хозяйства она была весьма важной.

Съ 1822 г. таможенный тарифъ Имперіи принялъ строго охранительный характеръ. Но въ стѣнѣ, ограждавшей Россію отъ Запада, была оставлена дверь. Царство отъ Имперіи отдѣлялось таможенной чертой съ тарифомъ 1819 г, съ весьма умѣренными ставками. Въ теченіе двухъ лѣтъ съ 1819 по 1822 годъ всякая таможенная черта между Польшей и Россіей была уничтожена. Тарифъ 1822 г. ее возстановилъ, но придалъ ей болѣе мягкій характеръ сравнительно съ общеимперской. Сырье обѣихъ странъ пропускалось взаимно безпошлинно; издѣлія, вырабатываемыя въ Имперіи и Царствѣ изъ собственнаго сырья, облагались пошлиной въ размѣрѣ 1% съ цѣны; издѣлія изъ иностраннаго сырья, подвергнутаго обработкѣ въ Имперіи или въ Царствѣ, облагались пошлиной въ 30% съ цѣны; вывозъ пряжи и бумазейныхъ тканей изъ Имперіи въ Царство былъ обложенъ пошлиной въ 15%.

Польша стала посредникомъ между Россіей и Западомъ, чему способствовалъ умѣренный тарифъ на ея границахъ при строго охранительномъ и часто запретительномъ характерѣ таможенныхъ ставокъ границъ Имперіи. Польшѣ стало выгоднымъ заняться передѣлочной промышленностью, ибо ей открывался громадный рынокъ внутренней Россіи. „Фактъ присоединенія (Царства къ Имперіи), говоритъ Янжулъ, доставилъ польскимъ издѣліямъ свободный доступъ въ отдаленную Азію. По конвенціи съ Пруссіей послѣдней было дозволено провозить черезъ Россію въ Кяхту прусскихъ суконъ въ размѣрѣ 600.000 арш. въ годъ. Въ 1825 г. срокъ конвенціи кончился... Есть указанія на

то, что многіе прусскіе фабриканты перенесли свои производства въ Польшу, именно для того, чтобы имѣть возможность сохранить выгодную торговлю съ Китаемъ [1]).

Въ дальнѣйшемъ таможенная дверь съ Запада черезъ границы Царства все болѣе и болѣе суживалась и закрывалась. Но иностранцы, уже завязавшіе крупныя сношенія съ внутренними губерніями и съ Азіей, нежелая терять пріобрѣтенный рынокъ, переносили свои производства за границы Польши. „Множество мастеровъ и рабочихъ переселилось въ Имперію, заводя новыя фабрики и увеличивая собою контингентъ опытныхъ по этой части людей, что не мало способствовало успѣху русскаго производства“ [2]). Такъ возникли мануфактуры Бѣлостокская, Перновская и др.

Близость Саксоніи и Силезіи, извѣстныхъ своимъ овцеводствомъ, дала возможность иммигрантамъ въ Польшѣ развить суконное производство; искусство пришлыхъ мастеровъ помогло дойти до выработки тѣхъ сортовъ тканей среднихъ и высшихъ номеровъ, какія не могли вырабатывать фабрики внутренней Россіи. Австрія и Саксонія, не будучи въ состояніи ввозить въ Россію свои издѣлія, ввозили полуфабрикаты и сырье. Импортеры переносили въ польскія провинціи Россіи филіальныя отдѣленія своихъ конторъ и фабрикъ, при чемъ послѣднія обычно переносились вмѣстѣ со всѣмъ ихъ обзаведеніемъ, со всѣми машинами и свѣдущими работниками. Эти фабрики, пользовавшіяся иностранными капиталами, возникали сразу въ видѣ крупныхъ предпріятій. Конкурренція съ ними была трудна.

Южныя окраины Россіи оказали иное вліяніе.

Включенныя въ предѣлы Имперіи мѣстныя культуры, остатки культуръ Средиземнаго моря, сообщили населенію особенную южную живость и торговую предпріимчивость. Греки, армяне, татары придали экономическому развитію русскаго юга особую энергію. Значительный процентъ иностранцевъ въ городахъ Новороссіи придалъ интенсивность торговлѣ городского населенія. Въ Одессѣ въ періодъ съ 1796 по 1800 годъ было „принято въ магистратъ

[1]) Янжулъ. стр. 28.

[2]) Янжулъ. стр. 30.

135 купцовъ Россійской націи и 181 ч. купцовъ вышедшихъ изъ разныхъ заграничныхъ мѣстъ" [1]) Маріуполь, Елизаветполь, Таганрогъ оживлены греками, Нахичевань-армянами [2]).

Въ присоединенныхъ степяхъ мы находимъ нѣкоторые мѣстные очаги культуры. Турецко-татарское населеніе г. Кинбурна имѣло огородное садоводство, земледѣліе, скотоводство, вело торговлю солью въ Очаковѣ [3]). Армяне имѣли центры культурной осѣдлости въ восточной части Крыма. Въ Крыму же велось садоводство караимами.

Въ началѣ 19 вѣка Молдаване осѣдали въ Овдіополѣ, Новыхъ Дубоссарахъ, Тирасполѣ.

На юго-востокѣ и востокѣ Имперія включала въ свои предѣлы культуры полуномадовъ.

Въ началѣ 19 в. Калмыки занимали мѣста „отъ Царицына по р.р. Волгѣ, Сарпѣ, Салу, Манычу, Кумѣ и по мочагамъ, частью на луговой сторонѣ Волги" [4]). Далѣе шли кочевья Букеевской орды, которой по закону 11 марта 1801 г. было разрѣшено „кочевать навсегда между Ураломъ и Волгой и заводить, гдѣ удобно въ лѣсныхъ мѣстахъ селенія на зимнее прибѣжище" [5]).

Наконецъ, на востокѣ Евр. Россіи рѣдкими гнѣздами среди обширныхъ пространствъ были раскинуты поселенія башкиръ (въ 1806 г. въ Оренбургской губ. 80,240 д.), мещеряковъ (Оренб. г. 17,759 д. кромѣ того въ Пермской г. башкиръ и мещеряковъ — 13,513), тептери и бобыли (въ Пермск., Вятск., Оренб. г. въ общей сложности до 52,772), салттанаулскихъ и саитовскихъ татаръ (въ Оренб.—755 д. и 3,163 д.) [6]).

Переходя къ изученію вліянія государствъ-сосѣдей слѣдуетъ замѣтить, что ихъ воздѣйствіе бываетъ въ двухъ формахъ: сознательнаго воздѣйствія правительственной

[1]) Багалѣй. Колонизація Новороссійскаго края. 1889 г. стр. 58.

[2]). Въ Нахичевани въ 80-хъ г. 18 в. на 1040 ч. русскаго населенія приходилось 4121 армянъ. (Багалѣй, с. 57).

[3]). Багалѣй. стр. 99. (прим.).

[4]) Денъ. Населеніе Россіи по 5-ой ревизіи. М. 1902. стр. 192.

[5]). Денъ. с. 193.

[6]). В. Денъ. Населеніе Россіи по 5-ой ревизіи. т. II. ч. 2, М. 1902. стр. 287, 307, 314, 319.

власти, выражающагося въ таможенной и финансовой политикѣ, и вліянія культурной и экономической жизни народа-сосѣда, получающаго свое выраженіе въ привозѣ капиталовъ, людей, познаній и идей.

Таможенная политика Россіи, какъ страны промышленно слабой, естественно должна была быть охранительной. Такой по существу, несмотря на постоянныя отклоненія, она была въ дѣйствительности. И наоборотъ, таможенныя ставки западныхъ сосѣдей-государствъ, болѣе успѣвшихъ въ промышленности, должны были имѣть и имѣли неизмѣнную тенденцію къ умѣренности. Западу нужно было открыть сбытъ своимъ фабрикатамъ и полуфабрикатамъ и защититься отъ привоза дешеваго русскаго сырья. Развивающійся денежнохозяйственный оборотъ въ Россіи требовалъ рынковъ для сбыта русскаго сырья и искалъ возможности, потребляя привозное сырье, развить производство своихъ фабрикатовъ. Интересы были антагонистичны. Западъ одѣвался охранительными аграрными пошлинами; ихъ существованіе задерживало развитіе русскаго земледѣльческаго хозяйства. Россія воздвигала стѣну охранительныхъ промышленныхъ пошлинъ. Западъ проходилъ въ ворота Польши, переносилъ свои фабрики за таможенную черту Имперіи и ввозилъ къ намъ свои капиталы и технически обученныхъ людей. Нельзя было ввозить ситецъ и миткаль, ввозилась пряжа; затруднительно было ввозить пряжу—ввозились хлопокъ и машины.

Изъ болѣе богатыхъ странъ притекали капиталы въ страны ими бѣдныя. Русская промышленность питалась этими пришлыми капиталами.

Вмѣстѣ съ деньгами приходили на Русь инціатива, предпріимчивость и энергія ихъ владѣльцевъ.

Еще въ 18 вѣкѣ было привлечено въ Россію большое количество ремесленниковъ - иностранцевъ. Сначала ихъ вызывало правительство, затѣмъ они уже шли самостоятельно и селились свободными ремесленниками въ слободахъ Петербурга и Москвы. Къ нимъ въ обученіе стали отдаваться дворовые люди нашихъ магнатовъ и дворянъ. Иностранцы дали возможность развиться городскому ре-

меслу и, съ развитіемъ жизни въ помѣщичьихъ усадьбахъ, послужили къ насажденію „перерабатывающей дворни". Оставшіеся въ Россіи военно-плѣнные арміи Наполеона разнесли свои познанія въ мѣстахъ своего новаго жительства и немало послужили къ экономическому оживленію страны.

Въ сферѣ земледѣлія Россія, такъ же какъ и въ сферѣ промышленности, пережила время слѣпого подражанія, дойдя впослѣдствіи путемъ внутренней переработки до своеобразнаго компромисса. Англійскій паркъ, англійскій фермеръ, „плодоперемѣніе" чаруютъ помѣщика конца 18-го вѣка; липовый остзейскій паркъ, крѣпостной барщинный рабочій, учитываемый какъ „капиталъ орудій", зерновое хозяйство идеализируются землевладѣльцами конца двадцатыхъ годовъ 19-го в. Иностранцы агрономы и садовники, считавшіеся необходимыми людьми у вельможъ Екатерины II, французы, англичане, нѣмцы частью исчезаютъ изъ русскихъ имѣній, частью замѣняются остзейскими выходцами, и освоившись съ русскими условіями, перерабатываютъ формы запада на новый образецъ, вкладывая въ технику своей родины содержаніе сообразное съ соціальными и экономическими данными Россіи.

Съ Запада же притекала на Русь волна общественныхъ идей и идеаловъ. Русскіе путешественники за границей увеличивались въ своемъ числѣ. Русская молодежь училась въ Геттингенѣ, Парижѣ и Берлинѣ. Преподаваніе наукъ въ Московскомъ Университетѣ велось на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Событія въ Европѣ отзывались на нашей почвѣ. Революціи въ Испаніи и Италіи вызывали раздумья въ средѣ русскихъ людей. Студенческія Burchenschaft'ы изъ Германіи переносились въ Варшаву. Тайныя общества Запада давали свои копіи въ Россіи.

Русскіе аристократы стремились говорить по французски. Въ богатыхъ семьяхъ къ дѣтямъ приглашались иностранцы гувернеры. Въ обѣихъ столицахъ лучшіе пансіоны для воспитанія молодежи изъ лучшихъ семействъ содержались иностранцами [1]).

[1]) „Удивительно, сколько встрѣчалось мнѣ людей и дорогой и здѣсь, которые хотятъ ѣхать въ Россію, но я имъ отсовѣтоваю, пишетъ Н. Тур-

Послѣ великой революціи изъ Франціи хлынулъ къ намъ потокъ легитимистической эмиграціи. Въ 1797 году Императоръ Павелъ I принялъ на русскую службу корпусъ принца Конде, состоявшій изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ полковъ конницы и артиллеріи изъ однихъ жентильомовъ самыхъ аристократическихъ фамилій. Вліяніе этой знати, принесшей съ собой весь блескъ культуры Франціи, было очень велико.

Съ запада же непрерывнымъ потокомъ проникали къ намъ и идеи: философіи эпохи просвѣщенія, революціи и новѣйшихъ литературъ Франціи, Англіи и Германіи. Были русскіе молодые люди, размышлявшіе надъ трактатами Руссо и рѣчами Мирабо. Въ имѣніи, въ Смоленской губерніи, русскій помѣщикъ (Пассекъ) устраивалъ училище съ преподаваніемъ по новѣйшимъ методамъ взаимнаго обученія, набиралъ въ нихъ взрослыхъ крестьянъ, предоставляя домамъ ихъ особыя льготы, и училъ читать по книжкѣ: „О правахъ и обязанностяхъ гражданина“ [1]).

Обильныя на Руси планы государственныхъ преобразованій, особенно значительныя въ эпоху Императора Александра I, когда, по выраженію Шишкова, всякій мальчишка стремился быть законодателемъ, носятъ яркую печать подражанія западу. Еще ближайшіе преемники Петра I должны были считаться съ планами нашихъ шведомановъ. Еще въ 1762 г. Н. И. Панинъ писалъ проэктъ коституціоннаго устройства подъ явнымъ вліяніемъ государственнаго устройства Швеціи. Въ послѣднюю половину 18-го и начало 19-го вѣка Россія переживаетъ вліяніе Англіи и Франціи. Англофильскими тенденціями окрашены: проэктъ С. Еф. Десницкаго (1767 г.), работы кн. Щербатова („Размышленіе о законодательствѣ“, „Путешествіе въ землю Офирскую“, „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“) проэкты Императрицы

геневъ въ письмѣ отъ 12 янв./31 дек. 1809/1808 г. къ брату своему Алекс. Ив. Здѣсь какимъ нибудь сапожникомъ, а у насъ будетъ гувернеромъ, и такіе то гувернеры, къ нещастью, воспитываютъ нашихъ дворянскихъ дѣтей. Большая надежда отечеству“. (Архивъ бр. Тургеневыхъ. Дневники и письма Н. Ив. Тургенева т. I Спб. 1911 г. стр. 348).

[1]) Записки Якушкина стр. 60.

Екатерины II, работавшей по Блэкстону („Комментаріи англійскихъ законовъ“) и Великой Хартіи. Англоманы гр. С. Р. Воронцовъ и Мордвиновъ служатъ выразителями политическихъ стремленій народившагося на Руси крупнаго землевладѣльческаго дворянства. Той же печатью англофильства замѣтенъ проэктъ конституціи декабриста Г. С. Батенкова. Не безъ значительнаго вліянія учрежденій англосаксонскаго міра создана и конституція Никиты Муравьева. Въ годы Александра I параллельно съ вліяніями англійскихъ государственныхъ учрежденій ощущается вліяніе государственнаго устройства революціонной и Наполеоновской Франціи. Людямъ съ болѣе бюрократическимъ и государственнымъ умомъ была по душѣ имперія Французовъ. Конституція Пестеля, планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго созданы подъ французскимъ вліяніемъ. Къ Франціи же тянулись живыя и мечтательныя натуры чистыхъ сердцемъ идеалистовъ. Гр. Строгановъ, Новосильцевъ, Н. Новиковъ (гр. Димитріевъ-Мамоновъ) пишутъ проэкты, отражающіе въ себѣ то Францію революціонную, то Францію Наполеона.

„Какъ можно хладнокровно смотрѣть на какихъ-нибудь нѣмцевъ, которые хотятъ законы давать русскимъ? Это досадно“, такъ пишетъ Н. Тургеневъ въ письмѣ отъ 5/17 ноября 1808 г. къ брату Александру Ивановичу. [1]). Но какъ бы то ни было законы давались и почти прямо, непосредственно и косвенно путемъ заимствованія и черезъ усвоеніе идей, проникавшихъ капиллярными путями весь организмъ русскаго человѣка. Россія еще училась у западнаго учителя. Тотъ же Тургеневъ въ томъ же письмѣ изъ Геттингена писалъ: „Кто живетъ въ Россіи, тотъ думаетъ, что учиться и въ Россіи такъ же можно, какъ и здѣсь—это несправедливо“ [2]).

Заграницей мы учились, но къ этому ученію уже примѣшивалось стремленіе знать и свою родину. И это характерно для эпохи.

Гр. Строгановъ, будущій другъ Александра I, свое

---

[1]) Архивъ бр. Тургеневыхъ, стр. 331.

[2]) Тоже, стр. 333.

образованіе пополнялъ рядомъ путешествій по Россіи и Европѣ. Это было типично. Русская литература пополняется рядомъ описаній путешествій по Россіи параллельно съ путешествіями по Западу. Въ русской мысли идетъ работа сравненія. Дѣлаются выводы и выводы приводятъ къ практическимъ результатамъ.

Вся культурная исторія Россіи на рубежѣ 18-го и 19-го вѣковъ характеризуется иммиграціей на Русь денегъ, людей, идей Европы, жадно всасывавшихся новой почвой и дававшихъ своеобразные и часто весьма причудливые плоды.

Земледѣльческій строй.

(Интенсификація соціально-хозяйственныхъ отношеній помѣстья. Интенсификація земледѣльческаго хозяйства).

Ростъ государства и его политической роли требовалъ развитія государственнаго аппарата. Требовались деньги для содержанія людей, оторванныхъ отъ непосредственно производительнаго труда, требовалось созданіе администраторовъ чиновническаго типа и солдатъ по ремеслу и освобождались отъ службы подъ ружьемъ ряды служилыхъ людей. Должны были собираться деньги, должны были тратиться деньги, создавая государственный рынокъ и втягивая въ общій денежно-хозяйственный оборотъ все большіе и большіе круги населенія и мѣстности, вызывая новыя потребности въ деньгахъ. Вліяніе сосѣдства новыхъ сосѣдей-государствъ сказывалось въ ростѣ внѣшней торговли, всегда будирующей и поднимающей экономическую жизнь въ странѣ, всегда создающей потребность въ деньгахъ и самыя деньги. Наконецъ, включеніе въ границы государственной территоріи странъ и населенія съ развитымъ денежнымъ обмѣномъ вливало въ жизнь новыя хозяйственныя идеи, создавало новыя хозяйственныя возможности.

Къ началу 19-го вѣка развитіе денежнаго хозяйства дошло до предпринимательства, проявившагося въ это время въ сферѣ наиболѣе для сего удобной въ силу правоваго и соціальнаго уклада, въ отношеніяхъ къ наибольшей и наилегчайше эксплоатируемой изъ имѣющихся на лицо въ странѣ цѣнностей. Такою цѣнностью первоначальнаго предпринимательства была земля. Помѣщикъ вернулся къ землѣ потому, что онъ не только освободился отъ обязательной службы, но и могъ отъ земли пріумножить свое состояніе.

Катился комъ денежнаго воздѣйствія.

Сознательно и настойчиво организовывалось земледѣльческое хозяйство. Вопросомъ жизни въ данную годину былъ вопросъ извлеченія наивысшаго денежнаго дохода изъ поземельной собственности. Но эксплоатацію этой послѣдней при отсутствіи денежнаго капитала можно организовать только путемъ организаціи, единственнаго изъ до нынѣ извѣстныхъ исторіи формъ массовой кооперації, подневольнаго труда. Необходимость предпринимательской эксплоатаціи земли должна была вызвать необходимость рабства. Вотъ почему добрый хозяинъ этого времени долженъ былъ быть рабовладѣльцемъ; отношенія свободныя при отсутствіи денежнаго капитала должны были уступить мѣсто отношеніямъ обязаннымъ, крѣпостническимъ и рабскимъ. Интенсификація русскаго аграрнаго хозяйства была неразрывна съ „интенсифицирующейся“ группировкой соціальныхъ отношеній въ помѣстьи. Отъ оброка русскій помѣщичій крестьянинъ долженъ былъ перейти на барщину; путь ему дальше шелъ на „мѣсячину“ и къ варіантамъ древне-римской familia rustica. Въ общей логикѣ хозяйственнаго развитія представляется естественнымъ появленіе, столь какъ будто странныхъ въ пору выработки и развитія новыхъ этико-соціальныхъ возрѣній, плановъ Стремоухова о принудительномъ коллективизмѣ и совокупномъ домоводствѣ (1829 г.), трезвой дѣловой формы крѣпостного соціализма Акинфа Жукова (1832—37 г.) и математически построеннаго проэкта Вилькинса (1843 г.). Путь развитія долженъ былъ итти именно такъ тамъ, гдѣ эксплоатировалась земля безъ помощи денежнаго капитала и при помощи лишь того, что на техническомъ языкѣ времени

мѣтко и выразительно было названо „капиталомъ орудій“[1]).

Этотъ путь долженъ былъ отойти въ сторону и повернуть иначе тамъ, гдѣ выгоднѣе было эксплоатировать не землю, а ремесло, умѣнье, творческій трудъ. Техника, искусство, ремесло приносили свободу; на индивидуальности работы поддерживалась индивидуальность духа. Пока эта индивидуальность ремесла, орудія, товара не замѣнились массой фабрики и машины, до тѣхъ поръ и у насъ, какъ и на Западѣ, ремесленный рабочій былъ носителемъ свободы.

Катящійся комъ денежнаго воздѣйствія долженъ былъ въ условіяхъ наличности промышленнаго населенія и неплодородной земли привести къ свободѣ трудящихся.

Одинъ и тотъ же факторъ приводилъ къ противоположнымъ результатамъ. Въ итогѣ своего экономическаго развитія Россія распадалась на двѣ области: культурно-историческаго плотно-населеннаго промышленнаго ядра и колоніальныхъ, плодородныхъ земель съ крупнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ и малочисленнымъ населеніемъ.

Въ земледѣльческихъ губерніяхъ крѣпостное хозяйство эволюціонировало съ оброка на барщину, переходя въ отдѣльныхъ случаяхъ на мѣсячину т. е. на мѣсячное содержаніе крестьянина отъ помѣщика, на котораго этотъ крестьянинъ уже работалъ весь годъ. Въ началѣ 19 вѣка на мѣсячинѣ, по свидѣтельству декабриста кн. Трубецкого, были многія помѣстья въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Польской Украинѣ.[2]) Мѣсячина быстро развивалась въ Малороссіи.

Во весь 18 вѣкъ крѣпостное хозяйство росло и ширилось.

Любопытнымъ показателемъ этого роста, этой организованности крѣпостного хозяйства служитъ фактъ появленія и развитія статистическаго учета людей, крѣпкихъ владѣльцу въ данномъ помѣстьи, учета, производившагося

---

[1]) „Мысли объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства и улучшеніи быта поселянъ хлѣбопашцевъ. Спб. 1837 г., стр. 2.

[2]) Д. Запольскій. Идеалы декабристовъ. стр. 166.

людямъ, какъ живому инвентарю хозяйства. Крѣпостная статистика вызвана къ жизни волею расчетливаго хозяина. Ея зарожденіе и развитіе есть потребность хозяйственнаго расчета. Ради практитескихъ цѣлей, никѣмъ не понуждаемъ устраивалъ помѣщикъ переписи, стремясь „узнать, хоть примѣрно: сколько крестьяне мои во всѣхъ селахъ и деревняхъ каждый обсѣваетъ земли ржанымъ и яровымъ хлѣбомъ и продукты свои имѣетъ отъ хлѣбопашества или отъ другихъ какихъ промысловъ“.[1])

Первыя указанія о производствѣ помѣщиками подворныхъ переписей мы имѣемъ въ инструкціи Волынскаго дворецкому Нѣмчинову, относящейся къ 1724 году.[2]) Въ слѣдующіе годы указанія о переписи обычно сопровождаютъ инструкціи и наказы старательныхъ хозяевъ своимъ прикащикамъ и управителямъ. Къ 1770 году относятся премированные В.-Экономическимъ Обществомъ наказы для деревенскаго управленія П. Ив. Рычкова. Къ нимъ приложенъ образецъ подворной (переписи) вѣдомости, періодически представляемой помѣщику.

Изслѣдователь исторіи крѣпостной статистики П. Струве констатируетъ здѣсь стремленіе захватить въ сферу регистраціи даже движеніе крѣпостного населенія.[3])

Современникъ Рычкова извѣстный Андрей Тимофѣевичъ Болотовъ въ то же время составляетъ переписную экономическую тетрадь, въ которой требуетъ „короткими перечнями записать“ въ какомъ состояніи живетъ каждый дворъ или крестьянинъ. Въ 1830 году Н. Н. Муравьевъ, комментаторъ русскаго перевода „Основаній раціональнаго сельскаго хозяйства“ Тэера, указавъ, что „въ русскомъ хозяйствѣ еще представляется статья отчетности весьма важная, именно счетъ въ людяхъ, ихъ состояніи и измѣненіи

---

[1]) Новый опытный сельскій управитель, приказчикъ и экономъ или самонужнѣйшія и обстоятельныя наставленія о управленіи деревнями, крестьянами, земледѣліемъ, скотоводствомъ, птицеводствомъ и огородными работами. М. 1825. с. 123 (по Струве Крѣпост. стат. 1901 с. 5.)

[2]) П. Струве. Крѣп. стат. стр. 5.

[3]) Струве. Тамъ же стр. 5.

онаго, ежегодно случающихся", прилагаетъ образецъ подворной переписи, въ которую помѣщаетъ оцѣнку имущества крестьянъ, сдѣланную избранными старостами при ежегодномъ сочиненіи новой подворной переписи.

Рачительные хозяева и въ слѣдующіе годы озабочиваются все большимъ и большимъ захватомъ въ сферу хозяйственнаго учета всѣхъ экономическихъ силъ имѣнія, гдѣ первую роль, конечно, играла живая рабочая сила, крестьянинъ. Карповичъ, авторъ книги, вышедшей въ 1837 году, видитъ необходимость создать и использовать на практикѣ такіе способы „по которымъ помѣщикъ и не бывъ въ имѣніи могъ бы однимъ взглядомъ въ опись видѣть, какъ въ зеркалѣ, хозяйство во всѣхъ его отношеніяхъ".[1]) Его современникъ Акинфъ Жуковъ въ своей книгѣ „Начальныя основанія русскаго сельскаго хозяйства, соотвѣтствующія настоящему положенію недвижимыхъ имѣній", напечатанной въ томъ же 1837 г., прилагаетъ образцы подворныхъ переписей и тягловаго списка.

Крѣпостное помѣстье имѣло правильно организованную хозяйственную форму. Въ благоустроенныхъ имѣніяхъ велись окладныя описи, книги съ „реестрами" крестьянъ оброчныхъ и барщинныхъ, и періодически совершались подворныя переписи. Содержаніе этихъ переписей, какъ констатируетъ П. Струве, прежде всего опредѣлялись тремя важнѣйшими для помѣщика сторонами подчиненныхъ ему крестьянскихъ хозяйствъ: ихъ человѣческой рабочей силой, ихъ живымъ инвентаремъ и прочимъ имуществомъ и ихъ повинностями (деньгами, работой натурой).[2])

Струве удалось найти и извлечь на свѣтъ Божій настоящую подворную перепись Кушелевскихъ вотчинъ, относящуюся къ 1814 г.

Крѣпостная статистика, органически выростая, удовлетворяла дѣйствительной потребности дворянина земле-

---

1) Карповичъ. Хозяйственные опыты тридцатилѣтней практики или наставленіе для управленія имѣніями. СПБ. 1837.

2) П. Струве. Крѣпостная статистика. СПБ. 1901. стр. 23.

владѣльца и придавала цѣльность и могучесть предпринимательскимъ планамъ крѣпостного помѣщика.

Организація учета человѣческихъ силъ служитъ показателемъ, что эти силы были цѣнны и потому на счету. Цѣнность рабочихъ силъ при существовавшихъ соціальныхъ отношеніяхъ приводила къ попыткамъ наиболѣе полнаго ихъ использованія. „Подданный", ставшій счетной хозяйственной единицей, становился рабомъ, испытывавшимъ или не испытывавшимъ нравственныя и физическія мученія только вслѣдствіе экономической выгоды рабовладѣльца. Признаніе экономической цѣнности крестьянина чувствуется уже въ наказахъ дворянъ въ Комиссію Екатерины II. Коломенскіе и Воронежскіе дворяне просятъ не ссылать и въ службу не брать крестьянъ, попавшихся въ корчемствѣ, такъ какъ „это убыточно для помѣщика". Многіе наказы просятъ о разрѣшеніи отбывать воинскую повинность или натурой или деньгами. Дворяне стараются не потерять крестьянина, взятаго въ рекруты и сохранить отъ него потомство въ своемъ владѣніи. Дворяне Керенскаго уѣзда просятъ: „отдаваемые въ рекруты, при отставкѣ оныхъ, таковыхъ въ инвалидныя команды не опредѣлять и вольныхъ имъ абшитовъ не давать, а таковыхъ отпускать на прежнія жилища... дѣти, прижитые въ службѣ, тѣ въ школы гарнизонныя, а которые послѣ отставки—тѣ помѣщикамъ, а дочерямъ, прижитымъ и въ службѣ—быть за помѣщикомъ."[1])

Въ качествѣ иллюстраціи того же сознанія экономической цѣнности помѣщичьяго крестьянина вспоминается и слѣдующее: „въ 1791 г. въ Вольно-Экономическое общество были присланы замѣтки, авторъ коихъ писалъ: „дѣвокъ отъ 18 лѣтъ въ супружество отдавать; добрые экономы отъ скотины и птицъ стараются племя разводить, а человѣкъ, просвѣщеніе разумѣющій, паче долженъ о размноженіи рода человѣческаго при помощи Божіей печность приложить" [2]).

---

1) Фальская. Крестьянскій вопросъ въ наказахъ дворянства XVIII в. Москва. 1911 г. стр. 5—7.

2) Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Имп. Екатерины II, т. I. Спб. 1881. стр. 277.

Признаніе экономической цѣнности владѣльческаго крестьянина выдвигало вопросъ о наивыгоднѣйшей ея эксплоатаціи. Рѣшался вопросъ объ интенсификаціи помѣщичьяго хозяйства. И рѣшеніе подсказывалось наиболѣе простое. Теоретически понятно и исторически вѣрно, что первыя попытки интенсификаціи являются непремѣнно попытками простой напряженной эксплоатаціи труда. Въ условіяхъ русскаго крѣпостного хозяйства простѣйшій способъ интенсификаціи являлся увеличеніемъ эксплоатаціи, если можно такъ выразиться, количественной крѣпостного крестьянина. Это исканіе увеличенія прибавочнаго продукта, состовляющаго нетрудовой доходъ владѣльца, привело къ переходу отъ оброка на барщину (въ земледѣльческихъ губерніяхъ). Въ 1809 г. В.-экономическое общество задало задачу на тему о сравнительной выгодности оброчнаго и барщиннаго хозяйствъ. Были премированы три работы; всѣ они доказывали, что барщина выгоднѣе.

Барщина была стремленіемъ поставить предпринимателя ближе къ производителю. Пусть барщина была непроизводительна въ силу психологическихъ мотивовъ работающаго, все же барщина была болѣе концентрированной по сравненію съ земледѣльческимъ оброкомъ, формой эксплоатаціи. Быть можетъ позволительно сказать, что барщина въ эту пору ранняго капитализма была болѣе капиталистической формой хозяйства по сравненію съ земледѣльческимъ оброкомъ, если только можно капиталъ денежный подмѣнить капиталомъ орудій. Производитезьность барщины увеличивалась по сравненію съ земледѣльческимъ оброкомъ подобно увеличенію таковой въ крупномъ хозяйствѣ передъ мелкимъ. Кромѣ преимуществъ въ сферѣ производства и сбыта за барщину была и возможность экстенсивнаго (во времени) увеличенія трудовой напряженности работающаго. Идя въ этомъ направленіи барщинное хозяйство должно было прійти къ „мѣсячинѣ“. Мѣсячники, по опредѣленію Струвэ „не имѣя ни собственныхъ избъ, ни земли, ни хозяйства, они получаютъ отъ своего помѣщика помѣщеніе, обыкновенно въ нарочно выстроенныхъ флигеляхъ или казармахъ, по нѣсколько се-

мействъ въ одной избѣ, получаютъ опредѣленное продовольствіе, одежду и зато круглый годъ работаютъ на него цѣлой семьей“ [1]). Такимъ образомъ достигалось доведеніе расходовъ производства до минимума и увеличеніе экстенсивной (во времени) производительности предпріятія до максимума. Мѣсячина была распространена среди малоземельныхъ помѣстій дворянъ Бѣлоруссіи и Украины. Попадались мѣсячники и въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ въ губерніяхъ Оренбургской и Симбирской.

Наиболѣе полное осуществленіе идея „мѣсячины“ получила въ опытахъ Акинфа Жукова, пытавшагося (въ 1832—37 г. г.) организовать свое хозяйство при условіи полнаго и совершеннаго лишенія крестьянина всякой хозяйственной самостоятельности.

Съ другой стороны интенсификація могла быть достигнута путемъ воздѣйствія на качество крѣпостного труда. Въ русской дѣйствительности были сдѣланы попытки и этого рода. Въ этомъ случаѣ, въ идеалѣ, барщина должна была превратиться въ планомѣрно, единой волей управляемую кооперацію многихъ равносильныхъ хозяйственныхъ ячеекъ. Характерными проэктами этого рода являются проэкты Стремоухова и Вилькинса. Первый изъ нихъ въ 1829 г. написалъ статью: „Мысли о возможности улучшенія сельскаго хозяйства въ Россіи, основанныя на природѣ человѣческой и на древнихъ Россійскихъ обычаяхъ“, изложивъ въ ней результаты своихъ опытовъ и снабдивъ ихъ теоретическими разсужденіями [2]). Сущность идей Стремоухова имъ самимъ опредѣляется какъ „совокупное домоводство“. Это былъ „принудительный коллективизмъ“, устраиваемый властью помѣщика и въ интересахъ его. Въ изложеніи Стремоухова цѣлью этой организаціи являлось стремленіе достичь и благосостоянія крестьянина и увеличенія доходности его помѣщика. На русской почвѣ это былъ своео-

---

[1]) П. Струве. Основн. моменты въ развитіи крѣпостн. хозяйства въ Россіи. Міръ Божій 1899. Ноябрь, стр. 288.

[2]) Земледѣльческій журналъ Имп. Моск. Общ. сельскаго хозяйства. 1829 г. № XXV.

бразный отзвукъ западныхъ идей коллективизма и соціализма, принявшаго странную форму крѣпостного соціализма.

Простыя патріархальныя отношенія крѣпостного уклада, развиваясь подъ вліяніемъ давленія денежнаго хозяйства, перерождались, такимъ образомъ, въ казалось бы чуждыя и вмѣстѣ съ тѣмъ „логически и практически“, по словамъ Струве, близкія формы [1]).

Въ дальнѣйшемъ развитіи стремленіе интенсифицировать трудъ привело къ идеѣ „сводныхъ семействъ“, организаціи группъ хозяйствъ. „Семьи“ составляются изъ соединенія въ одно хозяйство не менѣе чѣмъ четырехъ женатыхъ, тяглыхъ работниковъ; эти „семьи“ живутъ въ общемъ дворѣ, имѣютъ общій столъ, упряжъ, скотъ и запасы. Помѣщикъ назначаетъ начальника въ каждомъ сводномъ семействѣ. Начальникъ полновластно распоряжается всѣми рабочими силами семейства и на барщинѣ и дома, отвѣчаетъ за успѣхъ работъ, за нравственность своихъ людей, распоряжается ихъ дѣтьми, какъ своими собственными.

Таковъ былъ проектъ ученаго агронома иностранца Вилькинса, премированный въ 1843 г. Импер. Московск. Обществомъ сельскаго хозяйства.

Исканіе возможности интенсифицировать трудъ, поскольку въ его основу клалось стремленіе пріохотить работника и дать ему импульсы, заставляющіе его работать не за страхъ, а за совѣсть, не могло не привести къ отрицанію внѣшней и непосредственной принудительности труда. Такимъ образомъ создались попытки построить хозяйство на условіяхъ отдачи земли въ аренду собственнымъ крестьянамъ.

Также естественно было прійти къ признанію желательности наемнаго труда въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно сказывалась безвыгодность принудительной барщины. Вольнонаемный трудъ съ начала 19-го вѣка начинаетъ примѣ-

---

[1]). П. Струве. Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. („Начало“ 1899 г. № 1. стр. 300).

няться и его примѣненіе обнаруживаетъ тенденціи развитія. Однако, это не былъ признакъ отмиранія крѣпостного права и крѣпостного хозяйства. Наоборотъ, самое его появленіе законно и, являясь въ результатѣ развитія предпринимательскаго хозяйства, не вносило ничего новаго. „Капиталъ орудій“ могъ замѣщаться денежнымъ капиталомъ и эта замѣна совершалась въ зависимости единственно отъ наличности послѣдняго изъ названныхъ капиталовъ и сравнительной выгодности ихъ эксплоатаціи. Распространеніе вольнонаемнаго труда было заранѣе ограничено крупнымъ хозяйствомъ барщиннаго типа и наличностью у владѣльца его свободныхъ денежныхъ средствъ. Эти условія встрѣчались не часто. И то, что въ Тульскихъ имѣніяхъ гр. Бобринскихъ или въ приволжскихъ имѣніяхъ Столыпиныхъ хозяйство велось наймомъ, ничего не мѣняло въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, нисколько не вліяло на строго логическое развитіе крѣпостного хозяйства въ другихъ имѣніяхъ тѣхъ же владѣльцевъ и въ имѣніяхъ окрестныхъ дворянъ. Кромѣ крупныхъ помѣстій богачей-вельможъ, гдѣ были налицо и крѣпостной рабъ, случайно работавшій изъ платы или на барщинѣ, и денежный капиталъ, хозяйство наймомъ могло развиваться только тамъ, гдѣ не было раба. Такое хозяйство велось на немногочисленныхъ купеческихъ земляхъ и на земляхъ свободныхъ иностранцевъ-колонистовъ. Но и купецъ-владѣлецъ часто старался нанять рабочихъ у дворянина или испросить у правительства приписныхъ крестьянъ, стараясь всѣми способами обойти законъ и приблизить свое хозяйство къ экономически-типичному, психологически неизбѣжному, логически стройному рабскому и крѣпостному хозяйству.

Подъ вліяніемъ одного и того же фактора вклиненія въ организмъ народнаго хозяйства денежно-хозяйственныхъ отношеній, но въ зависимости отъ наличности различныхъ историческихъ и мѣстно-культурныхъ условій могли развиваться и барщина и оброкъ.

Что есть барщина? Это есть элементъ денежнаго хозяйства, средство полученія денежнаго дохода. Денежно-

оброчная система также была для помѣщика средствомъ такого же полученія денежнаго дохода.

Чего держаться владѣльцу населеннаго имѣнія: барщины или оброка? Вопросъ рѣшался сравнительной ихъ выгодностью, если не препятствовали такому выбору государственно-правовыя или иныя причины.

Денежный оброкъ естественно и легко развивался въ то время, когда дворянство было отвлечено на обязательную пожизненную или почти пожизненную службу, когда дворянину, жившему не въ имѣніи, важно было получить свой доходъ безъ личнаго наблюденія. Ростъ государственнаго аппарата и рѣзкое повышеніе денежныхъ сборовъ фиска, имѣвшее мѣсто на Руси въ 18 в. съ свой стороны, вызывая циркуляцію денегъ, давалъ возможность, увеличивающуюся съ ростомъ рынка, изыскивать крестьянину свой оброкъ.

Развитіе оброчной системы было возможно въ особенности на почвѣ исторически подготовленной, богатой развитіемъ исконныхъ кустарныхъ промысловъ. Ея развитіе стѣснялось на плодородной почвѣ рѣже населенныхъ и болѣе богатыхъ природой земель юга.

Съ развитіемъ денежнаго хозяйства былъ оттѣсненъ на второй планъ натуральный оброкъ, составившій видъ вспомогательнаго, дополнительнаго, часто женскаго и дѣтскаго оброка къ денежному доходу, становящемуся въ 19 в. движущей пружиной земледѣльческаго хозяйства. Если доходъ получался отъ оброка, то и самый оброкъ былъ непремѣнно денежнымъ.

По своей основѣ денежный оброкъ могъ быть земледѣльческимъ или промышленнымъ. Въ первомъ случаѣ онъ имѣлъ мѣсто во владѣніяхъ очень крупныхъ помѣщиковъ, гдѣ была значительна абсолютная величина дохода и трудна организація надзора за барщиной. На оброкѣ же были крестьяне очень мелкихъ и перенаселенныхъ помѣстій. Малоземелье могло привести къ отдачѣ всей помѣщичьей земли подъ крестьянскую запашку или къ обезземеленію крестьянъ и превращенію ихъ въ мѣсячниковъ. Гдѣ малоземелье было очень велико, тамъ приходилось отказываться

отъ всякаго господскаго хозяйства и отпускать крестьянъ на оброкъ. Избыточное населеніе такихъ имѣній должно было итти въ земледѣльческій отходъ или обратиться къ неземледѣльческимъ промысламъ.

Денежный оброкъ былъ необычайно удобенъ своей эластичностью.

Онъ не могъ быть великъ, когда основаніемъ для его исчисленія служилъ заработокъ отъ земли; въ такомъ случаѣ оброкъ сбивался на арендную плату и ставилъ крестьянина въ положеніе арендатора. Такой арендаторъ, не обладавшій подвижностью, предпріимчивостью и капиталомъ въ орудіяхъ, скотѣ и деньгахъ, не могъ платить сколько нибудь значительной ренты. Но, если въ основаніе оброка клались исчисленія побочнаго при землѣ или независимо отъ земли заработка или даже преимущественно заработка личнымъ отхожимъ трудомъ отъ промысловъ и ремеселъ на сторонѣ, въ такомъ случаѣ оброкъ, совершенно лишенный правовыхъ и историческихъ корней, становился налогомъ на трудъ во всѣхъ его приложеніяхъ и, въ частности, приближалъ оброчнаго человѣка къ положенію орудія производства.

По своей правовой сущности, оброкъ могъ быть подоходнымъ обложеніемъ въ пользу помѣщика или, при абсолютной и относительной его величинѣ, поглощавшей громаднѣйшую часть заработка оброчнаго, экспропріаціей дохода. Законъ недозволялъ не дворянамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ. Но была развита покупка крестьянъ личными дворянами и отдача ихъ въ наемъ подъ видомъ услуженія. Это было перерожденіе крѣпостничества въ рабство. Такимъ же вливаніемъ новаго содержанія въ устарѣвающія понятія была отдача крестьянъ въ наемъ подрядчикамъ для дорожныхъ и строительныхъ работъ или на фабрики и заводы, полотняныя, суконныя, свеклосахарные.

Несмотря на видимую свободу для крѣпостного, обязаннаго оброкомъ, положеніе подъоброчнаго далеко не всегда было легкимъ. Далеко не всегда рабъ благословлялъ судьбу, когда владѣлецъ, по слову Пушкина, „яремъ барщины старинный“ оброкомъ замѣнялъ. Облегченіе было возможно

при небольшомъ обложеніи или при допущеніи дѣйствительной или предполагаемой утайки оброчнымъ части изъ своего заработка.

И всетаки не смотря на то, что со стороны владѣльца должно было существовать стремленіе захватить въ свои руки весь продуктъ, который только способенъ принести оброчный, и владѣлецъ постоянно повышалъ оброчное обложеніе, видимо учитывая спросъ на трудъ, постоянно стремясь наивозможно полнѣе использовать трудъ оброчнаго, несмотря на все это, оброкъ фактически въ большинствѣ случаевъ являлся облегченіемъ. Къ этому были двѣ причины: надежда и возможность заработать больше оброчной суммы и психологическое, хотя бы иллюзорное, но всегда бодрящее чувство самостоятельности. отдаленности отъ барскаго глаза и сознаніе возможности, и плодотворности изощренія своихъ индивидуальныхъ способностей и познаній.

Юридически и по своей экономической сущности оброкъ, какъ и барщина, былъ только варіантомъ крѣпостного хозяйства. Но психологически оброкъ вырабатывалъ ферментъ свободы, барщина вела къ наихудшему виду несвободы, къ плантаторскому рабству. Различныя были и соціальныя послѣдствія оброка и барщины. Первый—допускалъ и поощрялъ имущественную дифференціацію крестьянской массы, вторая — ее нивелировала и сводила подъ одну мѣрку счетной, безличной рабочей единицы.

Сельскохозяйственное предпринимательство, кромѣ стремленія къ интенсификаціи труда крѣпостныхъ, должно было, конечно, выразиться въ опытахъ интенсификаціи самого земледѣлія и другихъ отраслей сельскаго хозяйства. И съ этой стороны эпоха на рубежѣ двухъ столѣтій была знаменательна.

Въ эти годы открывается рядъ Обществъ, близкихъ по своимъ задачамъ къ сельскому хозяйству.

Въ 1808 г. Эстляндское Экономическое,
„ 1809 „ Московское Общ. сельскаго хозяйства,
„ 1824 „ Бѣлорусское вольно-экономическое,
„ 1828 „ Общ. сельскаго хозяйства Южной Россіи,
„ 1832 „ Главн. Московск. Общ. улучшеннаго овцеводства.

Появляется рядъ агрономовъ-практиковъ, пріобрѣтшихъ большую извѣстность у современниковъ. Въ литературѣ замѣчается громадный интересъ къ экономическимъ и сельскохозяйственнымъ вопросамъ. Производятся опыты и новаторы постоянно дѣлятся съ публикой результатами своихъ начинаній. Ведутся споры о „фермерствѣ“, „плодопеременѣніи“, зерновомъ хозяйствѣ, идетъ пропаганда многополія и травосѣянія, оцѣнивается сравнительная выгодность и удобопримѣнимость различныхъ системъ хозяйства. Отъ увлеченія англійскимъ фермерствомъ помѣщикъ доходитъ до трезваго дѣлового сознанія непригодности заимствованныхъ формъ. Англійское сельское хозяйство „украшаетъ пейзажъ“, нѣсколько иронически замѣчаетъ гр. Растопчинъ („Плугъ и соха“); необходимо, конечно, другое хозяйство, которое бы обогащало. И такое хозяйство было найдено.

Къ тридцатымъ годамъ затихаютъ споры о плодосмѣнѣ и здравый разсудокъ окончательно приводитъ къ признанію единственно пригоднымъ исконнаго русскаго зерноваго хозяйства.

Неоднократно дѣлались попытки ввести многополье. Такъ, въ 1807 г. Левашевъ завелъ четырехъ-польное хозяйство, въ 1809 г. тотъ же опытъ повторилъ Самаринъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ двадцатыхъ годахъ тѣ же опыты повторялись Полторацкимъ въ Калужской губ., Шелеховымъ—въ Тверской, Фриде, Апраксинымъ, Муравьевымъ и т. д.

Интересъ къ травосѣянію выразился, между прочимъ, въ постановленіи В.-Экономическаго Общества въ 1790 г. выдать денежную награду тому крестьянину, который посѣетъ больше ското-кормовыхъ травъ.

Сельско-хозяйственное товарное производство крѣп-

нетъ съ половины 18 вѣка. Его подъемъ совпадаетъ съ освобожденіемъ дворянства отъ службы государству и сопровождается закрѣпощеніемъ крестьянства. Въ 1753 г. послѣдовала отмѣна внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. 1762 годъ приноситъ свободу хлѣбной торговли.

Для хлѣбной торговли къ этому времени создается крупный внутренній рынокъ, чему особенно способствовало развитіе неземледѣльческихъ промысловъ и занятій въ центральной и сѣверной Россіи. Рядомъ съ этимъ рынкомъ развивался рынокъ государственный. Увеличивался военный спросъ. Его роль для развитія сельскаго хозяйства была немаловажна. Въ 1758 г. провіантскіе регулы для учрежденной при обсерваціонномъ корпусѣ комиссіи генералъ-провіантмейстеръ-лейтенанта устанавливали: „стараніе имѣть сколько и гдѣ возможно подрядовъ... отъ купцовъ... миновать, а пользоваться поставкой отъ шляхетства и поселянъ“. Въ послѣдніе годы 18 в. русскій хлѣбъ сталъ вывозиться за границы государства. Въ 1790—92 было вывезено 233 т. четв., въ 1802-4 г. вывозилось ежегодно болѣе двухъ милліоновъ четв. пшеницы, ржи и др. Въ первую четв. 19 в. хлѣбный экспортъ составлялъ 19—20% общаго вывоза всѣхъ товаровъ изъ Россіи [1]). Въ Зап. Европѣ въ то же время имѣли мѣсто неурожаи, разыгрывались крупныя политическія событія, шли войны, росли мануфактуры, росли города. Западъ широко шагалъ впередъ въ развитіи экономической жизни. Его внутренній рынокъ сильно расширялся. Всѣ эти условія были весьма благопріятны для развитія русскаго сельскохозяйственнаго предпринимательства. Въ силу условій транспорта вліяніе внѣшняго рынка не могло быть вполнѣ использовано Россіей. Оно почти не ощущалось въ средней полосѣ Россіи. Почти весь вывозъ хлѣба шелъ съ юга черезъ порты побережья Чернаго моря. Тѣ же процессы, какіе были указаны для Запада, имѣли мѣсто и въ самой Россіи, хотя здѣсь они совершались въ весьма слабой напряженности.

---

[1]) П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Спб. 1908. Стр. 171.

Приблизительно съ 1765 года начинается подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ, держащихся на высокомъ и все поднимающемся уровнѣ вплоть до начала третьяго десятилѣтія 19 вѣка. По мнѣнію Струве, это было „помимо случайныхъ причинъ (неурожаевъ, войнъ и т. п.) обусловлено чрезвычайно быстрымъ развитіемъ внутренняго рынка для сельскаго хозяйства. Въ этомъ процессѣ выражались успѣхи національнаго раздѣленія труда, прогрессъ земледѣльческаго производства [1]).

Эпоха Александра I уже знаетъ сельско-хозяйственные кризисы товарно-капиталистическаго характера.

Въ 1804 г. В.-Экономическое Общество поставило задачу: открыть и ясными примѣрами утвердить причины возрастающей время отъ времени дороговизны на съѣстные припасы и изыскать ближайшее средство отчего могутъ цѣны на тѣ же припасы постепенно уменьшаться". Былъ премированъ отвѣтъ, принадлежавшій М. Швиткову, видѣвшій корень зла въ томъ, что „крестьянинъ, уволенный отъ сохи и по паспорту на сторонѣ промышляющій себѣ содержаніе и помѣщику своему или въ казну подать, дѣлаетъ сугубую обществу тягость: 1) тѣмъ, что не дѣлаетъ самой природной своей повинности хлѣбопашествомъ, 2) тѣмъ, что на сторонѣ ѣстъ хлѣбъ, въ которомъ нужда не хлѣбопашцу". Авторъ рекомендуетъ: „торговыхъ людей въ городахъ избавить" [2]). Кризисъ двадцатыхъ годовъ, по мнѣнію Н. Муравьева, автора примѣчаній къ переводу Тэера „Основаній раціональнаго сельскаго хозяйства", былъ вызванъ расширеніемъ барщинныхъ запашекъ.

Стремленіе къ увеличенію денежнаго дохода должно было приводить и къ усиленію эксплоатаціи подсобныхъ сельскохозяйственныхъ промысловъ. Въ Россіи оно сказалось въ развитіи винокуренія, разведенія свекловицы и улучшеннаго овцеводства.

Уставъ о винокуреніи 1765 г. въ пунктѣ первомъ первой главы постановлялъ: „вино курить дозволяется всѣмъ

---

[1]) Струве. Осн. моменты (Міръ Божій. 1899. Ноябрь. Стр. 284).

[2]) Цитирую по Лященко „Очерки аграрной эволюціи Россіи". Стр. 194.

дворянамъ и ихъ фамиліямъ, а прочимъ никому". Значеніе этой монополіи было, конечно, не маловажно для поднятія сельско-хозяйственнаго класса. Это еще не была корчемная монополія Остзейскихъ бароновъ. Но уже была открыта возможность весь избытокъ хлѣба курить въ вино. Вино же всегда находило потребителя, ибо „питуховъ отъ кабаковъ" не было въ обычаѣ отгонять.

Сахароваренiе началось въ Московской и Тульской губ. и постепенно переходило на югъ къ его нынѣшнему центру—Кіеву. Въ 1831 г. при Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства былъ основанъ комитетъ сахароваровъ. Сахарная свекла, къ разведенію которой дошло сельское хозяйство въ третье десятилѣтіе 19 в., была свидѣтельствомъ уже значительной интенсификаціи хозяйства.

О томъ же говоритъ возникновеніе въ 1831 г. перваго машиностроительнаго заведенія бр. Бутеповыхъ.

Тонкорунное овцеводство ведетъ свое начало съ 1803 г., когда министръ внутреннихъ дѣлъ князь Кочубей выписалъ изъ Испаніи первыя сто головъ мериносовъ. Отъ Эстляндіи овца перекочевала до степей Новороссіи, гдѣ во второй четверти 19 в. помѣщикъ отъ овцеводства уже получалъ большую часть своего дохода.

Овца является символомъ экстенсивнаго хозяйства, но въ Россіи въ общемъ ходѣ развитія она стала свидѣтельствомъ предпринимательскаго прогресса.

Строй промышленности.

(Фабрика посессіонная, вотчинная, купеческая, крестьянская. Интенсификація труда, интенсификація производства).

Развитіе русской промышленности носитъ на себѣ явственные слѣды тѣхъ же вліяній, подъ давленіемъ которыхъ сложилось русское сельское хозяйство. Разница лишь въ томъ, что вліяніе государственнаго вмѣшательства было

болѣе интенсивно, сознательно и непосредственно въ нашей промышленности, чѣмъ въ земледѣліи.

На основѣ торговаго капитала до Петровской Руси подъ воздѣйствіемъ государственнаго спроса выросла Петровская фабрика. Это была фабрика, возникшая для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Ей принадлежитъ господствующая роль въ промышленности того періода, когда дворянинъ былъ еще на службѣ у государства. Одновременно съ нею и ее смѣняя выростаетъ фабрика, работающая на удовлетвореніе потребностей внутренняго рынка независимыхъ потребителей.

Съ осѣданіемъ дворянина на землю, съ возвращеніемъ его на мѣста и въ деревню, съ обращеніемъ его въ помѣщика, работающаго для пріобрѣтенія денежнаго дохода— этому дворянину удалось взять на себя и фабрику государственнаго спроса. Такому захвату способствовали два обстоятельства: политическая роль дворянства и обладаніе крѣпостнымъ населеніемъ, являвшимся въ то время наиболѣе значительнымъ и относительно цѣннымъ капиталомъ. Денежный капиталъ торговаго сословія пассовалъ передъ „капиталомъ орудій“ дворянства. И купеческая Петровская фабрика могла существовать только потому, что государство организовало ее на подобіе крѣпостной вотчины, снабдило ее приписными къ ней, крѣпкими ей рабочими. Какими силами можно было согнать, какими соблазнами собрать на фабрику, необходимую государству, людей, если они не бывали соблазнены денежной нуждой, знали только земледѣльческій трудъ и были крѣпки помѣщику! Логично было въ общій строй народнаго хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ трудѣ, привнести фабрику съ тѣмъ же характеромъ труда. Слѣдовало перемѣнить владѣльца. И государство приписывало людей къ фабрикѣ подобно тому, какъ оно приписывало ихъ къ помѣстью.

Фабрика для населенія была исполненіемъ обязательства передъ государствомъ. Взглядъ на фабричную работу, какъ на государственную повинность дожилъ до 19 в. Въ 1804 и слѣдующіе годы бывали случаи отдачи крѣпостныхъ крестьянъ изъ приписанныхъ къ фабрикѣ селеній, подле-

жащихъ рекрутчинѣ послѣ принятія ихъ рекрутскимъ присутствіемъ не въ солдаты, а на казенную фабрику [1]).

Фабрикантовъ государство нашло въ средѣ торговаго класса, наслѣдованнаго отъ Московской Руси.

Сообразно той цѣли, ради которой создавалась сама фабрика, должно было быть регламентировано и производство на ней. Спросъ былъ опредѣленъ. Техника производства была невелика и, главное, почти неизмѣнна въ продолженіи весьма значительныхъ промежутковъ времени.

Отношенія между администраціей фабрики и ея рабочими, впослѣдствіи получившими названіе посессіонныхъ [2]) опредѣлялись „положеніями“, издававшимися въ качествѣ спеціальныхъ законовъ для каждой фабрики отдѣльно. Посессіонные крестьяне имѣли право жаловаться на притѣсненія, чего были лишены съ 1767 г. (указъ 22 августа) помѣщичьи крестьяне. По закону 1803 г. посессіонные крестьяне отбирались въ казну, если, по разслѣдованіи, жалобы на притѣсненія оказывались справедливыми. Посессіонныхъ крестьянъ запрещено было отдавать въ рекруты за крѣпостныхъ. Дочери и вдовы посес. крест. могли выходить замужъ безъ разрѣшенія администраціи фабрики. Указы Императора Александра I отъ 1802—6 г.г. запретили покупку крестьянъ на фабрики и заводы не изъ прилегающихъ селеній, воспретили переселеніе крестьянъ съ одного завода на другой, признали за крестьянами въ случаѣ ихъ покупки къ заводамъ право на землю, которою они владѣли. Рабочее время было опредѣлено двѣнадцатью часами въ день. Были опредѣлены размѣры и время выдачи заработной платы. Оговаривалось, что заработная плата должна быть увеличиваема черезъ каждые десять лѣтъ сообразно съ ростомъ цѣнъ на жизненные припасы. Предписывалось содержать при фабрикѣ больницы. Установились 6—20 р. пенсіи для престарѣлыхъ, убогихъ и малолѣтнихъ.

---

[1]) Таковъ примѣръ отдачи на суконную фабрику въ селѣ Павловскомъ въ 35 в. отъ Москвы, приводимый Погожевымъ („Вотчинныя фабрики и ихъ фабричные“. Вѣстникъ Европы 1899 г. № 7 стр. 39).

[2]) Съ 1825 г.

Въ 1806 г. было издано „Горное положеніе“. Въ 1818 г. были установлены отвѣтственность за увѣчье и смерть работающихъ въ рудникахъ.

Таково было развитіе посессіонной фабрики. Въ общемъ оно шло отъ фабрики крѣпостной къ фабрикѣ регламентированной. Въ дѣйствительности были и уклоненія. Несмотря на законодательную нормировку въ горномъ дѣлѣ на Уралѣ посессіонная фабрика дошла ко второй половинѣ 19 в. до полнаго рабства. Въ остальныхъ отрасляхъ фабрично-заводскаго дѣла, сообразно съ общимъ строемъ соціальныхъ отношеній посессіонная фабрика должна была бы эволюціонировать въ направленіи большаго закрѣпощенія. Хозяева стремились къ этому. Но рабочіе, не видѣвшіе никакого оправданія своей крѣпости фабрикѣ и сбитыя въ большія массы, неуклонно вели борьбу за свое освобожденіе.

Съ конца 18 в. они волнуются почти повсемѣстно и почти ежегодно. Часто борьба велась десятками лѣтъ и приводила производство на фабрикѣ къ полному разстройству.

Возникшая въ это время фабрика вольнаго труда составляла конкуренцію фабрикѣ рабской. Ея существованіе и развитіе въ мануфактуру усовершенствованной техники и введеніе все болѣе и болѣе усложняющихся машинъ приводило къ необходимости приглашать въ число рабочихъ людей спеціальныхъ навыковъ и знаній, приводило и къ торжеству „фермента свободы“, приносимаго ремесломъ и квалифицированнымъ трудомъ.

Съ освобожденіемъ дворянства, какъ только помѣщикъ понялъ выгоду отъ владѣнія фабрикой, ему, самимъ существованіемъ посессій, было подсказано рѣшеніе согнать своихъ людей на свою фабрику съ тѣмъ, что бы работать для государства. Это было первое, подсказанное государствомъ, имъ оплачиваемое, но не имъ непосредственно задуманное и осуществленное предпринимательство. Помѣщикъ кормилъ рабочихъ своей фабрики, бывшихъ въ то же время крестьянами его имѣній; онъ селилъ ихъ, стремясь къ увеличенію дохода и сокращенію издержекъ производства, въ спеціальныхъ казармахъ; гонялъ на работу,

какъ гонялъ на барщину; караулилъ отъ побѣговъ и т. д.

Свидѣтельстава о первыхъ стремленіяхъ помѣщиковъ къ устроительству фабрикъ относятся къ серединѣ 18 вѣка. Эти свидѣтельства находятся въ наказахъ дворянъ въ Екатерининскую комиссію. Московское дворянство просило о разрѣшеніи открывать фабрики и мануфактуры и предпринимать всякіе промыслы; дворяне Вяземскаго уѣзда—о дозволеніи открывать фабрики и сдавать ихъ въ аренду.[1])

Въ первое время вотчинныя фабрики устраиваются преимущественно въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ. Они развивались до второй четверти 19 в., распространяясь шире, по болѣе мелкимъ имѣніямъ и въ видѣ болѣе мелкихъ фабричекъ. Въ земледѣльческій кризисъ 1820—30 г.г. фабрики стали усиленно устраиваться по многимъ небольшимъ помѣстьямъ. Съ теченіемъ времени найдено было выгоднымъ давать рабочимъ небольшую заработную плату. Вотчинныя фабрики нерѣдко образовывали спеціальный фабричный пролетаріатъ. Нерѣдко на фабрику свозились рабочіе издалека. Въ имѣніи Горенкахъ подъ Москвой, напримѣръ, въ бывшемъ дворцѣ Разумовскаго дворянинъ Волковъ устроилъ фабрику, для которой имъ были привезены рабочіе изъ собственныхъ имѣній, расположенныхъ въ губ. Рязанской, Костромской, Тверской, Смоленской, Тульской.[2]) Такимъ образомъ образовывался фабричный пролетаріатъ, бывшій таковымъ при крѣпостномъ правѣ и оставшійся таковымъ же послѣ освобожденія крестьянъ. Это былъ готовый рабочій для будущихъ фабрикъ капиталистическаго типа. Еще Погожевымъ было замѣчено, что фабрики капиталистическакго характера легко возникали въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ ранѣе существовали вотчинныя фабрики. Такъ, напримѣръ, нынѣшняя Балашинская мануфактура находится на томъ мѣстѣ, гдѣ въ тридцатыхъ годахъ была суконная мануфактура кн. Трубецкого, Лапинская мануфактура Клопова и Сергѣева стоитъ на мѣстѣ помѣ-

---

[1]) Фальская. Крест. вопр. въ наказ. дворян. XVIII в. М. 1911 стр. 8.

[2]) Погожевъ. Вотч. фабр. и ихъ фабричн. Вѣстникъ Европы 1889, № 7 стр. 19.

щичьей фабрики при с. Лапинѣ, суконная фабрика Лыжина и бумагокрасильное заведеніе Вартремэ находятся при селѣ Вантѣево, гдѣ была писчебумажная фабрика Баташевой.[1]) Изъ общаго числа 75 фабричныхъ поселковъ Московской губ., по свидѣтельству Погожева, завѣдомо возникло изъ крѣпостныхъ фабрикъ—11 (9 въ Богородскомъ у., 1 въ Звенигородскомъ, 1 въ Дмитровскомъ, 1 въ Московск.)[2]) Съ ростомъ рынка, независимаго отъ государства, съ проникновеніемъ въ глубь и въ ширь денежнохозяйственныхъ отношеній могла и стала возникать „вольная“ купеческая и крестьянская фабрика.

Къ 1830-мъ годамъ отмираетъ посессіонная фабрика. Въ 1840 г. законъ дозволилъ владѣльцамъ фабрикъ съ приписными рабочими уволить своихъ рабочихъ, что равнялось окончательному переходу къ вольнонаемному труду.

Купеческая фабрика начала съ приспособленія къ другимъ уже существовавшимъ видамъ фабрики. Она работала съ „кабальными рабочими“. Это были крестьяне, отдававшіеся своими помѣщиками въ „кабалу“ на чужія фабрики. Плата за такихъ рабочихъ вносилась ихъ помѣщику. Закабаленные рабочіе были распространены до начала двадцатыхъ годовъ, пока указами отъ 10 апрѣля и 28 августа не была воспрещена отдача крѣпостныхъ въ наемъ разночинцамъ. Указъ 16 іюня 1825 г. запретилъ отдачу крѣпостныхъ на работы на фабрики съ условіями и отъ имени помѣщика.[3]) Ряды рабочихъ на купеческой фабрикѣ пополнялись также и питомцами воспитательныхъ домовъ, Это контингентъ рабочихъ весьма страннаго и приниженнаго положенія. Однако, для фабрики они бывали выгодными рабочими. Бывало, что фабрика при самомъ основаніи своемъ выговаривала себѣ право опредѣлять на фабричныя работы питомцевъ воспитательныхъ домовъ. (Ямбургская ситцевая фабр.—1814 г.)[4]) Наконецъ, эта же фабрика стала привлекать вольнонаемныхъ рабочихъ.

---

[1]) Тамъ же стр. 20.

[2]) Тамъ же стр. 37.

[3]) М. Туг.-Барановск. Русск. фабрика стр. 95.

[4]) Т.-Бар. стр. 96.

Рядомъ незамѣтныхъ переходовъ купеческая фабрика сливается съ фабрикой крестьянской. Эта послѣдняя явилась, какъ правило, въ результатѣ роста исконныхъ въ странѣ промысловъ или вслѣдствіе перениманія предпріимчивымъ мужикомъ нехитрой техники сосѣдней мануфактуры и роста, затѣмъ, изъ „свѣтелки“ новаго типа уже по существу капиталистической фабрикой.

Крестьянская фабрика уже почти не знаетъ крѣпостныхъ, кабальныхъ или иныхъ несвободныхъ рабочихъ.

Въ 1804 г. изъ 95,202 рабочихъ на фабрикахъ было вольнонаемныхъ рабочихъ 45,625 ч., т. е. менѣе половины (48%). Въ 1825 г. всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ числилось 210.568 ч., изъ коихъ крѣпостныхъ было 66.725 ч. и посессіонныхъ 29.328; остальные т. е. болѣе половины (114.515 ч. или 54%) уже были наемными рабочими.[1])

Вольная крестьянская фабрика была свидѣтельствомъ уже весьма сложнаго явленія. Ея появленіе было возможно только при наличіи нѣкотораго мѣстнаго рынка и при существованіи наемныхъ рабочихъ рукъ.

Въ странѣ, еще не глубоко захваченной товарообмѣномъ, рынокъ могъ создаться только при условіи монополіи. Петръ В. и его ближайшіе преемники помогали дѣлу дарованіемъ монополіи de jure, что приводило, конечно, съ теченіемъ времени и къ монополіи de facto. Но ко второй половинѣ 18 в. эти монополіи, установленіемъ которыхъ обычно сопровождалось устройство каждой крупной фабрики, разрѣшаемой къ учрежденію мануфактуръ—коллегіей, приводили къ задержкѣ въ развитіи промысловъ, а не къ ихъ форсированію. Еще въ 1753 г. ради укрѣпленія СПБ-скихъ ситцевыхъ фабрикъ было запрещено по всѣмъ мѣстамъ въ теченіе десяти лѣтъ учреждать подобныя же фабрики.

Монополію могло создать и разстояніе, обособленность отдѣльныхъ рынковъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія. На Руси съ Петра I существовали лишь нѣсколько кана-

---

[1]) М. Т.: Барановскій. Русск. Фабрика. Стр. 85, 89. Его же „Крѣпостная фабрика“ сборникъ „Великая Реформа“ изд. Сытина, т. III стр. 145.

ловъ, соединявшихъ Вышневолоцкую систему, да Ладожскіе каналы, да каналы въ самомъ Петербургѣ. Между двухъ столицъ тянулась „Перспективная дорога“. Въ царствованіе Екатерины II были проведены на довольно значительное число верстъ рѣдкой сѣтью извѣстные Екатерининскіе большаки. Первое шоссе проводится въ 1816 г.; оно было окончено только въ 1830 г.

Мѣстные рынки облегчили поднятіе промышленности, работавшей на рынокъ. О существованіи многихъ фабрикъ Московскаго даже района фабриканты Петербурга узнали только на Петербургской выставкѣ 1829 г.[1]) Какъ пережитокъ, долгое время фабрика даже пореформенной эпохи устраивалась въ отдаленіи отъ дорогъ. Какъ замѣтилъ Шульце-Геверницъ, наши мануфактуры только въ послѣдніе годы 19 в. стали искать желѣзныхъ дорогъ. Ранѣе они сплошь и рядомъ возникали въ сторонѣ отъ желѣзнодорожныхъ линій.

Вольная крестьянская фабрика, сообразно съ своимъ плебейскимъ происхожденіемъ и назначеніемъ должна была заняться выработкой товаровъ на болѣе широкіе круги потребителей. Явившись сама въ результатѣ уже значительнаго развитія денѣжнаго хозяйства, она усиливала товарообмѣнъ и работала для проникновенія дешеваго товара въ тѣ слои населенія, которые ранѣе весьма мало что покупали.

Что вырабатывала посессіонная фабрика?

Издѣлія изъ металловъ и полотно, сукно. Она производила тотъ товаръ, который спрашивало государство. Поскольку этотъ товаръ не шелъ въ обращеніе, а поступалъ цѣликомъ монопольному потребителю, постольку онъ даже не имѣлъ характера товара. Онъ, какъ правило, не порождалъ товарообмѣна. Въ 1803 г. посессіонныхъ фабрикъ и заводовъ не считая горныхъ [2]), было около 130. Наибольшее

---

[1]) Сборн. статистич. свѣдѣній Московск. губ. т. IV ч. I. стр. 59, статья Погожева.

[2]) Горныхъ было (по свѣдѣніямъ Сигова: „Народъ и посессіон. владѣнія на Уралѣ“, Русское Богатство кн. III. 1899. 181, 187, 199) въ 1860 гг. На Уралѣ до 140 зав. съ выплавкой $9^1/_2$ милл. пуд. чугуна. По второй ревизіи всѣхъ „приписныхъ“ крестьянъ на Уралѣ было 102.500 д. м. п.

количество ихъ изъ вышеназваннаго числа—40 фабрикъ—было занято выработкой полотна. Суконныхъ фабрикъ было 26, шелковыхъ 10, ситцебумажныхъ 11. Еще 1818 полотняныя фабрики были наиболѣе многочисленными и прибыльными.

Вотчинная фабрика, бывшая наслѣдницей и развитіемъ посессіонной, строго обязывалась вырабатывать одно солдатское сукно по правительствомъ опредѣленнымъ цѣнамъ. Тѣ фабрики „при которыхъ рабочіе люди не имѣли земли, обязаны были доставлять издѣлій вдвое болѣе, нежели имѣвшіе землю для пользованія крестьянъ-фабричныхъ“ [1].

Съ развитіемъ промышленности фабрика эмансипировалась отъ государства или, быть можетъ, государство избавлялось отъ монопольной фабрики. Въ 1816 г. уже было признано возможнымъ освободить суконныя фабрики отъ обязательства ставить сукно въ казну, хотя только въ 1822 г. впервые суконные фабрики выработали такое количество сукна, которое превысило спросъ арміи [2].

Крестьянская фабрика вырабатывала хлопчатобумажный ситецъ. Въ противоположность фабрикамъ посессіоннымъ и вотчиннымъ, крестьянская фабрика возникла какъ показатель явившагося спроса на свободномъ рынкѣ. Ея развитіе проходитъ безъ прямой помощи государства. Государство ей помогало только покровительственными ставками таможенныхъ тарифовъ на ситецъ, миткаль и безпошлинный или почти безпошлинный привозъ пряжи.

Посессіонная фабрика работаетъ рабочими крѣпкими фабрикѣ. Ихъ трудъ она оплачиваетъ мало. Въ началѣ 19 в. мѣсячная заработная плата устанавливается въ слѣдующемъ среднемъ размѣрѣ: для суконныхъ и бумажныхъ фабрикъ—4 р., шелковыхъ—5 р., стеклянныхъ и писчебумажныхъ—8 р. 50 к. [3]. Вотчинная фабрика подъ вліяніемъ необходимости также устанавливала небольшую плату

---

[1] Погожевъ. Вотчинно-посес. фабрика и фабричн. бытъ Московск. губ. въ концѣ 18 и въ началѣ 19 в. (Сборн. статистич. свѣд. по Москов. губ. 1890 г. Т. IV ч. I, стр. 65.)

[2] Туг.-Барановск. Руск. Фабр. стр. 75, 73.

[3] В. Пичета. Посессіонные крестьяне. Сборн. Великая Реформа, стр. 144.

своимъ рабочимъ. Но всегда вообще она была ниже заработной платы на посессіонныхъ фабрикахъ. Въ интересахъ техники развивающагося производства и на посессіонныхъ и на вотчинныхъ фабрикахъ всегда бывали, хоть въ небольшемъ числѣ, искусные рабочіе, привлекавшіеся по найму за болѣе высокую плату ради ихъ технической умѣлости. Въ 1803 г. на 15 фабрикахъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ на общее число посессіон. рабочихъ въ 7000 ч. об. п. приходилось рабочихъ изъ найма 400 ч. [1]). Вольная крестьянская фабрика основывалась на свободномъ трудѣ. Рабочіе на эту фабрику должны были привлекаться и, слѣдовательно, ихъ трудъ долженъ былъ оплачиваться согласно съ законами заработной платы юридически свободныхъ рабочихъ. Наемные рабочіе на посессіонной фабрикѣ съ производствомъ ситца получали наивысшую плату. Крестьянская фабрика, почти исключительно работавшая изъ хлопка, должна была быть наиболѣе дорогой по издержкамъ на заработную плату. Эти издержки сильно уменьшались при работѣ „свѣтелкой“, когда наемные рабочіе почти совершенно исключались членами своей семьи. Выдерживать такіе сравнительно большіе расходы можно было только при установленіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ монополій, а главное при наличности нѣкотораго кадра искусстныхъ и умѣлыхъ рабочихъ, доставлявшихъ крестьянской фабрикѣ возможность эксплоатаціи интенсивности труда. Крестьянская фабрика была промышленной организаціей интенсивнаго труда, въ противоположность посессіоной и вотчинной фабрикамъ представлявшимъ организацію промышленной экстенсивности.

Откуда же появились въ странѣ эти технически умѣлыя, цѣнныя рабочія руки?

Какъ страна съ небольшой плотностью населенія и весьма неразвитой сѣтью плохихъ путей сообщенія. Россія издавна обладала тою примитивной формой промышленности, которая П. Струве названа „мѣстнымъ кустарничествомъ“. По опредѣленію вышеназваннаго автора это есть

---

[1]) Погожевъ, стр. 72.

„промышленное производство, направленное на снабженіе весьма узкаго рынка и предполагающее непосредственное отношеніе между производителемъ и потребителемъ, хотя первый не есть ремесленникъ, а второй не является заказчикомъ“ [1]). Кромѣ того, страна обладала исконными кустарными промыслами. Россія 19 в. наслѣдовала населеніе съ нѣкоторымъ культурнымъ, торговымъ и промышленнымъ прошлымъ. Кустарная промышленность Россіи была уже сельскимъ децентрализованнымъ товарнымъ производствомъ. Въ крѣпостной деревнѣ, въ эпоху процвѣтанія крѣпостной фабрики независимо отъ нея существовало крѣпостное ремесло. Воздѣйствіе крѣпостной фабрики на крѣпостного ремесленника выразилось въ расширеніи техническихъ пріемовъ и навыковъ послѣдняго. Инціатива и интересы помѣщика распыляли техническое знаніе. Потребности помѣщика—придворнаго, вельможи и дворянина—сыграли свою роль возбудителя нѣкоторой промышленности въ крѣпостной деревнѣ. Идеалъ развитой феодально-хозяйственной ячейки для своего осуществленія требовалъ развитія по крайней мѣрѣ перерабатывающей дворни [2]). Ради него необходимо было привлечь въ деревню иностранца-ремесленника, учителя крѣпостного человѣка. Наконецъ, развитіе городского рынка создавало городского ремесленника, населяло городъ иностранными технически знающими работниками и ихъ учениками оброчными подданными помѣщика, разносившими затѣмъ свои познанія по деревнямъ и селамъ.

Въ Екатерининской комиссіи 1767 г. дворянство уже хлопочетъ объ открытіи возможности крестьянамъ развивать свои промыслы.

Вліяніе иностранцевъ на развитіе техническихъ зна-

---

[1]). П. Струве. Историческое и систематическое мѣсто русской кустарн. промышленности. (Міръ Божій, 1898, апрѣль—іюнь стр. 193).

[2]). Таково происхожденіе промысл. кустарнаго характера: мебельнаго кружевнаго, перчаточнаго, плетенія изъ прутьевъ и др. (М. Туг.-Баран. Историческая роль капитализма въ развитіи нашей кустарн.-промышл. „Новое слово“, 1897, апрѣль, стр. 23).

ній среди крестьянъ особенно сказалось послѣ отечественной войны. Войска Великой Арміи въ мирной работѣ среди чужихъ полей помогли возрастить мелкія фабрички нынѣшняго русскаго Манчестера-Богородскаго уѣзда, Иваново-Вознесенска, Шуи, Серпухова и др.

Вольная фабрика могла использовать имѣющійся въ странѣ рабочій контингентъ. Техника фабрики—мануфактуры была столь проста и само производство такъ возможно безъ наличности сложныхъ и дорогихъ машинъ, безъ спеціальныхъ зданій, что рядомъ съ фабрикой могла выростать крестьянская свѣтелка ея учениковъ. Фабрика распылялась, вызывая къ жизни кустарей новаго типа; перерождалась въ форму домашней промышленности, раздавая сырье по домамъ и собирая продуктъ черезъ своихъ прикащиковъ и скупщиковъ; возрождалась въ формѣ мелкой фабрички и вновь группировалась въ фабрики и мануфактуры. Въ этомъ процессѣ распыленія и собиранія, столь характерномъ для первыхъ трехъ десятилѣтій 19 в., промышленность становилась психологически родной и понятной народу. Съ теченіемъ времени мужики-стяжатели, мужики-кустари, торговцы деревень, рачительные и смышленые хозяева выростали въ фабрикантовъ и капиталистовъ.

Въ этомъ процессѣ распыленія фабрики и ея возсозданія народился новый классъ промышленниковъ, создался новый промышленный капиталъ. Отъ этихъ годовъ начала 19 в. ведутъ свою генеалогію крупнѣйшія фамиліи дальнѣйшей русской буржуазіи. Бурылины, Гарелины, Дербеневы, Морозовы, Гучковы, Каретниковы, Кацеповы, Ямановскіе, Грачевы, Дерденевскіе и т. п. все это сѣмя крестьянъ стяжателей, роды трехъ—четырехъ поколѣній, промышленники, занявшіе мѣсто торговыхъ капиталовъ Московск. Руси, и наслѣдники значенія дворянства Петербургской Имперіи.

Только въ 1825 г. выкупились на волю изъ крестьянъ гр. Шереметева Ямановскіе; въ 1827 г. изъ крестьянъ села Иванова выкупились Гарелины, Бабурины, Гандурины, Бурылины.

Съ конца 18 в. русская фабрика, кромѣ изложенныхъ процессовъ, которые можно охарактеризовать какъ интенсификацію труда, переживаетъ процессъ другого характера, заключающійся въ техническихъ улучшеніяхъ и сводящійся къ интенсификаціи производства.

Этотъ техническій прогрессъ на текстильномъ, напримѣръ, производствѣ шелъ слѣдующимъ образомъ.

Распространеніе набоечныхъ заведеній въ Ивановѣ относится по своему началу къ 1776 году. Первоначально набойка идетъ по холсту. Вскорѣ рядомъ съ ней появляется и развивается набойка по бумажнымъ тканямъ. Первая фабрика въ Ивановѣ для набойки ситца появляется въ 1787 г. Съ этого же года датируется начало ткачества изъ бухарскаго хлопка. Въ 1803 г. появляется англійская пряжа. Во всеобщее употребленіе она входитъ медленно и распространяется лишь послѣ оставленія Россіей континентальной системы. Только въ 1831 г. начинается выдѣлка русской пряжи.

Устройство первой фабрики съ механическимъ пряденіемъ бумаги относится къ 1798 году, когда въ СПБ-гѣ была построена фабрика аббата Осовскаго. Въ 1805 г. на этой же фабрикѣ впервые была приложена къ пряденію паровая сила. На ней же въ 1808 г. Александромъ Вильсономъ былъ поставленъ первый въ Россіи механическій ткацкій станокъ. Въ Ивановѣ первая паровая машина вводится на фабрикѣ Гарелиныхъ только въ 1832 г. Челноки самолеты вводятся въ Ивановѣ только въ 1815 г.

Первые колеристы появляются въ Москвѣ послѣ войны 1812 года. Это искусство принесли къ намъ плѣнные солдаты арміи Наполеона. Въ 1818 г. стали набиваться „саксонскіе“ кубовые ситцы. Въ 1829 г. стали въ Ивановѣ красить бумагу и миткаль въ Адріанопольскій красный цвѣтъ посредствомъ Смирнской марены. Въ Англіи это изобрѣтеніе стало впервые примѣняться въ 1813 г. фирмой Томсонъ и К. Въ 1830 г. выбойка дешевыхъ ситцевъ замѣняется, наконецъ, печатаніемъ на цилиндровыхъ машинахъ [1]).

[1]) изложено по Гарелину „Городъ Иваново-Вознесенскъ“. 1885 г. ч. I стр. 143—213.

Такъ медленно и постепенно вводились на Руси техническія улучшенія. Россія тутъ перенимала только то, что она могла найти на Западѣ.

Резюмируя все вышеизложенное въ настоящей главѣ приходимъ къ выводамъ, что наша промышленность въ годы первыхъ трехъ десятилѣтій 19 вѣка стала народной, эволюціонировавъ отъ посессіонной, черезъ вотчинную и купеческую къ крестьянской фабрикѣ. Наша промышленность родилась ради государства и черезъ государство; ее вели купцы-торговцы и правительство. Работая для удовлетворенія нуждъ того же государства она прошла черезъ руки дворянъ-помѣщиковъ. Она дошла до крестьянской промышленной фабрики, работавшей на свободнаго потребителя. Отъ крѣпостного регламентированнаго труда посессій и рабскаго труда вотчинной фабрики промышленность перешла къ свободному наемному труду. Въ области заработной платы промышленность эволюціонировала отъ неоплачиваемаго и едва вознаграждаемаго труда на основѣ государственнаго права къ экономіи низкой заработной платы юридически свободно договаривающихся рабочихъ. Въ смыслѣ производительности труда эволюція была намѣчена отъ экстенсивнаго необученнаго труда къ труду болѣе интенсивному, качественному, подразумѣвающему психологію техническихъ навыковъ.

Посессіонная и вотчинная фабрика начали образованіе безземельнаго пролетаріата и тѣмъ положили начало пролетаріату грядущаго капитализма. Крестьянская свѣтелка и фабрика весьма усилили дифференціацію крестьянства, образовавъ одновременно промышленнаго капиталиста, по общему правилу крѣпостного крестьянина, и рабочаго, задавленнаго всею тяжестью желѣзныхъ законовъ первой стадіи капиталистическаго накопленія. Кустарь и кустарная свѣтелка успѣшно конкурировали съ новой фабрикой, пока нарощеніе капиталовъ не дало въ руки первыхъ стяжателей выгодъ крупнаго предпріятія капиталистической эпохи. По формѣ предпріятія наша промышленность посессіонной эпохи была крупной. Изслѣдователи приходятъ къ выводу, что въ вѣкъ Екатерины наша промышленность

по формѣ предпріятій была крупнѣе западной. И во второе десятилѣтіе 19 в. новая фабрика является мелкой. Въ этомъ былъ прогрессъ. Мелкая фабрика и свѣтелка эпохи Императора Александра I была по своей народно-хозяйственной сущности постольку болѣе совершеннымъ явленіемъ, по сравненію съ посессіями государственности Петра и Екатерины, поскольку таковымъ должна быть признана форма торговли денежно-хозяйственнаго уклада капитализма по сравненію съ громадными торговыми предпріятіями государствъ и властителей первобытной государственности.

Новая мелкая фабрика растетъ, правильно развиваясь на новыхъ основаніяхъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ она обратится въ типичную фабрику капитализма, далеко опередивъ въ своемъ развитіи общую эволюцію земледѣльческой страны.

Общій характеръ культуры эпохи. Отношеніе идей времени къ рабству.

Отъ Петра Великаго до Николая I Россія пережила цѣлую эпоху своеобразной культуры, окрасившей весьма интенсивными тонами почти полтора вѣка историческаго бытія.

Экономическій ростъ страны этого періода характеризовался, какъ уже было сказано, формулой Кнаппа: Der Ritter wird Landwirt. Въ Россіи въ годы Петра I почти все дворянство ушло въ армію и въ столицу. Не въ „рыцарство“, въ чиновную гражданскую и военную службу ушли съ мѣстъ дворяне. Ихъ возвращеніе къ серединѣ 18-го вѣка въ свои помѣстья и превращеніе этихъ послѣднихъ въ экономіи было, какъ будто, болѣе быстрымъ и рѣзкимъ хозяйственнымъ переворотомъ, чѣмъ осѣданіе рыцарства и его переходъ къ аграрному предпринимательскому хозяйству. Наше дворянство уже было оторвано отъ земли въ процессѣ осѣданія на землю и вернулось затѣмъ начи-

нять вновь уже разъ начатое дѣдами. Сущность эволюціи заключалась въ организаціи производства такимъ образомъ, что бы хозяйственныя силы помѣстья съ его живымъ и мертвымъ инвентаремъ давали владѣльцу—помѣщику предпринимательскую ренту, оставляя почти existenz minimum работникамъ-земледѣльцамъ. На одномъ полюсѣ стоялъ баринъ, на другомъ „подданный“ и рабъ. Первому доставались досугъ и накопленіе богатствъ, второму-трудъ и нищета. Но всегда тамъ, гдѣ есть досугъ должна появиться культура. Постепенно съ увеличеніемъ этого досуга, съ освобожденіемъ дворянства отъ личной повинности государству, съ развитіемъ сношеній съ Западомъ, съ развитіемъ пышности двора своихъ Царицъ и ближайшимъ знакомствомъ съ иностранными пришельцами усвоялась и выростала эта помѣщичья культура. „Петиметръ“ временъ Елизаветы, смѣнялся „массономъ“ и „вольтерьянцемъ“ Екатерины II, „геттингецемъ“, наконецъ, мистикомъ и послѣдователемъ Руссо и естественнаго права богатой эпохи Александра I.

Эти западныя обличья принимались въ большинствѣ случаевъ весьма поверхностно, однако для болѣе чуткихъ натуръ они же являлись родомъ откровенія. Esprits forts являлись и продуктомъ внѣшней переимчивости и порожденіемъ глубокихъ душевныхъ силъ.

Эта культура родилась въ странѣ тогда, когда психическія силы единственныхъ людей, пріобрѣтшихъ богатства и досугъ, какъ бы отрѣшились отъ родныхъ корней. Эту культуру воспринимаетъ Дворъ, затѣмъ магнатство и затѣмъ довольно широкіе круги крупнаго и средняго помѣстнаго дворянства. Ее принимаютъ съ начала въ качествѣ признака европейскаго благородства, затѣмъ, углубляясь, она даетъ стимулы душевныхъ переживаній. Во внѣшнихъ формахъ этотъ ходъ навѣянной культуры сказывается весьма ярко. Каждый камень архитектурныхъ построекъ времени говоритъ изслѣдователю. Любопытно, какъ пышный и странно пустой стиль архитектурныхъ построекъ „Елисаветъ“ уступаетъ мѣсто болѣе строгому dix-huitiéme Екатерины, и далѣе самъ замѣняется своеобразнымъ Empire восьмидесятыхъ годовъ и „романтической мыслью и мечтой“ прини-

женнаго и слившагося съ сѣрыми русскими равнинами, странно переработаннаго faux gothique послѣднихъ лѣтъ Александра I.

Среди русскихъ полей возникали родовыя „Версаліи“. Ѣздили русскіе вельможи на Западъ, посѣщали Рейнъ и Парижъ, любили заѣхать въ Ферней и дома отдавали дѣтей на обученіе иностраннымъ выходцамъ. Пусть эти столь осмѣянные гувернеры были невѣжественны, пусть обидно русскому національному чувству, что барабанщики и парикмахеры Франціи становились законодателями вкуса, моды и даже идей въ Россіи, нельзя не признать, что это былъ ферментъ русскаго развитія. Нахлынувшіе на Русь революціонеры и роялисты Франціи помогли вырасти наиболѣе серьезнымъ натурамъ. Для лучшихъ молодыхъ и богатыхъ людей благороднѣйшихъ фамилій Россіи былъ типиченъ благородный обликъ графа Павла Александровича Строганова, будущаго друга, столь характернаго для Россіи, столь родного ей въ ту эпоху Императора Александра I. Гр. Строгановъ вступилъ въ Парижѣ подъ вліяніемъ своего воспитателя Жильберта Ромма въ члены клуба жакобиновъ и Propaganda Libertate, кричалъ въ энтузіазмѣ при взятіи Бастиліи, ходилъ по улицамъ Парижа въ красной фригійской шапочкѣ и дома, въ родномъ Братцевѣ, садился иногда обѣдать съ дворниками своего дома.

Эта помѣщичья культура создала свою архитектуру; вызвала къ жизни сады съ „сюрпризами“, „храмами любви“, памятниками, аллегорическими вазами и романтическими руинами; заставила собрать со всей Европы сокровища Эрмитажа и многочисленныхъ картинныхъ галерей сподвижниковъ Екатерины и Александра; ея дворцы строили Растрели, Кваренги, Казаковъ, Баженовъ, Томонъ, Воронихинъ, Бреннъ, М. Быковскій; для нея выросли Ив. Аргуновъ, Лосенко, Левицкій, Рокотовъ, Н. Аргуновъ, Тропининъ, Кипренскій, Боровиковскій; для нея съѣхались Друэ, Грезъ, Лампи, Росленъ, Ротари, Вуаль, Виже-Лебренъ, Торели, Бинеманъ, Митуаръ, Ж. Лоранъ Монье; она звучала въ музыкѣ Рамо и Глюка, сказывалась въ „дансеркахъ“ Шереметева, хорахъ роговой музыки Нарышкина, труппахъ

артистовъ Столыпина, въ романсахъ Кашина, Титова, Алябьева, Варламова, въ пѣсняхъ Николева, Дмитріева, Мерзлякова, Ѳ. Глинки, въ русскихъ пѣсняхъ Стеши, въ поэтическихъ цыганскихъ пѣсняхъ, чаровавшихъ русскихъ людей отъ А. Орлова до Пушкина и Льва Толстого.

И вся эта культура была создана на слезахъ, была обусловлена тѣмъ несправедливымъ правовымъ и политическимъ укладомъ, какимъ характеризуется вѣкъ просвѣщенія въ Россіи. Сады и дворцы Ляличей, Марфина, Батурина, Почепа, Шклова, Вишенокъ, Марьина, Городни, Кускова, Останкина, Дубровицъ, Кузминокъ, Архангельскаго и т. п. расположились рядомъ съ бѣдными избами; странно и иронически жалко глядѣли мраморные музы, боги и богини на русскаго мужика; странно было „рабамъ“ и „подданнымъ“ перерождаться въ „дансерокъ“, проявлять таланты художниковъ, архитекторовъ, музыкантовъ.

Въ изложенныхъ чертахъ русская культура эпохи была по существу только варіаціей дворянскихъ культуръ Франціи и Западной Европы вѣка просвѣщеннаго абсолютизма. Ея индивидуальныя особенности объясняются колоніальнымъ характеромъ развитія страны. Россія—это было государство съ невѣдомымъ населеніемъ, жившимъ своей особенной жизнью, съ верхнимъ своимъ слоемъ, создавшимъ своеобразное явленіе „интеллигенціи“, тянущимся къ чужой не народной культурѣ, примѣшивавшей къ вліянію грубой и сильной родной матери вліяніе изящной иностранной няньки; страна обладала правительствомъ весьма просвѣщеннымъ, но чуждымъ массѣ народной; богатой аристократіей съ традиціями олигарховъ съ духомъ „философовъ“, осѣдавшей въ своихъ подмосковныхъ; многочисленнымъ бѣднымъ шляхетствомъ уже десятки лѣтъ стоявшимъ противъ сильныхъ фамилій; дворянскимъ пролетаріатомъ, почти не имѣвшимъ крѣпостныхъ и жившимъ хлѣбопашествомъ и службой; иностранной нѣмецкой наукой; молодежью, размышлявшей надъ Руссо и рѣчами Мирабо; съ духовными броженіями въ народныхъ массахъ и озаренныхъ западнымъ свѣтомъ верхахъ.

И наростали драмы Радищева, Онѣгина и „Горя отъ ума“. Ихъ не могла миновать страна. Къ нимъ своими контрастами приводила вся пышная и красивая культура, шедшая неминуемо и къ декабристамъ и къ „Мѣсяцамъ въ Деревнѣ“ Ив. Тургенева и къ „Вишневымъ садамъ“ Чехова.

Дѣйствительность сущаго должна имѣть свое этическое оправданіе. Современники по силѣ своихъ этическихъ цѣнностей осмысливаютъ факты жизни и подыскиваютъ имъ справедливое и разумное основаніе, потомки прежде научнаго и объективнаго суда произносятъ судъ Лермонтовскаго „судьи и гражданина“. Дворянинъ „съ душею чисто геттингенской“, массонъ, вольтерьянцъ, мистикъ, романтикъ и помѣщикъ, нетронутый „духомъ якобинства и иллюминатства“ всѣ должны были выдвинуть своихъ представителей, давшихъ свою оцѣнку культурѣ вѣка, ее создавшему рабству, ее воспитавшему политическому и правому строю родины и, наконецъ, въ результатѣ сравненія и въ цѣляхъ разрѣшенія мучительнаго вопроса „какъ дошла ты до жизни такой“, самой исторіи страны и народа. Три тѣсно связанныя между собой идеи положили печать на умы времени: рабство, право и организація государства, историческое самопознаніе. Не всѣ они сразу завладѣли вниманіемъ общества. Ихъ появленіе и наростаніе въ своей неотступности было послѣдовательно и, въ силу послѣпетровскаго культурнаго воспитанія изъ внѣ, началось съ болѣе яркаго пятна—рабства, перейдя только въ концѣ нѣкоторой эволюціи къ философскому и историческому самоуглубленію. Во всю послѣдующую исторію вышеназванныя идеи развиваются одновременно и разрѣшаются въ порядкѣ своей постепенности. Къ 1861 г. уничтожается экономически неизжитое до конца крѣпостное право, къ 1905 г. производится реформа неизжитаго самодержавія и еще до нашихъ дней остается не яснымъ самосознаніе русскаго человѣка.

Литература изслѣдуемой эпохи переполнена изслѣдованіями о наилучшей организаціи помѣщичьяго хозяйства. Споры о плодосмѣнѣ, о многополи, объ организаціи крѣпостного труда наполняютъ журналы, разростается дѣятельность В.-Экономическаго Общества, пишутся проэкты, подаваемые правительству или отдѣльнымъ его представителямъ, публикуются характерныя размышленія въ видѣ столь излюбленныхъ въ первые годы 19 в. „Писемъ сельскаго жителя“, переводятся и издаются капитальнѣйшія работы экономистовъ Западной Европы.

Этотъ ярко сказывавшійся экономическій интересъ времени живо свидѣтельствуетъ о томъ интенсивномъ хозяйственномъ развитіи, какое переживала страна, о преимущественно аграрномъ устроительствѣ, о помѣщичьихъ заботахъ, объ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ. Усиливающійся вывозъ хлѣба, разработка новыхъ земель, развитіе денежнаго рынка, стремленіе использовать всѣ возможности для планомѣрной организаціи имѣній—вотъ характерныя черты экономической Россіи на рубежѣ 18 и 19 вѣковъ. Эти могучіе, глубоко затрогивающіе многочисленное сословіе помѣщиковъ интересы опредѣляютъ тонъ идейныхъ споровъ.

Споры ради этическихъ побужденій и человѣческаго достоинства тонутъ въ спорахъ экономическаго характера. Идейное теченіе противъ крѣпостного права, столь казалось бы сродное душѣ Геттингенца принижается, сводясь къ обсужденію сравнительной выгодности рабства. И рядомъ съ стремленіемъ доказать безвыгодность крѣпостного труда крѣпнетъ стремленіе доказать божественность рабства, создать его апоѳеозъ, оправданіе нарождающагося плантаторства.

Воспитанникъ Геттингенскаго Университета Кайсаровъ въ своей латинской, отвлеченной и сухо теоретической dissertatio inaugularis приходитъ къ выводу необходимости свободнаго труда и собственной земли для земледѣльцевъ; Стройновскій въ брошюрѣ „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“ требуетъ личнаго и безземельнаго освобожденія, сочувствуя превращенію крестьянъ въ наслѣдствен-

ныхъ арендаторовъ; Джунковскій въ премированномъ В.-Экономическомъ Общ. отвѣтѣ на его тему 1803 года признаетъ, что новая система хозяйства должна быть организована на принципѣ свободнаго труда, стоимость котораго дешевле; проф. Якобъ, Меркель, Шторхъ, видимо подъ вліяніемъ Ад. Смита, приходятъ къ признанію невыгодности крѣпостного труда и желательности его замѣны оброкомъ съ закономъ опредѣленными обязанностями—такъ въ результатѣ компромисса этическаго сознанія и насущныхъ въ странѣ экономическихъ требованій была признана желательность вѣчно наслѣдственной аренды. Позднѣе, быть можетъ, подъ вліяніемъ философскаго вліянія современной Германіи, весьма не громко и не вліятельно высказываются мнѣнія, построенныя на философскихъ предпосылкахъ естественнаго права и философіи Шеллинга. Такъ, Шадъ въ Jnstitutionis juris naturae призналъ, что рабство противорѣчитъ естественному праву. Куницынъ въ книгѣ вышедшей въ 1820 г. „Право естественное“ высказалъ простую и непонятную сооременникамъ мысль, что „никоими заслугами нельзя пріобрѣсти права на свободу и собственность другихъ людей“.

Смѣлѣе и вліятельнѣе были поэты, въ красотѣ звучныхъ строфъ притуплявшіе остроту своихъ выраженій. Описанія быта крѣпостныхъ, проникнутыя сантиментальнымъ сочувствіемъ и жалостью, подчасъ возвышающіяся до негодованія и жгучаго стыда, начинаютъ появляться въ литературѣ съ „Трутня“, „Живописца“, „Бесѣдующаго Гражданина“, „Сатирическаго Вѣстника“ и т. п. т. е. съ 1770—90-хъ годовъ.

Еще у Сумарокова встрѣчается глубоко непоэтическое разсужденіе:

„Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ и тотъ земли одушевленной комъ“.

Изъ такого разсужденія не выводились практическія слѣдствія и само оно представляется въ значительной степени выраженіемъ внѣшняго заноснаго изъ внѣ вліянія. „И крестьянки умѣютъ любить“ доказывалъ Карамзинъ въ „Бѣдной Лизѣ“ и этотъ выводъ не затрагивалъ существо-

вавшихъ отношеній и не мѣшалъ заботамъ помѣщика о размноженіи человѣческой породы въ своемъ селѣ „печность приложить“.

Всѣ подобныя рѣчи служили только къ одному, къ возможности рисовать сельскія идилліи, столь любимыя и читателями и писателями многочисленныхъ „Деревень“ и „Путешествій“.

Ноты другого порядка звучатъ въ трудахъ Новикова, въ „Путешествіи“ Радищева, рисующаго „бѣдность и рабство въ образѣ крестьянъ“, въ „Путешествіи Критики“ С.фонъ Ф. На общемъ фонѣ деревни, какъ „щастливой Аркадіи“, какъ милой пасторали, рѣзко вырисовываются иные узоры. Многоотзывчивый Пушкинъ, Грибоѣдовъ, кн. Вяземскій и почти каждый изъ остальныхъ любимцевъ музъ высказываютъ свое негодованіе передъ крѣпостничествомъ. Изображенія бѣдныхъ, но счастливыхъ поселянъ все чаще и чаще прерываются изображеніями противоположнаго характера. Но и далѣе, почти до середины 19 в., не исключая многихъ произведеній Пушкина и Лермонтова, благоденствующіе пейзаны продолжаютъ радовать душу сначала сантиментальничающаго потомъ больного байронизмомъ барина, отдыхающаго подъ „говоръ пьяныхъ мужичковъ“.

Въ 1807 г. было уничтожено крѣпостное право въ герцогствѣ Варшавскомъ, 1804 г. принесъ ограниченіе крѣпостного права въ Лифляндіи, въ 1816—19 г. оно было уничтожено въ Остзейскихъ провинціяхъ.

Эти событія усиливали остроту споровъ, ведшихся въ журналахъ эпохи. Выразители различныхъ направленій, какъ то Сѣверный Вѣстникъ, Духъ Журналовъ, Сынъ Отечества, Вѣстникъ Европы, принимали участіе въ спорѣ.

Всѣ направленія, стремящіяся доказать нравственную и историческую неправду крѣпостного права, какъ въ фокусѣ, отразились въ исповѣдываніи того небольшого кружка людей, которыхъ принято называть декабристами. Какъ констатируетъ Довнаръ-Запольскій [1]) идея освобожденія

[1]) Идеалы декабристовъ. М. 1907. стр. 180.

крестьянъ въ той или другой формѣ неизмѣнно фиксировалась въ каждомъ уставѣ тайнаго общества второй половины царствованія императора Александра I. Подъ тѣмъ или другимъ видомъ въ это время дѣлались и попытки создать союзы и общества со спеціальной цѣлью освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

Одинъ изъ младшихъ декабристовъ А. Тучковъ высказалъ мысль, которую слѣдуетъ признать общею всѣмъ его собратьямъ, „свобода, говоритъ онъ, не замедлитъ привести въ цвѣтущее состояніе сословіе людей, прокармливающее и обогащающее всю Россію“.[1]) Эту вѣру раздѣляли всѣ декабристы отъ Пестеля и Рылѣева до Якубовича, Н. Тургенева, А. Бестужева, бар. Штейнгеля, Борисова 2, Каховскаго, Митькова, В. Кюхельбекера, Басаргина, Крюкова 2, Гангеблова и даже майора Спиридова.

За крѣпостнымъ правомъ нѣтъ историческаго оправданія доказывали бар. Штейнгель [2]) и Н. Тургеневъ [3]); оно противно этическимъ требованіямъ, говорилъ Александръ Бестужевъ [4]); оно невыгодно съ экономической точки зрѣнія, писалъ ф.-Визинъ [5]); оно опасно государству, толковалъ Трубецкой [6]).

Отъ словъ декабристы переходили къ дѣлу.

Въ 1815 г. близкій къ будущимъ декабристамъ М. Орловъ составилъ проектъ адреса Государю объ уничтоженіи крѣпостного права; въ 1819 г. Н. Тургеневъ о томъ же подалъ записку гр. Милорадовичу; не безъ вліянія Н. Тургенева же составлялась въ 1820 г. декларація гр. М. С. Воронцова и князя Меньшикова; наконецъ, въ 1823 г. бар. Штейнгель написалъ письмо къ Государю. Вѣнчала эти начинанія попытка И. И. Пущина, задумавшаго въ 1825 г.

---

[1]) А. А. Тучковъ и его дневникъ. Вѣстникъ Европы. 1900. августъ, стр. 685.

[2]) Записка 1823 г.

[3]) Записка 1819 г.

[4]) Д. Запольскій. Идеалы декабристовъ. стр. 157.

[5]) — стр. 164.

[6]) — стр. 172.

образовать въ Москвѣ союзъ со спеціальной цѣлью освобожденія своихъ дворовыхъ людей, съ обязательствомъ для членовъ союза не имѣть для личныхъ услугъ крѣпостныхъ людей.

Экономическія условія развитія страны требовали крѣпостнической организаціи и рабскихъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, фабрики и плантаціи. Этическіе постулаты, воспринимаемые съ Запада, по существу были противны рабству.

Вся помѣщичья культура, вростая вглубь, странно ставила рядомъ и совмѣщала глубокоантагонистическія положенія. Надо было дать этическое оправданіе рабству. И покуда этого оправданія не было подыскано, до тѣхъ поръ долженъ былъ расти и ширіться душевный разладъ. Это исканіе этической основы крѣпостного права приводило къ историческому идеализму Карамзина, патріархальному барству Шишкова, романтическому сентиментализму массона Лопухина, крѣпостнической филантропіи Маріи Григорьевны Разумовской и, наконецъ, къ умножающимся „воскресеніямъ“ баръ, отпускающихъ своихъ крѣпостныхъ на волю.[1])

Идейныя основанія защитники крѣпостничества находили въ двухъ положеніяхъ: такъ, дескать повелось изстари, помѣщикъ объяснитъ „должности поселянина, необходимыя для его счастья“ (Карамзинъ—„Письмо сельскаго жителя“—1802 г.) и второе, крѣпостное право печальная необходимость, освобождать крестьянъ „не во время“.

Первое предполагаетъ извѣстное благоденствіе крѣпостного крестьянина, опекаемаго добродѣтельнымъ отцомъ и патріархомъ, помѣщикомъ родного села. Ради этого благоденствія крестьянинъ самъ отказывается отъ свободы. Зачѣмъ ему воля? Онъ счастливъ.

„Какая это воля
Летала бы одна,
Была-бъ безвѣстна доля,
Была бы голодна?“

---

[1]) Интереснымъ проротипомъ ихъ явился масонъ Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, отказавшійся принять 300 душъ, пожалованныхъ ему за службу, и объяснявшій свой отказъ трудностью принять на себя отвѣтственность за столь многія души, когда и съ одною собственною справиться трудно.

пишетъ Державинъ въ 1801 г., отзываясь въ поэтическомъ образѣ на тревожащіе общество слухи о томъ, что Александръ[1]) II желаетъ освободить крестьянъ.

Другое соображеніе основывается на пользахъ государственныхъ, что „для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во время свободу“ (Карамзинъ. „Записка о старой и новой Россіи“), и на пониманіи экономической дѣйствительности, по которому крѣпостное право должно существовать до тѣхъ поръ, „пока развитіе промышленности въ Россіи не сдѣлаетъ реформу необходимой“. По словамъ Мордвинова, „въ малонаселенной странѣ, гдѣ рѣдки денежные капиталы, гдѣ слабо развита городская промышленность, гдѣ недостаточно число рабочихъ рукъ, свобода крестьянъ, связанная съ свободой перехода, можетъ вызвать разнаго рода осложненія“. Къ этому присоединяется другое, весьма здравое, но иного порядка соображеніе: „Никакіе законы не сдѣлаютъ бѣднаго независимымъ отъ богатаго и бѣднякъ, живущій въ деревнѣ, если не будетъ зависѣть отъ помѣщика, то будетъ зависѣть отъ болѣе богатаго своего сосѣда“. Освобожденіе крестьянъ признавалось „не во время“ и по нравственнымъ основаніямъ, на что въ особенности указывалось Лопухинымъ и масонами его направленія. Такая точка зрѣнія была весьма удобна и для нетребовательныхъ умовъ, казалось, могла доставить извѣстное удовлетвореніе. Народъ „низокъ, ужасенъ и скотенъ“, писалъ Погодинъ въ 1826 г. [1]) и доходилъ до оправданія крѣпостного права (въ 1831 г. въ статьѣ о выставкѣ въ Москвѣ). Разъ принятое и положенное въ качествѣ исходнаго тезиса названное воззрѣніе давало возможность благодушно мечтать и построять тѣ желанныя, мечтательныя идилліи патріархальнаго благоденствія, которые можно было видѣть только отъ того, что ихъ хотѣлось видѣть. Само существованіе такихъ идиллій есть явленіе психологически весьма понятное и можетъ служить доказательствомъ, что ихъ въ жизни не было.

---

[1]) Барсуковъ. Труды Погодина. т. II. стр. 17.

Дѣйствительность же на основѣ всего историческаго развитія русскаго человѣка изъ народа, насколько и въ началѣ 19 в. сознавался мистическій идеалъ русскаго средневѣковья, приводила къ иному глубокому, хотя казалось бы съ перваго взгляда ироническому, этическому оправданію соціальныхъ отношеній времени: „такъ я вамъ осмѣлюсь доложить, что у такихъ то еще лучше крѣпостному человѣку: если со смиреніемъ крестъ свой принять, такъ къ лику святыхъ угодниковъ сопричисленъ будешь“ [1]).

Такое подвижническое возрѣніе не могло быть, однако, родственно большимъ массамъ народа и, конечно, было противно живымъ юношескимъ силамъ.

Идеализація крѣпостного права получила свое полное развитіе только въ сороковые и пятидесятые годы 19 в. Только передъ реформой было создано оправданіе крѣпостному праву силой авторитета церкви; текстами св. писанія доказывались польза, нравственность и даже божественность установленія рабства [2]).

Такъ оба направленія общественной мысли и развивались одновременно вплоть до самой реформы 1861 года [3]). И защитники и противники крѣпостного права завершали логическое развитіе цикла своихъ идей до наступленія рѣшительнаго момента борьбы за волю.

Отношеніе русской мысли эпохи къ существовавшему правовому и политическому укладу.

Вопросъ объ „истинномъ“ управленіи, объ отношеніи правящихъ и управляемыхъ былъ вторымъ изъ основныхъ вопросовъ, волновавшихъ умы въ изслѣдуемую эпоху. Вновь

[1]) Минувшіе годы. 1908. май-іюнь. стр. 276.

[2]). См. Самаринъ. соч. т. II стр. 21. Наставленіе 1852 года для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній говоритъ: „Берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе божественное, какъ Божью заповѣдь...“.

[3]). Такое логическое развитіе идей имѣло свою параллель въ развитіи экономическихъ формъ и идей. Къ 1840-мъ годамъ относится проэктъ Вилькинса. Крѣпостное хозяйство крѣпло и рядомъ росло село Иваново, этотъ зародышъ свободнаго капиталистическаго города.

укладывавшіяся соціальныя и экономическія отношенія и усиливавшееся духовное вліяніе Запада вызывали переоцѣнку цѣнностей. Мысли, вызванныя критическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, политическія и соціальныя надежды отливались въ опредѣленныя формы и приводили къ созданію плановъ и проэктовъ. Эта кристаллизація идей, конечно, должна была начаться съ болѣе просвѣщенныхъ верховъ. Первыми выразителями ихъ стали родовитѣйшіе вельможи, стремившіеся продолжить никогда не умиравшее на Руси домогательство аристократіи крови къ участію въ управленіи.

Мысль о свободѣ, и неотъемлемости и законности правъ „благороднаго“ давно зрѣла въ ихъ средѣ. Аристократія гнулась и гибла въ періоды частыхъ ея разгромовъ и выпрямлялась и оживала едва они затихали. Жизнь бюрократизирующагося государства вся шла въ борьбѣ его „служивцевъ“, опиравшихся на среднее и мелкое дворянство, съ вельможами. „Подлый“ народъ не принималъ въ ней участія. Живя своей жизнью, онъ аккомпанировалъ борьбѣ своихъ верхнихъ слоевъ своеобразной, казалось непонятной, борьбой за личную свою культуру, за личные свои экономическіе и соціальные идеалы.

Мысль о введеніи представительнаго собранія съ аристократическимъ элементомъ крѣпнетъ и развивается весь 18 в. Анна считается съ верховниками и спасается шляхетствомъ, Петръ III освобождаетъ дворянство отъ крѣпости государственной службѣ, Екатерина даруетъ жалованную граммоту дворянству, Павелъ ее аннулируетъ и погибаетъ, Александръ считается съ „сенатомъ“. На рубежѣ вѣка пишутся проэкты, запечатлѣнные стремленіемъ ограничить тиранію властью „лордовъ“. Появляются проэкты графа Н. П. Панина, Плат. Зубова, Алекс. Воронцова, Мордвинова. Отъ Щербатова до Мордвинова разрабатывается одна стройная теорія русскихъ „монаршистовъ“. Александръ I, вступая на престолъ сталъ между двухъ партій: гр. Паленъ, Зубовы, Н. Панинъ стояли противъ Уварова, Талызина, П. М. Волконскаго. Во всѣхъ своихъ либеральныхъ начи-

наніяхъ молодой императоръ былъ въ сущности послѣдователенъ и, ясно понимая гдѣ его враги, направилъ свои усилія на то, чтобы опереться на классъ населенія, который могъ считаться тогда низшимъ, на широкіе слои дворянства и, организовавъ свое чиновничество, спасти положеніе самодержавнаго трона. Онъ этого достигъ въ полной мѣрѣ. Сенатская партія, говорившая „стрѣчу“ своему Государю, была обойдена. Неофиціальный комитетъ по существу дѣла можетъ считаться весьма схожимъ съ ближайшимъ чиновнымъ совѣтникомъ, фаворитомъ Государя. Такая роль не нова въ русской исторіи. Нѣкогда Государь „самъ третей у постели“ держалъ совѣтъ съ своимъ дьякомъ, весь 18 в. знаетъ совѣщанія въ интимнѣйшихъ покояхъ Императрицъ, Александръ держалъ совѣтъ въ другой формѣ, но также въ туалетной комнатѣ Императора. Сообразно съ характеромъ времени, мѣняя оболочку отношеній, сохранялъ абсолютный Царь свои келейные совѣты съ ближайшими сподвижниками. Шло время. Геніальный чиновникъ Сперанскій протянулъ по Имперіи цѣлую сѣть чиновныхъ нитей, организуя такимъ образомъ новую жизнь новой фазы государственнаго развитія. Когда организаціонная работа была окончена, чиновникъ организаторъ былъ успѣшно замѣненъ чиновникомъ исполнителемъ. Россія стала управляться капитанами и секретарями и безповоротно проиграна была ставка русской аристократіи. [1])

Вѣрное пониманіе обстоятельствъ не было чуждо современникамъ. Убѣжденно и справедливо писалъ въ 1801 г. гр. С. Р. Воронцовъ своему сыну М. С. (письмо 3 мая 1801 г.) „и теперешнее состояніе страны не болѣе какъ временное прекращеніе тираніи; наши соотечественники подобны римскимъ рабамъ во время сатурналій, послѣ которыхъ они снова впадали въ прежнее рабство“.

---

[1]) Любопытно, какъ въ это именно время послѣ великой Отечественной войны русскія вельможныя фамиліи во главѣ государственнаго аппарата стали замѣняться фамиліями новыми, иныхъ претензій, иной карьеры.

Кн. Волконскій замѣняется Дибичемъ, гр. Кочубей — Калтенгаузеномъ, Гурьевъ—Конкринымъ.

Завоеванныя, дарованныя права были правами постолько, посколько ихъ не могло обойти организовавшееся чиновничество. Получился порядокъ вещей при которомъ, по словамъ декабриста Бѣляева, „не признавались ничьи права передъ сильнѣйшимъ, въ которомъ старшій, кто бы онъ ни былъ, всегда былъ не начальникомъ, а властителемъ и господиномъ младшаго, сильный слабаго, богатый бѣднаго; въ которомъ никто не могъ сослаться на свое право, потому что никакого права не было. Казалось бы дворянство имѣло дарованныя, утвержденныя за нимъ права, но если бы кто-нибудь сослался тогда на эти права, то это было бы сочтено за бунтъ. Такимъ образомъ вся Россія дѣлилась на два разряда: на властителей и на рабовъ по очереди“ [1]).

Просвѣщенные верхи русскаго Общества не могли мириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ. Ночь на 12 марта, когда дворцовый переворотъ впервые совершился на соціальной подпочвѣ и запечатлѣлся опредѣленными соціальными надеждами и мечтами, положила отпечатокъ на „дней Александровыхъ прекрасное начало“. Намъ неизвѣстны проэкты участниковъ переворота. Они были несомнѣнно. Можно догадываться, что они были составлены въ духѣ тѣхъ идей, которыя смѣло высказывались въ непосредственно слѣдующее время. Сущность этихъ идей—въ сознаніи, взросшемъ еще изъ сѣмени Щербатова, что источникъ всякаго зла въ управленіи лицъ, что формы важны и этими формами надо обезпечить порядокъ въ государствѣ, что представителями этихъ формъ должны быть дворяне. Мордвиновъ, крупнѣйшій политическій теоретикъ времени, въ своемъ проэктѣ государственнаго устройства рядомъ съ Императоромъ ставитъ Государственную Думу или „Думу Вельможъ“. Ея члены несмѣняемы, званіе ихъ наслѣдственно по праву первородства, ихъ цензъ—кровь двѣнадцати сохранившихся княжескихъ фамилій дома Рюрика и знатнѣйшихъ русскихъ родовъ, ихъ имущественное обезпеченіе

[1]) Цитирую по Довн.-Запольск. Идеалы декабристовъ. М. 1907. стр. 141.

опредѣляется минимумомъ помѣстій съ 10.000 душъ крѣпостныхъ.

Вся ненависть сословія сосредоточивается на тиранѣ. „Въ одной Турціи, пишетъ гр. Воронцовъ, дѣла управляются визирями, пашами и т.“ слѣдуетъ ввѣрить управленіе не одному лицу, а корпораціи, „мѣстамъ извѣстное сословіе лицъ составляющимъ“. Взоры обращаются къ Сенату. Идеализируется Петровскій Сенатъ, но „сенаторы что бы избирались дворянствомъ“. Эту мысль Воронцова продолжаетъ Державинъ, который предполагаетъ все управленіе государствомъ передать дворянству; вся администрація должна назначаться Сенатомъ изъ кандидатовъ, выбираемыхъ дворянскими обществами. Гр. Строгановъ мечтаетъ о наслѣдственности званія сенатора.

Императору Александру приходится считаться съ такимъ идеаломъ верхняго дворянства. Онъ дѣлаетъ уступки. Затѣмъ, когда доходитъ до него голосъ вѣчнаго антагониста-побѣдителя феодальной аристократіи, вѣчнаго союзника царей и ихъ чиновничества, средняго дворянства Александръ умѣетъ почувствовать историческую почву подъ ногами.

На это среднее дворянство опирается молодое чиновничество. Геніальный слуга государственности Сперанскій пишетъ „Введеніе въ уложеніе государственныхъ законовъ“. Положеніе русскихъ подданныхъ въ немъ характеризуется какъ „политическое рабство“. Сперанскій понимаетъ, что странѣ начинаютъ становиться дороги интересы капиталистическаго характера, что съ этими интересами несовмѣстимо самодержавіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, что „государство наше стоитъ нынѣ во второй эпохѣ феодальной системы т. е. въ эпохѣ самодержавія“. Всѣ конституціи вырываются народами въ борьбѣ и предугадывая эту борьбу Сперанскій предлагаетъ планъ государственнаго преобразованія. Онъ сознаетъ громадность выгоды, если „Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти“. Просвѣщенный и дальновидный государственный человѣкъ дѣлаетъ уступку духу времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открываетъ возможность третьему

лицу—государственному представителю—изъ борьбы знатнаго съ благороднымъ создать путемъ уступокъ въ обѣ стороны стройное тѣло администраціи. Сенатъ наполняется членами-избранными губернскими думами, но законодательная инициатива принадлежитъ лишь правительству министры безотвѣтственны, предсѣдатель Думы назначается Государемъ. Четырехстепенные выборы въ Сенатъ представляютъ удобство административной фильтраціи. Активное и пассивное избирательное право дается только землевладѣльцамъ. Устанавливается довольно значительный земельный цензъ. За дворянствомъ сохраняется „особое право пріобрѣтать недвижимыя имѣнія населенныя, управляя ими по закону". Очень крупный цензъ вводится для торговцевъ и промышленниковъ. „Народъ рабочій имѣетъ права гражданскія, но не имѣетъ правъ политическихъ". И, наконецъ, исходя изъ грустнаго признанія историческаго факта, что „рабы всегда и вездѣ существовали", Сперанскій въ своемъ планѣ не затрагиваетъ существованія крѣпостного права, уничтожать которое признаетъ „не во время".

Императоръ Александръ изъ всего плана своего секретаря осуществилъ лишь учрежденіе Государственнаго Совѣта, сдѣлавъ изъ него законодательное учрежденіе, но наполнивъ его назначенными членами.

Обстоятельства показали, что опираясь на то же среднепомѣстное дворянство можно было, и слѣдовало въ соотвѣтствіи съ его идеалами, не вести преобразованія государства въ духѣ установленія „формъ". „Формы ничто, слѣдуетъ искать людей". Нужны „мужи знаменитые разумомъ и честью", говорилъ Карамзинъ въ запискѣ „О древней и новой Россіи". Не безъ вліянія знаменитаго историіографа, чутко понявшаго и ярко выразившаго взгляды „средняго" дворянина, Императоръ понялъ дѣйствительность.

Осѣвшій на землю помѣщикъ, устроитель слагающагося предпринимательскаго хозяйства, живушій трудами своего живого инвентаря, весь былъ занятъ организаціей соціальныхъ отношеній въ средѣ своихъ подданныхъ. Экономическая необходимость заставляла помѣщика концентрировать всѣ силы своего помѣстья, собрать въ своей конторѣ, у

своего бурмистра всѣ нити управленія, устранить всѣ излишніе расходы и увеличить всѣ возможные доходы. Напряженность денежнаго аграрнаго предпринимательства вызывала напряженность духовныхъ силъ, построяла психологію владѣльца. Вырабатывался идеалъ властителя, отца и судіи. Помѣщикъ чувствовалъ необходимость быть въ глазахъ своихъ „подданныхъ“ Провидѣніемъ. Необходимость эксплоатаціи своихъ крестьянъ и боязнь отпора съ ихъ стороны заставляла его быть Провидѣніемъ грознымъ, управлять страхомъ. Устами Карамзина высказывалось практическое правило, бывшее выраженіемъ ходячей житейской мудрости, „страхъ дѣйствуетъ гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ“. Государь-Провидѣніе, посредствомъ страха управляющій своими рабами. Государь долженъ послать своихъ губернаторовъ, своихъ бурмистровъ. Какъ единичнаго хозяйства, такъ и государства все спасеніе, залогъ его благоустройства, „хорошій губернаторъ“. Другой власти быть не можетъ. „Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ“. Объ ограниченіи власти не можетъ быть рѣчи. Въ одѣ, посвященной Александру I, Карамзинъ сравниваетъ самодержавіе Царя съ самопроизвольной творческой силой Бога. „Его (Бога) вѣлѣнію нѣтъ препоны.

Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его жъ премудрости законы“.

Царь теоретически полновластенъ. На практикѣ выраженія его полновластья ограничены его же предшествующей дѣятельностью, его же законами. Это было логическое, необходимое самоограниченіе. Иное ограниченіе излишне. „Правила мысли народныя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержать будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти“. Поступая не въ согласіи съ этими правилами Государь вызоветъ всеобщую ненависть и бунтъ. Страхъ ненависти народной выставлялся угрозой, сдержкой противъ поступковъ властителя вопреки правиламъ народной психологіи.

Нельзя не признать, что мысль вѣрна. Психологія народная есть граница могущества государя и государства.

Но изъ этого признанія вытекаетъ необходимость обзавестись инструментомъ, учитывающимъ и показывающимъ состояніе этой психологіи. По теоріи Карамзина этимъ инструментомъ могъ быть только бунтъ. Вся задача государственности предотвратитъ бунтъ. Весь ходъ исторіи государственныхъ формъ направленъ на выработку такого инструмента все болѣе и болѣе тонко учитывающаго и показывающаго состояніе народной психологіи.

По сознанію класса населенія, на который опиралось правительство, Россія не нуждалась въ такомъ инструментѣ. Она нуждалась, по ихъ признанію, въ правителѣ, въ администраторѣ, въ „хорошемъ губернаторѣ". И Россія получила, чего просила. Она развила свою администрацію, вездѣ поставивъ бурмистровъ отъ верха, гдѣ сталъ Аракчеевъ до низа, гдѣ стали капитаны, столоначальники, затѣмъ исправники, околодочные, стражники.

Стремленіе образовать Сенатъ привело къ организаціи Комитета министровъ. Уничтоженная въ 1801 г. Тайная Экспедиція была въ 1805 г. возстановлена въ видѣ комитета изъ трехъ лицъ, вѣдавшаго дѣла „всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ".

Вся вторая половина царствованія императора Александра I стоитъ подъ знакомъ грядущаго четырнадцатаго декабря. Силою вещей весь ходъ развитія русской мысли былъ направленъ къ этому событію. Миновать его не могла русская исторія.

Появленіе декабристовъ долгое время приписывалось вліянію нашихъ походовъ 13—15 годовъ. Такое воззрѣніе не глубоко. Александровскіе походы ускорили процессъ уже давно зрѣвшій въ странѣ.

Декабристы были дѣтьми вольтерьянцевъ Екатерины. Въ прошломъ у нихъ богачъ баринъ, полуфранцузъ эпохи просвѣщенія, съ скептической улыбкой вкушавшій всѣ чары мощи трезвой логической мысли, одинокій среди своихъ садовъ и дворцовъ, выстроенныхъ тяжелымъ трудомъ многочисленныхъ рабовъ. У отца вольтерьянца естественно

быть сыну поклоннику Руссо. У отца философа - скептика легко быть сыну революціонному герою. Надъ чѣмъ думалъ и чѣмъ наслаждался отецъ, то захватило сына. Гангебловъ, Н. А. Крюковъ, И. Аненковъ, Борисовъ и ихъ старшіе товарищи: Пестель, Никита Муравьевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, К. Рылѣевъ, Фонвизинъ, Штейнгель признали Руссо своимъ учителемъ. На вопросъ слѣдственной комиссіи: „съ котораго времени и откуда заимствовали первыя волнодумческія и либеральныя мысли"—всѣ обвиняемые въ тѣхъ или другихъ варіаціяхъ назвали одни и тѣ же имена. Это были: Бенжаменъ Констанъ, Сей, Гельвецій, Гольбахъ, Кондильякъ, Вольтеръ, Руссо, Бентамъ, Дертю-де Трасси, иногда Плутархъ и Корнелій Непотъ. Мысль Франціи и событія въ современной Европѣ были воспитателями, сдѣлавшими изъ сибарита мыслителя перваго политическаго революціонера новаго времени на Руси.

Способы политической борьбы представлялись декабристамъ весьма прямолинейными и насильственными. Присущая французскому просвѣщенію вѣра въ силу логическихъ построеній, въ силу разума, въ возможность водворить въ странѣ „благо" путемъ рѣзкихъ усилій единичныхъ людей были всецѣло усвоены Пестелемъ и его друзьями.

Основанное въ 1816 г. двадцати четырехъ лѣтнимъ А. Н. Муравьевымъ „Общество истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества" составилось изъ людей молодыхъ, богатыхъ и прошедшихъ школу Европы. Ихъ идеализмъ былъ силенъ не только свѣжестью молодости, но и безсознательно усвоенными впечатлѣніями, незамѣтно вліявшими въ эту героическую эпоху перваго широкаго массоваго столкновенія Руси и Запада на всякаго русскаго человѣка. Въ 1817 г. двадцати пяти лѣтній Пестель пишетъ уставъ Общества. Общество было составлено по образцу уже извѣстныхъ въ Россіи масонскихъ обществъ. Цѣлью его было опредѣлено введеніе конституціоннаго порядка въ государствѣ. Черезъ четыре мѣсяца общество было преобразовано въ Союзъ Благоденствія и получило новый уставъ. Общество копировало нѣмецкій „Тугендбундъ".

Тайные заговорщики превращаются въ гражданъ,

основавшихъ свои надежды на доброжелательствѣ правительства. На первый планъ были выдвинуты весьма разумные филантропическія цѣли, распространеніе нравственности и просвѣщенія, планъ переворота уступилъ мѣсто плану „медленнаго дѣйствія на мнѣнія“. Это было очень умно и не менѣе благородно, но для своего исполненія, для того чтобы молодая дѣятельность не впала въ инертность, требовало зрѣлыхъ умовъ, сильной воли и постоянно ровнаго упорства, словомъ того уровня развитія, которое вообще не по плечу таланту молодости и которое странно было бы видѣть въ странѣ, надъ которой поднималось романтическое утро общественной мысли. Смѣло можно сказать, что золотая середина не могла быть найдена русскимъ общественнымъ и политическимъ мыслителемъ и дѣятелемъ времени послѣ отечественной войны. Тѣ два общества, которыя возникли въ Россіи въ видѣ Сѣвернаго и Южнаго Обществъ, подъ вліяніемъ случайности личнаго ихъ состава, пошли въ разныя стороны и, сохраняя одну идеалистически сознанную цѣль, въ средствахъ и пріемахъ осуществленія дошли до весьма несходныхъ результатовъ.

Въ 1820 г. Пестель выдвигаетъ вопросъ о вооруженномъ переворотѣ и республикѣ и не поддержанный уѣзжаетъ изъ Петербурга.

На югѣ изъ тѣсныхъ дружескихъ кружковъ, которые какъ грибы росли по различнымъ мѣстамъ въ силу душевнаго и философскаго стремленія къ общенію родственныхъ душъ, характернаго для эпохи, выростаютъ Тульчинская, Каменская и Васильковская Управы. Общественное движеніе, принимающее характеръ дружескихъ кружковъ весьма любопытно само по себѣ и является единственной формой, въ которую могутъ выливаться политическія мечтанія страны, переживающей ту же пору романтической молодости, какую переживала Россія въ эпоху Александра I. Для русскихъ политическихъ кружковъ времени характерны поэтическія упражненія. Нельзя себѣ представить Тульчинскую Управу безъ „Часовъ досуга въ Тульчинѣ“ кн. Барятинскаго, какъ нельзя себѣ представить кружки Пушкина безъ его элегическихъ посланій.

Въ 1823 г. была написана „Русская Правда“. Интересенъ самый фактъ написанія наиболѣе серьезнымъ политическимъ дѣятелемъ изъ декабристовъ этого документа, совмѣщающаго въ себѣ и „декларацію“ и соціальный трактатъ и регламентъ и ограничивающую конституцію для будущаго безграничнаго по власти и сдерживающагося въ своей вѣрности этой конституціи только внутренней честностью своихъ членовъ „Временнаго Верховнаго Правленія“. Русская правда проникнута сильнымъ вліяніемъ первой республиканской конституціи 1793 г., Destrutt de Tracy [1]) комментатора Монтескье и, слѣдовательно, самого Монтескье и современныхъ революціонныхъ событій въ Испаніи, Португаліи, Неаполѣ.

Русская Правда проникнута глубокимъ, все нивеллирующимъ демократизмомъ. Равенство всѣхъ и каждаго въ цѣляхъ наибольшаго благоденствія составляетъ ея основную идею. Государство и гражданское общество существуютъ не для блага нѣкоторыхъ, а для благоденствія всѣхъ.

Всѣ люди въ государствѣ имѣютъ одинаковое право на выгоды и несутъ равныя обязанности. „Только зловластіе можетъ всѣ тягости возлагать на однихъ, а другихъ всѣми выгодами осыпать: честный человѣкъ безъ угрызенія совѣсти не можетъ пользоваться трудами и пожертвованіями ближнихъ, безъ всякаго со своей стороны возмездія или соучастія“.

Всѣ равны передъ закономъ. Всѣ граждане имѣютъ право торговать и заниматься промыслами, какими кому заблагоразсудится и гдѣ кому будетъ удобнѣе. Цехи уничтожаются. Не должно существовать ни сословныхъ преимуществъ, ни „аристократіи феодальной“, ни „аристократіи богатствъ“. „Сословія однимъ только пристрастіемъ дышатъ“ и для пресыщенія корысти нѣсколькихъ людей „жестокую оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа“. Крѣпостное право признается постыднымъ дѣломъ, противнымъ человѣчеству, противнымъ законамъ естественнымъ, противнымъ святой христіанской

---

[1]) Commentaire sur l'esprit des Loix de Montesquieu. Paris. 1819.

вѣрѣ, противнымъ „заповѣданой волѣ Всевышняго, гласящаго въ священномъ писаніи, что люди передъ нимъ всѣ равны".

Всему народу принадлежитъ всеобщее и равное избирательное право, чтобы никто „не былъ зловластно отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ исключенъ". Любопытно стремленіе Русской Правды своеобразной аграрной реформой разрѣшить вѣковѣчный вопросъ бѣдности, установить для каждаго человѣка возможность „пользоваться необходимымъ для его житія". „Земля есть собственность всего рода человѣческаго и никто не долженъ быть отъ сего обладанія ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ исключенъ". Частная собственность сохраняется, но обезпечивается цѣлость неотчуждаемаго земельнаго фонда для полнаго обезпеченія необходимымъ всѣхъ и каждаго. „Земля общественная будетъ принадлежать всему волостному обществу и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждаго", Другая половина земель волости должна оставаться на рынкѣ и „служить для обезпеченія совершенной свободы пріобрѣтенія и сохраненія изобилія". Эти земли „предназначаются для образованія частной собственности для доставленія изобилія".

Интересенъ этотъ практически наивный компромиссъ свободной частной собственности и неотчуждаемой общественной, эта половинчатая національзація земли, въ сущности совершенно неспособная разрѣшить вопросъ не только на значительное время, которое принесло бы увеличеніе численности народонаселенія, но и для одного момента. Соціальныя неравенства не затрагивались еще установленіемъ такого своеобразнаго земельнаго existenz minimum'a. До извѣстной степени та же идея была осуществлена русской земельной общиной и ничего кромѣ нравственнаго самоуслажденія не принесла. Въ каждой волости должны существовать банкъ и страховое учрежденіе. Банкъ долженъ выдавать пособіе на необходимое обзаведеніе. Волость Русской Правды является любопытной попыткой общественной организаціи. Волость составляетъ „политическое семейство", волостная земля даетъ необходимое пропитаніе.

каждый участокъ земли долженъ быть такихъ размѣровъ, „чтобы необходимое для житья одного тягла доставлять могъ“. Политическая жизнь волости построена предположительно по образцу демовъ античной Греціи.

Государство Русской Правды выковывалось въ единое сплоченое цѣлое. Всѣ національныя отличія племенъ и нарѣчій должны исчезнуть.

Если же политически объединенная съ Имперіей народность сама по себѣ слишкомъ сильна, что бы можно было легко уничтожить ея индивидуальность, слѣдуетъ отказаться отъ ея территоріи и выкинуть этотъ сильный народъ за предѣлы своего государственнаго цѣлаго. Такимъ народомъ для Пестеля были поляки и, слѣдовательно, отъ Польши надо было отказаться. Но евреи, финляндцы и пр. должны были быть слиты въ одинъ народъ съ населеніемъ коренной Россіи.

Друзья Пестеля предполагали добиться власти военнымъ переворотомъ; истребленіемъ Царствующаго Императора и его близкихъ вырыть пропасть между новымъ государствомъ и его прошлымъ; диктаторской властью Временнаго Верховнаго Правленія облагодѣтельствовать народъ; сравнять всѣхъ передъ закономъ; всѣмъ обезпечить необходимое; спаять всѣхъ въ одну массу и тогда, всеобщими двухстепенными выборами образовавъ „Народное Вѣче“, сказать: „благоденствуйте граждане“.

Выразителемъ политическихъ и соціальныхъ идей Сѣвернаго Общества суждено было стать Н. М. Муравьеву.

Въ основѣ проекта конституціи Муравьева лежатъ идеи сословнаго равенства, уничтоженія рабства, равенства передъ закономъ, свободы промысловъ, права союзовъ, свободы религіи, личной неприкосновенности права петицій и жалобъ къ народному вѣчу, Императору и областнымъ палатамъ. Но въ противоположность Русской Правдѣ въ Конституціи Муравьева развивается планъ государственнаго устройства на федеративныхъ началахъ. Права политическія сопряжены съ довольно высокимъ имущественнымъ цензомъ. Соціальныя отношенія осложняются освобожденіемъ крестьянъ безъ земли. За крестьянами оставляется

на правѣ собственности только дома, дворы, огороды, скотъ и орудія. Предполагается, что между крестьянами и ихъ помѣщиками установятся отношенія подобныя арендным и образуется классъ постоянныхъ арендаторовъ.

Со стороны декабристовъ была сдѣлана попытка изложить свои идеи на манеръ запада въ формѣ памфлета. Никитѣ Муравьеву принадлежитъ „Любопытный разговоръ". Здѣсь въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ разбирается вопросъ самодержавія. „Государь самодержавный тотъ, который самъ по себѣ держитъ землю, не признаетъ власти разсудка, законовъ Божіихъ и человѣческихъ; самъ отъ себя, т. е. безъ причины, по прихоти своей властвуетъ".[1])

Сохранившійся отъ Сергѣя Муравьева „Катехизисъ" трактуетъ тотъ же вопросъ еще болѣе рѣшительно. „Для чего же русскій народъ и русское воинство несчастны? вопрошаетъ авторъ и даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Оттого, что цари похитили у нихъ свободу". „Съ закономъ Божіимъ сходно то правленіе, гдѣ нѣтъ царей, потому, что Богъ создалъ всѣхъ равными, Богъ не любитъ царей."[2])

Самосознаніе эпохи.

(Отношеніе къ исторіи Россіи. Религіозное самосознаніе).

Богатая эпоха на рубежѣ двухъ столѣтій, развившая помѣщичью культуру, положила начало и сознательному приближенію верховъ русскаго народа къ его народной почвѣ. Исканіе народной почвы характерно для русской общественной мысли послѣдней четверти 18 вѣка. Это исканіе чувствуется еще съ возникновенія русской исторической науки въ трудахъ Татищева, Щербатова, Болтина, въ дѣлахъ Новиковскаго Дружескаго Общества, въ поэзіи И. Дмитріева, писаніяхъ В. Майкова, драматическихъ сценахъ Аблесимова.

---

[1]) Довн.-Запольскій. Идеалы декабристовъ. М. 1907. стр. 304.
[2]) — стр. 305—6.

Влеченіе къ народности въ значительной степени является плодомъ Западной мысли и необходимымъ результатомъ ея углубленія; оно же было естественнымъ послѣдствіемъ приближенія оторванныхъ служилыхъ верховъ къ землѣ.

Получивъ иностранца гувернера, русское дитя сохранило русскую няню. Вмѣстѣ съ дарами Запада ребенокъ усваивалъ русскую быль. Возлѣ барчука стояли двѣ разнохарактерныя и по существу антагонистическія фигуры, обѣ равно законныя, равно необходимыя, безъ которыхъ немыслимо себѣ представить достаточную дворянскую семью начала вѣка.

Это были няня Арина Родіоновна и французъ Гильомъ. Походы и побѣды Александровскаго времени сообщили большую остроту народному самосознанію, уже выроставшему и безъ внѣшнихъ толчковъ, въ силу логическихъ требованій внутренней необходимости. Русскіе образы, воеводы, витязи и весь литературный романтизмъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, сельскія „думы“, декретировавшіяся помѣщиками по деревнямъ, хороводы съ ложками, гремушками, дудками, жилейками, рожками, украшавшіе праздники большихъ баръ, сарафаны, кокошники, ожерелья, въ которыхъ рядились дамы послѣднихъ лѣтъ Александра пляска русской и пляска „съ шалью“ русскихъ барынь все, это были знаки интереса къ своему народу, зрѣвшаго уже давно „для того, чтобы развернуться во времени“. Конечно, преклоненіе передъ иностраннымъ не могло исчезнуть скоро. Мы долго еще оставались учениками Запада. Послѣ отечественной войны, послѣ большого напряженія чувства народнаго самосознанія русскіе вновь возвращались къ привычному восхищенію передъ французами. „Мы только и ожили, говорили великосвѣтскія дамы, когда явились къ намъ плѣнные, „Выморозки“, какъ называли тогда оставшихся въ Россіи плѣнныхъ воиновъ Наполеона, разсыпались партіями во внутреннія губерніи и расхватывались всюду, гдѣ только появлялись; въ дворянскихъ семействахъ устраивались для нихъ обѣды, балы, концерты, а барыни и барышни влюблялись. Бѣдствіе, постигшее Москву, разореніе имѣній въ губерніяхъ по, которымъ прошла

непріятельская армія никого не образумило и большинство по прежнему бредило французами". [1])

Начавшись отъ исканія внѣшней связи, отъ предполагаемой народности, скроенной по сантиментальной мѣркѣ европейской гуманности, русская мысль углубилась къ философскому самоопредѣленію. Что есть Россія? Каково ея прошлое, каково ея предназначеніе?

Виднѣйшій журналъ начала 19 в. „Русскій Вѣстникъ" Сергѣя Глинки противопоставляетъ западно-европейской философіи „нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ". Русское прошлое идеализируется. „Во времена Рюрика ни одна страна Европы не была просвѣщеннѣе Россіи въ нравственномъ и политическомъ образованіи, до Алексѣя Михайловича и до Петра Великаго Россія едва-ли уступала какой странѣ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, законодательствѣ, чистотѣ нравовъ, въ жизни семейственной и во всемъ томъ, чѣмъ благоденствуетъ народъ, чтущій обычаи праотеческія, отечество, царя и Бога" [2]).

Идиллическую картину прошлаго Россіи рисуетъ и записка Карамзина „О старой и новой Россіи", появившаяся въ 1811 г.

„Исторія Государства Россійскаго", по своей основной тенденціи явившаяся партійнымъ орудіемъ и не удовлетворившая ни молодое либеральное поколѣніе, ни стариковъ Великой Екатерины, отвѣтила на стремленіе заглянуть въ прошлое и на запросы любви къ своей родинѣ. Молодое поколѣніе получило своихъ выразителей въ декабристахъ. Восторженною любовью дышатъ декабристы къ своей родной странѣ. Еще въ 1811 г. Н. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ записываетъ: „Если когда-либо Зиждитель міра могъ радоваться своимъ твореніемъ, то это конечно въ первый день свѣтлаго праздника, смотря на русскую землю... Радуйся, благословенный народъ, лучшее

---

[1]) Дубровинъ. Послѣ отечеств. войны. (Русская старина. 1903. № 11. стр. 249).

[2]) По Довн.-Запольск. Идеалы декабрист. М. 1907. Стр. 26.

произведеніе Руки Творческой! Радуйся и чувствуй свою радость, свое существованіе!“ [1]).

Въ уставахъ тайныхъ обществъ, въ проектахъ конституцій декабристовъ пестрѣли древнерусскіе термины; бояре, мужи, соборъ, дума, управа, вѣче, посадники. Русская исторія предполагалась богатой, вольной въ прошломъ, тягостной въ настоящемъ, славной въ грядущемъ. Ихъ любовь къ историческому прошлому родины была потребностью. Въ прошломъ они искали заранѣе предполагаемаго оправданія и подтвержденія идеаловъ воспринятыхъ отъ современныхъ мыслителей Запада и возникшихъ въ результатѣ сравненія дѣйствительности на родинѣ и въ Европѣ.

Древняя Русь имѣла свободу, имѣла и сознавала свои гражданскія права, имѣла вѣче, умѣла бороться за свою самобытность и свои права. Это была вѣра. Вѣрою же было признаніе, высказанное Каховскимъ, что свобода „сокрылась наружно, а жива внутри сердецъ гражданъ добрыхъ“ [2]). Рылѣевъ вѣрилъ, что народъ въ массахъ не измѣнился, что онъ „готовъ принять древніе свои обычаи и сбросить иноземные“ [3]).

Наиболѣе яркое и сильное выраженіе вопросъ: что есть Россія получилъ только въ 1829 г. въ годъ появленія философическаго письма Чаадаева. „Мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣческаго рода, мы не принадлежимъ ни къ Западу, ни Востоку и у насъ нѣтъ традицій ни того, ни другого“. „Стоя какъ бы внѣ временъ мы не были затронуты всемірнымъ воспитаніемъ человѣческаго рода“. „Мы жили и продолжаемъ жить лишь для того, чтобы послужить какимъ то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которыя сумѣютъ его понять; нынѣ же мы, во всякомъ случаѣ, составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ міропорядкѣ“ [4]). Такую грустную мысль, такое грустное признаніе своего національнаго ничтожества вы-

---

[1]) Архивъ бр. Тургеневыхъ. Т. 1. Изд. Академіи Наукъ. Спб, 1911. Стр. 297-8.

[2]) Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ, стр. 279.

[3]) Тоже, стр. 279.

[4]) М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Спб. 1908, стр. 207, 216.

сказалъ Чаадаевъ. Оно было неминуемымъ результатомъ работы критической мысли русскаго человѣка. Безъ такого признанія не было бы завершено то движеніе русской общественной мысли, которое было характерно для цѣльной и красивой эпохи Александра I.

Въ дальнѣйшемъ развитіи вопросъ историческаго самопознанія получилъ разрѣшеніе въ формѣ славянофильства и народничества. Погодинъ высказалъ, что Россія „особливый міръ", что формулы Запада не приложимы къ намъ. Въ сороковые годы тѣ же идеи развивалъ „Москвитянинъ" С. П. Шевырева. Далѣе те же идеи привели къ глубокопродуманному философскому возрѣнію Ив. Кирѣевскаго, Н. А. Хомякова и И. С. Аксакова.

Съ другой стороны тотъ же вопросъ получилъ противоположное разрѣшеніе въ идеяхъ, также не лишенныхъ элементовъ гражданской вѣры, западниковъ и русскаго марксизма.

Пытливая мысль времени рядомъ съ вопросомъ: что есть русскій человѣкъ, не могла не поставить вопроса: что есть человѣкъ вообще, каковъ нравственный человѣкъ, какова достойная жизнь человѣческая?"

Въ сущности это вопросъ религіознаго сознанія.

Для Россіи изслѣдуемой эпохи его постановка и разрѣшеніе весьма характерны. Обойти его нѣтъ возможности. Религіозная личность сказывается и въ безвѣріи. Она опредѣляетъ, хотя бы не высказанныя, хотя бы распыленныя соціальныя утопіи, по ихъ стремленіямъ формируя хозяйственную дѣйствительность.

Въ Россіи религіозное сознаніе простого народа, какъ и во всякой культурно-колоніальной странѣ, оторвалось отъ сознанія народныхъ верховъ. Въ настоящемъ очеркѣ я говорю только о религіозныхъ исканіяхъ верховъ.

Религіозное сознаніе верховъ нашего народа пришло въ образѣ неглубокаго съ начала вольтерьянца и скептика. Мистическая струна впервые зазвучала въ образѣ масонства. При Елизаветѣ начались масонскіе обряды; начались

только обряды, трапезы, пѣнье непонятныхъ пѣсенъ. При Екатеринѣ масонство расцвѣло. Пройдя черезъ Новиковскую „Вечернюю Зорю“ и „Покоющагося трудолюбца“, оно углубилось въ мистицизмъ „Сіонскаго Вѣстника“ Лабзина и моралізмъ „Друга Юношества“ М. Невзорова и Лопухина. Въ 1786 г. масонство подверглось преслѣдованіямъ. Масонскія ложи были закрыты. Общее религіозное оживленіе вызвало и масонство къ новой жизни; въ 1810 г. ложи были возстановлены. Однако они уже не могли удовлетворить серьезныхъ запросовъ общества. Это были уже „столовыя“ ложи. Въ 1822 г. и они были закрыты. Александровское масонство было полно „предметами неудобь достижимыми обрядами странными, дѣйствіями почти безразсудными... символами неразсудительными“. По словамъ Рунича, въ масонскихъ собраніяхъ „бездѣйствіе нашло убѣжище противъ скуки, и шампанское заставило забыть ничтожество этихъ собраній“. За весь свой длинный путь русское массонство пропустило сквозь свои ложи почти всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей Россіи. Черезъ тѣ же ложи, полныя сантиментальной мечты, и пустой, но дисциплинирующей обрядности прошли декабристы. Масонство было широкой пропагандой идей, вошедшихъ въ плоть и кровь русскаго человѣка. Добродѣтель всѣхъ странъ должно соединить. Люди всѣ братья. Всѣ люди должны быть освобождены отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій, наслѣдованныхъ отъ предковъ. Масонство ставило себѣ цѣлью побуждать людей къ взаимной любви и помощи, изгладить предразсудки кастъ, происхожденія, мнѣній, національностей, искоренить международныя вражды и войны, сдѣлать изъ всего человѣчества одно семейство, братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда. Люди равны. „Всякій государь происходитъ отъ рабовъ и всякій рабъ отъ государей; все сіе превратность временъ смѣсила и счастье преобразило“. Не затрагивая вопроса объ освобожденіи рабовъ, масонство, оставаясь на почвѣ моралистическихъ требованія, предписывало „быть кротчайшимъ господиномъ“. Черезъ масонскія ложи прошло первое на Руси сознаніе, что недостойно жить трудами другихъ. Въ мас-

сонствѣ выработалось понятіе объ обязанностяхъ помѣщика передъ своими „рабами“. Глубоко въ соціальныя отношенія забиралось масонство предписывая, какъ этическое правило, бывшее къ тому же въ полномъ согласіи съ экономическими требованіями эпохи, заняться хозяйствомъ и устройствомъ своихъ деревень. „Поѣзжай въ деревни, отъ которыхъ зависитъ твоя жизнь и все временное существованіе, которыя однако тебѣ даны Провидѣніемъ не для одного только брюха, но особенно для того, что бы ты получая отъ нихъ все нужное и самъ имѣлъ попеченіе о ихъ благосостояніи“. Выдвигался постулатъ всякаго духовнаго развитія—возрожденіе внутренняго человѣка, нравственное возрожденіе отдѣльной личности. „Добродѣтельный благочестивый мужъ и въ цѣпяхъ свободенъ, а злый и въ чертогахъ и въ славѣ рабъ“ (Сіонскій Вѣстникъ). Чуткая совѣсть просыпалась. Сознаніе рисовало яркія красочныя картины: „обѣги глазами совѣсти, говоритъ „Другъ Юношества“, образъ житія твоего и разсмотри: не слезы-ли человѣческія текутъ въ рѣкахъ твоей роскоши? не кровью ли разрисованы великолѣпныя стѣны твоихъ чертоговъ? не изъ бѣднѣйшихъ ли рубищъ нагихъ и голодныхъ крестьянъ сотканы гобеленовскіе твои обои? не стонъ ли и плачъ разоренныхъ слышатся въ твоихъ оркестрахъ, не сравнялся ли ты съ дикими американскими человѣкоядцами, не взирая на то, что на столѣ твоемъ блестятъ серебро и золото, обработанныя художниками просвѣщеннѣйшей Англіи и Франціи?“ [1])

Пусть подобныя мысли были лишены практическаго стремленія перейти въ дѣйствія, пусть устами Поздѣева масонъ признавалъ, что надлежитъ „дворянину земля съ людьми“, что „крестьяне тогда благополучны, когда они имѣютъ правиломъ въ потѣ лица приготовлять ихъ хлѣбъ для себя и другихъ“. Важно было, что соціальныя отношенія стали хотя на отвлеченный и теоретическій, но все же на судъ этики. Это было начало душевнаго разлада русскаго барина.

---

[1]) Т. Соколовская. Русское масонство. Стр. 148.

Послѣреволюціонная психологическая волна, высоко поднявшаяся на Западѣ, должна была захлестнуть и въ Россію. Въ нашей странѣ религіозное сознаніе верховъ общества послѣ погрома побѣдныхъ войнъ имѣло надъ чѣмъ задуматься. Военныя грозы всколыхнули народъ.

Устояла бѣдная страна передъ напоромъ богатой Франціи. Какимъ образомъ? Никто какъ Богъ? Только Его вмѣшательствомъ разрѣшался вопросъ. Но какой это Богъ? Свой? Національный? Онъ символизировался сельскимъ „попъ“. Въ немъ, казалось, не было ни грозности, ни силы, ни просто импозантности. Напрашивался другой Богъ— Богъ, спасшій Западъ отъ гидры революціи, цивилизованный Богъ Рима, умнаго и тонкаго іезуита, знающаго и смѣлаго патера.

Къ этому была подготовлена почва.

Еще въ концѣ 18 в. прибыли въ Россію іезуиты. Былъ славенъ въ СПБ-гѣ патеръ Груберъ. Его смѣнилъ еще болѣе тонкій патеръ Розавенна.

Русская знать, чуткая какъ всякая аристократія отставшей страны, къ вліяніямъ культурной метрополіи, стала искать у іезуитовъ отвѣтовъ на волнующіе вопросы. Вліяніе іезуитовъ испытали сначала женщины — М. А. Нарышкина, Толстая, Бутурлина, Голицына, Растопчина, Шувалова, Протасова, Куракина, Головина, Свѣчина и т. д., затѣмъ—въ іезуитскихъ пансіонахъ получили воспитаніе: Юсуповы, Голицыны, Орловы, Гагарины, Волконскіе, Нарышкины, Плещеевы. Кн. А. Н. Голицынъ и графъ Кочубей были сильными покровителями іезуитовъ.

Католичество дѣйствовало не столько своей пропагандой, сколько своей культурной мощью. Сильные умы ему покорялись, сильныя натуры шли къ нему. Декабристъ Лунинъ сознательно дошелъ до папизма. Для Чаадаева католичество было культурной силой, передъ которой онъ преклонился, дойдя до его признанія путемъ горькаго раздумья надъ судьбой своей родины. Путемъ культурнаго всасыванія дошелъ В. С. Печеринъ до монастыря Редомптотистовъ.

Тутъ была логика.

Богъ, казалось, говорилъ людямъ въ величіи совершавшихся перемѣнъ въ политическомъ и соціальномъ положеніи [1]). Люди, чувствовавшіе живое личное богооткровеніе, становились выразителями общества [2]). Это могли быть люди Запада, квакеры Англо-саксонскаго міра, мистики вродѣ Г-жи Крюденеръ или русскіе сектанты. Безразлично. На нихъ часто лежала та печать почти генія, почти сумасшествія, которая дѣлала ихъ страшными и могучими. Подобно культурѣ франко-римской заглянули въ Россію и въ оболочкѣ мистицизма дали свои отвѣты на вопросы русскаго человѣка культуры странъ Англо-Саксонскаго міра и міра нѣмецкой крови.

Англо-саксонцы шли къ намъ съ книгой и пророчествами, въ блескѣ филантропическихъ идей и въ обаяніи мистическихъ тайнъ.

Въ 1812 г. въ СПБ-гѣ одинъ изъ членовъ Лондонскаго Библейскаго Общества открылъ Петербургское Библейское Общество. Въ 1814 году оно преобразовано въ Россійское Библейское Общество. Главными дѣятелями Общества были англичане пасторы Пинкертонъ и Терсонъ. Здѣсь въ странномъ конгломератѣ слились люди различныхъ положеній, занятій и національностей [3]). „Не

---

[1]) „Пожаръ Москвы, говорилъ Государь (Александръ I) Прусскому епископу Эйлеру—освѣтилъ мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до сихъ поръ не ощущалъ". (Дубровинъ. Наши мистики-сектанты. Русская Старина. 1894. № 12, с. 108).

[2]) Въ десятилѣтіе 1813—23 г. по свѣдѣніямъ приводимымъ Дубровинымъ вышло (Наши мист.-сектанты. Русск. Стар. 1894 г., № 12, с. 118) до 60-ти мистическихъ сочиненій. Среди нихъ были Эккартгаузена болѣе 25-ти названій, Гіонъ—9, Ю. Штиллинга—4, Таулера—2. Издавались журналы: „Другъ Юношества" (1807—15), „Духовный годъ жизни христіанина" (1816 г.), „Сіонскій Вѣстникъ" (возобновившійся съ 1817 г.).

[3]) Президентомъ Общества состоялъ кн. А. Голицынъ, вице-президент. гр. В. П. Кочубей и гр. Разумовскій, секретарями были В. П. Поповъ, А. И. Тургеневъ, А. Ф. Лабзинъ, членами состояли: Императоръ Александръ, митрополитъ СПБ-ій Михаилъ, ректоръ СПБ-ой духовной семинаріи Иннокентій, ректоръ, СПБ-ой духовн. академіи Филаретъ митрополитъ Римско-католическ. церквей Сестренцевичъ-Богушъ, протестант-

странны ли, писалъ А. С. Шишковъ даже не смѣшны ли въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинистами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдой головою, въ рясахъ и клобукахъ сидятъ съ міранами всѣхъ націй и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе!“ [1]).

При посѣщеніи Императоромъ Александромъ Лондона въ 1814 г. квакеры приготовили депутацію къ нему „на случай, если бы среди лести, которую монархи принимали каждодневно, они захотѣли на минуту выслушать голосъ истины“. Александръ черезъ нѣкоторое время принялъ депутацію, посѣтилъ богослуженіе квакеровъ, былъ у квакеровъ въ ихъ жилищахъ, приглашая ихъ прибыть и въ Россію. Въ 1818 г. вожди квакеровъ Грелье и Алленъ прибыли въ С.-Петербургъ. Они посѣтили кн. А. Н. Голицына, митрополита Михаила, епископа Филарета, многихъ знатныхъ лицъ и рядомъ тюрьмы и школы. „Быть квакеромъ значило быть филантропомъ“. Императоръ Александръ ихъ принималъ весьма сердечно и молился съ ними по обрядамъ квакерства, какъ членъ одной съ ними общины.

Квакеры поѣхали по Россіи, отыскали молоканъ, радовались, найдя братьевъ по вѣрѣ. Въ 1824 г. въ С.-Петербургъ прибылъ квакеръ Томассъ Шелите. Александръ дважды принималъ его и молился съ нимъ по обрядамъ квакерства.

На Русь переносились и самые странные цвѣты западнаго мистицизма. У насъ имѣли своихъ послѣдователей и теософильскія системы Бема и Сведенборга и масонство Феслера. Что это было? Мучительный запросъ души человѣка? Разрѣшеніе органически переживаемаго перелома религіознаго сознанія? Думается, что это скорѣе были крайности культурно-завоевательнаго движенія на востокъ,

---

скій генералъ-суперъ-интендентъ-Рейнботъ, пасторъ англиканской церкви въ СПБ.—Питтъ, сарептскаго евангелическаго братства пасторъ Шерль, масоны—Кошелевъ, Г. Плещеевъ (Дубровинъ, стр. 113—114).

[1]) По Дубровину, стр. 114.

побѣда Запада надъ своимъ побѣдителемъ, осуществленіе закона культурнаго покоренія побѣжденными пришлыхъ завоевателей-носителей „свѣжей крови“.

На русской почвѣ воспринятые мистическія идеи пріобрѣтали часто своеобразный характеръ.

Верхніе слои народа, прикоснувшись къ землѣ, отъ земли, отъ чернаго „подлаго“ народа получали новую окраску и силу. Народная вѣра и народная культура, донесенныя до 19 вѣка отъ временъ царя Алексѣя и, быть можетъ, частью воспринятые отъ растворенныхъ въ русской народности инородческихъ племенныхъ вѣръ и культуръ, отзывались по своему на всѣ совершавшіяся экономическія и политическія перемѣны. Первое, что восприняло наше дворянство отъ своего народа было его религіозное самосознаніе. Изъ такого конгломерата своихъ народныхъ культуръ и культуры Запада образовалось чудное явленіе русскаго піэтизма. Въ дни Александра русскій народъ отозвался пышнымъ развитіемъ духоборчества, скопчества, молоканства. Дворянскіе верхи смѣшались съ народомъ въ кружкѣ Татариновой. Вѣрованіе этого кружка было сочетаніемъ отъ народа дошедшей вѣры съ піэтизмомъ Запада, соединеніемъ радѣній, умерщвленія плоти и квакерскаго внутренняго озаренія и сантиментальныхъ правилъ добродѣтели.

Нѣсколько ранѣе получило своихъ адептовъ среди дворянства скопчество. Капит. Лутугинъ былъ однимъ изъ вождей его въ послѣдніе годы Екатерины II, камергеръ Еленскій въ дни Александра I; въ началѣ царствованія Николая I при начавшемся преслѣдованіи скопчества было открыто немалое число ихъ послѣдователей въ средѣ русскаго офицерства.

На религіозные запросы должна была отозваться и господствующая церковь. Съ этой точки зрѣнія выступленіе арх. Фотія является естественнымъ отзвукомъ наиболѣе живой части греко россійской синодальной церкви. Въ общей попыткѣ религіозной мысли отвѣтить на вопросы времени не могла молчать и оффиціальная церковь. Своимъ выступленіемъ она дополнила гармонію мистическаго на-

строенія, въ которомъ слились всѣ вѣры, всѣ культуры всѣхъ странъ и народовъ, столкнувшихся на русской почвѣ.

Соціальныя мечты и думы „подлаго“ народа.

(Причины и лозунги крестьянскихъ движеній и волненій при императорѣ Павлѣ I и Александрѣ I. Народная литература. Соціальные идеалы на религіозной почвѣ).

Вся русская культура времени была построена на исключеніи „подлаго“ народа, жившаго своей особой жизнью. Для высшихъ слоевъ народъ оставался матерьяломъ, фономъ картины, рисунокъ которой творили люди иной, казалось, культуры и во всякомъ случаѣ иного воспитанія, иныхъ стремленій и надеждъ. Скоро этотъ народъ для интеллигента станетъ сфинксомъ непонятнымъ и страшнымъ, носителемъ той кажущейся вѣковой тишины, отъ которой жуть брала вглядывавшагося въ него родного-чужанина.

Непрерывныя волненія крестьянъ начинаются со второй половины 18 в. [1]) и сопровождаютъ и оттѣняютъ всю эпоху, которую экономически можно охарактеризовать какъ эпоху осѣданія помѣщика на землю. Der Ritter wird Landwirt. Совершенно иначе должны были сложиться соціально-экономическія отношенія въ странѣ въ то время, когда помѣщикъ большую часть своей жизни проводилъ на службѣ государства внѣ своихъ деревень и тогда, когда, поселившись въ своей усадьбѣ и занявшись своимъ хозяйствомъ, онъ сталъ „бариномъ“. Народная боль отъ этого осѣданія уже сказалась въ Пугачевщинѣ, „явленіи весьма сложномъ“ по выраженію В. Семевскаго. Для Россіи второй половины 18 в. и первой половины 19 в. характерны тѣ мелкія, разрозненныя и случайныя вспышки и „буйства“, какими богаты годы и передъ Пугачевымъ и послѣ него, которыя

---

[1]) 1752 г. былъ годомъ перваго крупнаго крестьянскаго возмущенія.

повторяясь изъ года въ годъ держатъ страну въ положеніи „хронической революціи“. Основная причина всѣхъ этихъ волненій—гнетъ помѣщичьей власти. Первое и главное желаніе крестьянина легко опредѣляется тѣми словами, какими современники-помѣщики объясняли крестьянскія движенія. Крестьяне подымались „возмечтавъ быть казенными“, вообразивъ, что „все будетъ государщина“. Это не было отвлеченное желаніе свободы, не было выработанное собственнымъ народнымъ сознаніемъ порожденіе понятія о цѣнности личности или отраженіе того, что, какъ писалъ Поздѣевъ [1]), „есть точно иллюминастическій духъ безначальства и независимости“. Въ новой атмосферѣ денежнаго хозяйства и помѣщичьяго устроительства становилось слишкомъ тяжело жить. Крестьяне жаловались на тяготу оброка, на тяжесть фабрикъ и заводовъ, на недостатокъ пахотной земли и угодій, на продажу людей въ рекруты и торговлю людьми, на развратъ и побои помѣщиковъ. На жестокіе поборы жаловались чаще, чѣмъ на побои [2]).

Чѣмъ ближе къ концу вѣка, тѣмъ большій районъ захватывали волненія. Въ 1796—7 годахъ они имѣли мѣсто сразу въ 32-хъ губерніяхъ.

По своимъ формамъ крестьянскія движенія были чрезвычайно разнообразны—отъ вооруженнаго мятежа сотенъ и тысячъ людей [3]), до вооруженнаго и простого сопротивленія властямъ и помѣщику, простого неповиновенія помѣщику и частыхъ попытокъ подачи жалобъ.

Вообще говоря, мыслятся три средства борьбы крестьянъ за волю: первое и легчайшее бѣгство „за рубежъ“,

---

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ. (Русская мысль. 1884 г. № 2, стр. 89).

[2]) Павловъ-Сильванскій. Очерки по русс. исторіи XVIII — XIX в. 1910.

[3]) Бунтъ Емельяна Чернодырова въ Орловской губ., гдѣ приняло участіе 13000 крестьянъ, и было совершено нападеніе на гусарскій Ахтырскій полкъ. Бунтъ продолжался съ 5 января по 13 февраля 1797 г. На Пермскихъ заводахъ Всеволожскаго, въ движеніи того же года участвовало около 1000 крестьянъ. Столько же крестьянъ принимало участіе въ волненіи въ Пензенской губ.

средство болѣе слабыхъ и одинокихъ душъ; второе—разбой, средство отчаянныхъ людей; и третье—народное волненіе во всѣхъ его видахъ, стихійное, инстинктивное движеніе значительныхъ массъ.

Всѣ три средства борьбы использовывались русскимъ народомъ.

Жалобы на побѣги крестьянъ слышны уже въ наказахъ дворянства въ Екатерининскую комиссію. Такъ, напр., Пусторжевскіе дворяне жаловались: „бѣдныя жилища наши стоятъ близъ Польши, которой вольности столь заразили лѣнивыхъ и непостоянныхъ крестьянъ нашихъ и они, забирая пожитки и скотъ уходятъ за рубежъ единственно для того, чтобы тамъ быть вольными“ [1]). Бѣдствіе казалось столь сильнымъ, что для его устраненія дворяне названнаго уѣзда предлагали оцѣпить русскую границу системой форпостовъ, рвами, валомъ, „а въ 5-ти верстахъ другъ отъ друга весьма нужно имѣть по одной изъ меньшаго калибра пушекъ“ [2]).

Крестьяне не только бѣжали, но и составляли шайки разбойниковъ.

„А между сими злодѣями, говорится въ наказѣ въ ту же Екатерининскую комиссію Бѣльскаго дворянства, есть холопы, которые мстя господамъ за учиненныя имъ по продерзостямъ ихъ справедливыя наказанія, съ великимъ свирѣпствомъ возлагаютъ на нихъ руки и убиваютъ... такъ лишены жизни многіе дворяне“ [3]).

Воры и разбойники грозны настолько, что отъ нихъ многіе, какъ констатируетъ наказъ дворянъ Псковскаго уѣзда, „въ деревняхъ не живутъ, а которые живутъ, держатъ на своемъ запасномъ хлѣбѣ много дворовыхъ...“ [4]).

Кн. Васильчиковъ слѣдующими словами характеризовалъ положеніе дѣлъ: „въ сравненіе даже съ первой четвертью 18 столѣтія положеніе крестьянъ измѣнилось во

---

[1]) Фальская. Крестьянскій вопросъ въ наказахъ двор. XVIII в. стр. 11.

[2]) — стр. 12.

[3]) Фальская стр. 13.

[4]) Фальская, стр. 14.

всѣхъ отношеніяхъ; сознавая свое безсиліе, они не сопротивлялись явно, а только уходили, скрывались, бродяжничали и, если успѣвали достичь окраинъ имперіи, селились въ казацкихъ станицахъ, поморскихъ волостяхъ и раскольничихъ слободахъ и селахъ. Со второй четверти 18 столѣтія начинается это новое смутное время нашей исторіи, время лихихъ приволжскихъ шаекъ, бурлачества, казачества и мужиковъ-самозванцевъ".[1])

Поводы для волненій находились всюду. Ими были и такія крупныя событія, какъ перемѣна царствующаго Государя, манифестъ Императора Павла при вступленіи на престолъ (о приводѣ къ присягѣ Государю и крестьянъ), указъ 12 декабря 1796 г. о разрѣшеніи всѣмъ приносить жалобы Государю по одному человѣку, указъ 5 апрѣля 1797 г. о трехдневной барщинѣ и т. п. и „пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ Государя въ Москву (1843 г.), всякое происшествіе почему либо обращающее на себя вниманіе". (Самаринъ.)

Народное напряженіе въ отечественную войну своеобразно и весьма характерно отозвалось на крестьянахъ. Во многихъ мѣстахъ послѣ войны двѣнадцатаго года крестьяне перестали признавать власть помѣщиковъ. Наиболѣе значительное волненіе, принявшее форму кроваваго бунта имѣло мѣсто въ Пензенской губерніи. Оно почти одновременно вспыхнуло въ трехъ мѣстахъ: въ Инсарѣ, Саранскѣ и Чембарѣ. Планъ возстанія былъ обдуманъ. Ратники пензенскаго ополченія хотѣли, истребивъ офицеровъ, отправиться цѣлымъ ополченіемъ къ дѣйствующей арміи. Создано было романтическое предположеніе: явиться прямо на поле сраженія, напасть на непріятеля, разбить его, потомъ принести повинную Государю и въ награду за подвигъ выпросить себѣ прощеніе и вѣчную свободу отъ помѣщиковъ. Планъ не удалось осуществить. Бунтъ былъ быстро потушенъ, при чемъ было казнено до 300 чел.[2])

[1]) Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. СПБ. 1881. стр 397.

[2]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ. (Русская мысль) 1884 г. № 2. стр. 83).

При такомъ настроеніи массъ вполнѣ понятнымъ представляется распоряженія въ родѣ слѣдующихъ, казалось бы неумѣстныхъ при напряженіи всѣхъ силъ Государства и народа въ дни военной непогоды: „внутреннихъ вооруженій поселянъ совершенно избѣгать, ибо оныя могутъ имѣть послѣдствія самыя пагубныя“[1]).

Характернымъ для всѣхъ крестьянскихъ движеній является ихъ субъективная лоіальность. По большей части крестьяне объявляли себя „не непослушными, а неимущими“, часто броженіе ищетъ выхода только въ подачѣ жалобы и „крестьяне, пославъ жалобу, оставались въ полномъ повиновеніи“. Съ другой стороны, дѣйствія помѣщиковъ характеризовались особой нервностью и напуганностью. Даже въ мирной сходкѣ помѣщикъ заранѣе предполагалъ бунтъ; съ объективной точки зрѣнія донесенія писались помѣщиками ложно; „неистовства“ крестьянъ часто имѣли мѣсто только въ субъективномъ сознаніи помѣщика; въ фактѣ писанія и подачи крестьянами жалобы помѣщики обыкновенно усматривали возмущеніе. Власти сѣкли жалобщиковъ и приговаривали: „не подавай Государю прошенія“.

Не безъ основанія людямъ того времени то грезилась, то, казалось, дѣйствительно надъ ними нависала пугачевщина. Поздѣевъ не преувеличивалъ, когда въ 1796 г. пріѣхавъ въ свое имѣніе въ Кадниковскій уѣздъ, писалъ Лопухину: „всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ временъ Пугачева духа—дабы не было дворянъ, да и теперь у нихъ слышится, что и городовъ не будетъ“.[2])

Шло время. Условія крестьянской жизни, казалось, надолго должны были остаться безъ измѣненія. И тѣ же мечтанія продолжаютъ раздаваться.

Въ 1826 г. Императору Николаю I дворовымъ человѣкомъ помѣщика Бажанова было подано прошеніе: „просимъ

---

[1]) Письмо отъ 11 сент. 1912 г. Генер. Губерн. Георгія Гольштинскаго князю М. Голицыну, предводителю дворянства Угличскаго уѣзда. (Письмо въ музеѣ 1812 года въ Москвѣ).

[2]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ. Русская мысль. 1884 г. № 2. стр. 89.

Васъ отъ господъ нельзя ли освободить, господъ всѣхъ на жалованіе посадить, на насъ всю землю по душамъ раздѣлить, а потомъ просимъ нельзя ли какъ отъ солдатства освободить".[1])

То, что волновало народныя массы и неясно подчасъ формулировалось въ боевыхъ кличахъ движеній, должно было, конечно, получить болѣе полное отраженіе въ народной литературѣ, въ народныхъ пѣсняхъ, разсказахъ, сказкахъ, пословицахъ, поговоркахъ, острословіяхъ, уличныхъ листкахъ и лубочныхъ изображеніяхъ. Матеріалъ этого рода далеко не собранъ и не разработанъ. Изъ того, что можетъ быть сейчасъ использовано едва могутъ быть извлечены наиболѣе рѣзкія ноты народнаго мечтанія.

Изъ пѣсенъ, относящихся безспорно къ изслѣдуемой эпохѣ особенно интересенъ еще Тихонравовымъ отмѣченный „плачъ холоповъ XVIII в.".

„О горе намъ холопемъ за господами жити" начинается эта пѣсня—памфлетъ; „неужели мы не нашли бы безъ господъ себѣ хлѣба" слышится далѣе въ пѣснѣ". „Куда ты ни сунься, вездѣ господа продолжаетъ пѣсня и заканчиваетъ почти молитвеннымъ вздохомъ: „Господи, нашъ Боже! Даждь въ небесномъ Твоемъ полѣ ложе! Ты бо намъ Творецъ: сдѣлай бѣднымъ одинъ конецъ!".

Рядомъ съ такимъ ропотомъ изъ едва начинающихся разбираться архивовъ уголовныхъ дѣлъ выглядываютъ къ намъ другія пѣсни.

„Ой хотили Базелевци ввесь свитъ пережити, да не далы Тубаевцы йимъ вику дожити" начинается пѣсня о крестьянской расправѣ села Турбаи съ помѣщиками Базилевскими въ 1789 г. Эта пѣсня сообразно съ болѣе энергичнымъ характеромъ живущаго импульсами историческаго прошлаго казацкаго населенія оканчивается довольно злой

---

[1]) Бочкаревъ. Бытъ помѣщичьихъ крестьянъ. сборн. „Великая Реформа" изд. Сытина, т. III стр. 39

усмѣшкой: „думалы Базалевци, що козацкійи смишкы“. [1])

Опредѣленное и рѣзкое отношеніе звучитъ въ поговоркѣ, вѣроятно принадлежащей къ концу первой половины 19 вѣка.—„Мужикъ дуракъ; ты его кулакомъ, а онъ тебя топоромъ“. [2]) И уже чѣмъ то страшнымъ вѣетъ отъ призыва, раздающагося въ народныхъ драмахъ: „Атаманъ (обращаясь къ шайкѣ кричитъ) эй молодцы, жги, пали богатаго помѣщика“.

Эта нелюбовь къ помѣщику, кромѣ чисто экономическаго („помѣщикъ богатый“) и соціальнаго давленія („баринъ голый“) [3]), развивалась подъ вліяніемъ издавна присущей Руси любви къ голытьбѣ, голи кабацкой черни мужицкой, и неумиравшаго въ народѣ сознанія присущаго вѣроятно всему христіанскому, а быть можетъ и человѣческому міру, что „Иванъ и Степанъ съ той же глины, що и панъ“ [4]). Мотивъ соціальнаго равенства, пониманіе что „мужицкими мозолями бары сыто живутъ“, что „кабы не хлопъ, да не волъ не було бъ пановъ“, какое то береженіе несмотря ни на что своего святого святыхъ—„душа Божья“, хотя бы „голова — царская, спина — барская“...

Противорѣчіе народнаго сознанія и складывавшейся соціально-экономической дѣйствительности приводило къ призывамъ:

„лягай спаты, панъ проклятый...

. . . . . .

А мы хлопцы молодцы

Выберемся за Дунай“ [5])

или къ призыву большаго отчаянія:

„Ой ходимо миле братя

У степь въ разбишаки:

---

[1]) Бродскій. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народн. поэзіи. М. 1911 г. Стр. 52.

[2]) — Стр. 156.

[3]) — Стр. 166.

[4]) — Стр. 184.

[5]) — Стр. 17.

Колисѣ, може, своимъ панамъ
Далося у знаки.“ [1])

И, наконецъ, раздавалось мрачное, тяжелымъ припѣвомъ нависшее:

„Сходится голытьба на праздникъ.
Готовьтесь бояре на праздникъ“. [2])

Глубины умственной жизни нашего народа болѣе всего раскрываются изученіемъ его религіозныхъ движеній. Наша исторія еще слишкомъ недостаточно разработана и въ ней недостаточно ясно оцѣнено значеніе вѣры вообще и раскола въ частности. Однако уже сознано, что велика была въ русскомъ человѣкѣ страстная жажда духовной и умственной дѣятельности, сказавшаяся на протяженіи его историческаго прошлаго. Область религіи давала единственное поприще для того высокаго развитія личности, какое не могло имѣть мѣста ни въ общественной, ни въ политической жизни страны. Наше старообрядчество, наше сектанство дали единственную возможность образоваться глубокой и искренней личности, цѣльнымъ натурамъ, національнымъ характерамъ. По словамъ изслѣдователя раскола Андреева [3]) „расколъ обшаривалъ всю Россію и, находя выдававшихся изъ массы личностей, усваивалъ ихъ себѣ. Онъ предоставлялъ въ ихъ распоряженіе только торговлю и промыслы: но люди смѣтливые и даровитые могли и изъ этого сдѣлать кое-что. Личности, выходившія изъ ряда дюжинныхъ, обогащались торговлею и промыслами и сильныя связью, существовавшею во всѣ времена между послѣдователями раскола во всѣхъ частяхъ Россіи, скоро сдѣлались главными дѣятелями въ русскомъ неофиціальномъ мірѣ“.

---

[1]) Бродскій — Стр. 18. Въ сб. „Великая Реформа“ т. IV.

[2]) Бродскій. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Сборн. „Великая Реформа“ изд. Сытина т. IV стр. 4.

[3]) Андреевъ. Расколъ и его значеніе въ народной русск. истор. СПБ. 1870 г. стр. 161.

Въ расколѣ развились способность къ анализу и критикѣ, самостоятельная мысль, непреклонность убѣжденія, законность самосознанія.

Не могла религіозная личность оставаться исключительно въ „царствѣ не отъ міра сего“. Если не въ болѣе или менѣе яркомъ дѣйствіи, то въ нравственномъ осужденіи сказывалась личность. Человѣкъ религіозныхъ исканій носилъ въ себѣ мечту „царства Божія“ на землѣ.

Недаромъ даже въ началѣ образованія новаго помѣщичьяго предпринимательскаго уклада Верейское дворянство включило въ свой наказъ въ Екатерининскую комиссію, казалось бы, непонятныя строки: „богопротивныхъ, святою церковью нетерпимыхъ и обществу вредныхъ раскольниковъ вовсе истребить“. Въ такомъ же наказѣ Кренскихъ дворянъ та же мысль поясняется: „раскольники ходятъ по деревнямъ и прельщаютъ“... ихъ слѣдуетъ „сѣчь кнутомъ и отсылать въ отдаленные монастыри на хлѣбъ и на воду, черезъ что они отъ такихъ ересей притти въ раскаяніе могутъ и обратятся къ Восточной церкви“. [1]) Обратиться къ Восточной церкви въ данномъ случаѣ значило вообще уйти изъ оппозиціи [2]) всему соціальному, экономическому и государственному укладу.

Какъ повсюду, такъ и у насъ развитое религіозное сознаніе дошло отъ устроительства Божьяго града до созданія идеаловъ земного царства. Отправной точкой критики были вѣковѣчныя книги. „Библія и Евангеліе говорятъ одно, а жизнь ....“. „Судіи неправедные“, „вѣра казенная“, „пастыри запоицы и пьяницы“, люди отягощены „даньми тяжкими“.

Изслѣдователю народной жизни особенно могутъ быть цѣнны ученія и выводы наиболѣе крайнихъ сектъ и согласій, продумывавшихъ до логическаго конца, подчасъ не минуя каррикатурно рѣзкихъ выводовъ, тѣ идеи, какія

---

[1]) Фальская. Крестьянск. вопросъ въ наказахъ. Стр. 22.

[2]) Участіе раскольниковъ во всѣхъ народныхъ движеніяхъ 18 и 19 в. констатировано многими изслѣдователями. Въ Пугачевщинѣ это участіе несомнѣнно, въ Чумный бунтъ въ Москвѣ въ 1771 г. во главѣ бунтующихъ стоялъ раскольн. Юршевъ. Еще въ 1827 г. Покровское согласіе постановило не молиться за царствующій домъ.

въ сущности общи сознанію большихъ религіозныхъ группъ и, можетъ быть, даже всего народа.

Какое странное явленіе представляютъ бѣгуны! Это безсиліе сильной личности! По ихъ ученію тотъ, кто желаетъ спастись, не долженъ имѣть „ни града, ни села, ни дому", долженъ быть „странникомъ, невѣдомымъ міру". Слово „мое" изобрѣтеніе дьявола. Ими не признается ни Царь, ни поставленныя отъ него власти, отвергаются паспорта и подушная подать. Сколь интересенъ самый фактъ существованія среди безпоповщины согласія, именующаго себя „не признающими „ни царя, ни князя" [1]). Это „на землѣ не нужно быть никакимъ властямъ", звучитъ у духоборцевъ, у молоканъ. Власть существуетъ для злыхъ, а не для добрыхъ. Богъ создалъ всѣхъ равными и начальникомъ не сотворилъ никого. Выше власти личность, какъ носитель Божественной истины и высшей правды.

То, что у молоканъ выросло въ ясное убѣжденіе, гласящее, что нельзя и не должно исполнять повелѣваемое властью, если то, чего власть требуетъ, противно требованіямъ совѣсти и правды, можно сказать обще всему религіозному сознанію всего народа. Понятіе о верховенствѣ личнаго религіознаго сознанія, являющееся нервомъ всякой религіи, сильно у русскаго человѣка.

Люди братья. Это общепризнанная аксіома религіозной морали. И на Руси, какъ и во всемъ христіанскомъ мірѣ, логическіе выводы для практической жизни приводятъ къ однимъ и тѣмъ же требованіямъ: должны быть отвергнуты всякое различіе сословій, всякія внѣшнія отличія, чины, титулы, наемъ работниковъ и даже собственность.

„Глаголъ мое, свое—проклятый и скверный, вся бо Вамъ общая сотворилъ есть Богъ" [2]). Такъ проповѣдуетъ

---

[1]) А. С. Пругавинъ. Расколъ и сектанство въ русск. нар. жизни. 1905 г. Стр. 32.

[2]) Пругавинъ. Стр. 44—45.

Впослѣдствіи, 70 и 80-е годы 19-го в. въ Россіи ознаменовались большимъ расцвѣтомъ сектанства, все болѣе и болѣе подчеркивающаго соціальный характеръ своего ученія. Сюраевцы, шелапуты, новоштундисты выдвигаютъ на первый планъ мечту: „будетъ все общее, все Божіе, все создано Богомъ для всѣхъ".

крестьянинъ Пошехонскаго уѣзда Иванъ Петровъ, повторяя и варьируя слова Евфимія, основателя ученія странниковъ, раскольника-филипповца Василія Петрова и др. и имѣя послѣдователей и будучи предшественникомъ независимо къ тѣмъ же идеаламъ дошедшихъ крестьянина съ Плесовской стороны Антипа Яковлева и самарскаго мужика Михаила Акинфіевича Попова.

Молокане отрицаютъ процентъ, законность арендной платы за землю, лѣсъ, воду, не допускаютъ найма рабочихъ. Молокане говорятъ, что духовные крестьяне должныизбѣгать рабства помѣщикамъ, войны, присяги, что не должно быть сословій. Пастухово-согласіе, ученіе странниковъ, послѣдователи Василія Петрова, Ивана Петрова возстаютъ противъ денегъ.

Въ 1804 г. духоборамъ отведены для поселенія „Молочныя Воды". Они здѣсь устроили „Сіонъ". Жизнь общины они построили на теократически-коммунистическихъ началахъ съ общностью и производства и потребленія.

Въ возникающихъ вслѣдъ за тѣмъ на Иргизѣ и Ахтубѣ общинахъ молоканъ проводится общественное производство. Наконецъ, въ тридцатыхъ годахъ осуществляется коммунистическая организація Мих. Акинф. Попова. Имѣнія движимыя и недвижимыя и доходы съ нихъ принадлежатъ общему братскому союзу; въ каждой слободѣ заведены общія запашки, имѣется общее стадо, заводится общая денежная казна; избранными распорядителями и распорядительницами держится порядокъ, ими же „по изравненію" изъ общихъ средствъ отпускаются поголовно обувь, одежда, скотъ...

Весь конецъ 18 вѣка оживленъ религіозными теченіями въ народѣ. Въ послѣднюю четверть вѣка появляются „духовные христіане". Илларіонъ Побирихинъ вступаетъ въ Тамбовъ, окруженный своими „апостолами", судитъ народъ Затѣмъ то же картинное шествіе въ тотъ же Тамбовъ съ семьюдесятью „апостолами" совершаетъ Семенъ Уклеинъ. Въ 1791 г. въ тюрьмѣ пишется „Духоборческое исповѣданіе". Въ 1805 г. мѣщанинъ Петръ Журавцевъ и крестьяне Максимъ Іосевъ и Матвѣй Мотылевъ объясняютъ въ сенатѣ правила молоканскаго ученія. Сенатъ постановилъ запре-

тить преслѣдованіе молоканъ. Въ 1816 г. была разрѣшена духоборамъ свобода исповѣдыванія.

На начало царствованія Александра I падаетъ и новая организація старообрядчества. Еще къ семидесятымъ годамъ 18 столѣтія организуется богатѣющее старообрядчество. Появляются въ Москвѣ Преображенское и Рогожское кладбища, затѣмъ такія же общины возникаютъ въ Екатеринбургѣ и въ другихъ мѣстахъ провинціи.

Въ 1802 г. поселяется въ СПБ-гѣ Кондратій Селивановъ. Онъ быстро пріобрѣтаетъ огромное вліяніе. Въ 1805 г. Императоръ Александръ, отправляясь на войну, пріѣзжаетъ къ нему за благословеніемъ.

Растетъ скопчество. Устраиваются его корабли въ Костромѣ, Алатыри (1809 г.), Саратовѣ (1820 г.). При корабляхъ возникаютъ общежитія и кассы взаимопомощи. Въ эти же годы оживляется хлыстовщина. Аввакумъ Копыловъ проповѣдью захватываетъ Тамбовскій, Борисоглѣбскій, Аткарскій, Бузулукскій уѣзды.

Въ 1804 г. скопецъ камергеръ Еленскій представляетъ Императору „Проэктъ о переустройствѣ Россіи, о божественной канцеляріи". По этому проэкту подлѣ Императора долженъ стать Богомъ руководимый, по Богѣ совѣтующій, непремѣнный совѣтникъ Селивановъ. Къ нему слѣдуетъ обращаться за совѣтомъ и безъ его совѣтовъ ничего нельзя предпринимать. При начальникахъ каждаго города, при капитанѣ каждаго корабля, командирѣ каждаго полка долженъ находиться скопческій совѣтникъ, іеромонахъ и пророкъ. При главной арміи роль такого пророка беретъ на себя самъ Еленскій съ двѣнадцатью пророками. [1])

---

[1]) Характернымъ кажется для времени стрѣмленіе, въ которомъ сливались и верхи и низы народа, „быть „Маркизомъ Позой" своего Государя (Каразинъ), пророкомъ у Царя Давида (Невзоровъ, Селивановъ, Еленскій...)

„Изъ прежнихъ бумагъ моихъ Ваше сіятельство извольте знать, пишетъ Максимъ Невзоровъ въ письмѣ 27 января 1819 г. князю Голицину, какъ я люблю и благоговѣю къ особѣ Государя Императора и что я его почитаю Россійскимъ Давидомъ, но и къ Давиду посылаемъ былъ Нафанъ и пророки" (Т. Соколовская, стр. 45). Въ той же роли выступаетъ арх. Фотій. Не мало особаго прекраснодушнаго стремленія къ той же чи-

Такъ и русское духовное движеніе логически дошло до идеаловъ теократической монархіи, практически осуществленной и сыгравшей громаднѣйшую роль въ развитіи Англіи. Процессъ, имѣвшій мѣсто въ Англіи, нашелъ себѣ очень ослабленную и на два вѣка запоздавшую, но той же сущности параллель въ исторіи русской религіозной мысли Тотъ соціальный идеалъ, который можетъ быть построенъ на основаніи всѣхъ отдѣльныхъ, разбросанныхъ чертъ и черточекъ, который [въ нѣкоторомъ приближеніи осуществлялся болѣе сильными людьми, ушедшими въ расколъ молоканство, духоборчество и т. п., является только болѣе яркимъ развитіемъ обще-русскихъ идеаловъ „подлаго“ народа. Основа этого идеала весьма мѣтко схвачена и формулирована еще Пугачевымъ, жаловавшимъ въ своихъ манифестахъ „вѣчно казаками“, „древнимъ крестомъ“, „бородами“, вольностью и свободой отъ „подданства“ помѣщикамъ, „отъ рекрутства и всякихъ податей“, „землями лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку.“ (Маниф. 31-го іюля 1774 г.). Это былъ грубо выраженный минимумъ, понятный весьма широкимъ массамъ народа.

И въ лозунгахъ крестьянскихъ движеній, и въ народной литературѣ и въ соціально-этическихъ идеалахъ народнаго сознанія, вездѣ слышенъ одинъ и тотъ же перепѣвъ на три основные тона: „вѣчно казаками“, „древній крестъ“, „земля, лѣсныя, сѣнокосныя угодія“. Три тяжести давили крестьянина: помѣщикъ, „казенная вѣра“, подать. Три страстныя желанія у него были: личная свобода, родная самобытная Божья вѣра и культура, земля земледѣльцу.

Былъ вѣрно сознанъ и указанъ народомъ корень всѣхъ золъ того времени: „деньги“; была высказана мечта: „дабы не было городовъ, дабы не было дворянъ и фабрикъ“.

Русскій народъ идеализировалъ сельское хозяйство, хотѣлъ жить въ равноправной, равнообезпеченной общинѣ. А соприкосновеніе съ другими народами, сосѣдская куль-

---

стотѣ маркиза Позы найдется и въ показаніяхъ декабристовъ передъ слѣдственной комиссіей.

тура и собственное величіе государственнаго цѣлаго гнало экономическій ростъ и выгоняло въ тѣ формы хозяйственной жизни, которыя были чужды народному идеалу.
Раздвоилась культура народа, раздвоилось его сознаніе, раздвоился самъ народъ, и не спаялся до сихъ поръ. Историческій фатумъ заставилъ быть великимъ политически, тотъ народъ, который еще не имѣлъ экономическихъ и соціально-сознанныхъ данныхъ для такого величія.

Вѣкъ Александра болѣзненно чувствовалъ драму. Шло безудержно и логически стройно экономическое развитіе страны. Но далеко были идеалы. "Ушла правда на небо, одна кривда на землѣ осталась".

ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВНѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Андреевъ В. Расколъ и его значеніе въ русской исторіи. 1870.

Арнольдъ. К. Мнѣнія о системѣ тарифа въ Россіи. 1816.

Арсеньевъ К. Начертанія статистики Россійскаго государства. СПБ. 1818.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 г. изд. Академіи Наукъ. 1911.

Багалѣй Д. И. Колонизація новороссійскаго края. 1889.

„ Заселеніе харьковскаго края. 1889.

Барсовъ Н. Очерки русской исторической географіи. 1885.

Бржескій Н. К. Государственные долги Россіи. 1884.

Бобровъ Е. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка. 1901.

Богословскій А. Управленіе промышленностью мануфактурной, горнозаводской и торговой въ Россіи отъ Петра В. до нашего времени. (Юридическій Вѣстникъ. 1872. VI—VII).

Брандтъ Б. Ф. Иностранные капиталы и ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. 1899.

Бѣловъ. Историческій очеркъ уральскихъ горныхъ заводовъ. 1896.

Быковъ. Фабричное законодательство и развитіе его въ Россіи.

Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. СПБ. 1881.

Василевскій. Краткое разсужденіе о торговлѣ. СПБ. 1808.

Весинъ. Очерки русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. 1881.

Вилькинсъ. Что нужно помѣщичьему издѣльному крестьянину для безбѣднаго содержанія себя въ нечерноземныхъ губерніяхъ. 1832.

Вонляръ-Ларскій. Руководство къ управленію имѣніями. 1840.

Волконскій Н. Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. 1898.

Врангель Н. Старыя усадьбы. (Старые годы, 1910, іюль—сентябрь).

Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ. 1885, ч. I.

Германъ Карлъ Теодоръ. Статистическ. изслѣдованія относительно Россійской Имперіи. 1819.

Гершензонъ. Чаадаевъ. 1908.

Георгіевскій. Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ XIX. 1893 г.

Георги. Описаніе Санктъ Петербурга. 1794.

Кн. Ив. Голицынъ. Статистическ. таблицы Всероссійской Имперіи или физическое, политическое, статистическое начертаніе Россіи въ XIX в. 1807.

Гурьевъ. Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX в.

Григорьевъ В. Переселеніе крестьянъ Рязанской губ. (Русская Мысль. 1884, № 1, 4.).

Денъ. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. М. 1902, т. II, ч. 2, т. I.

Де-Пуле. М. Крестьянское движеніе при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ и дневникъ князя Н. В. Репнина. (Русскій Архивъ. 1869, т. III).

Довнаръ-Запольскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. 1910.

„ Идеалы декабристовъ. 1907.

Дубровинъ. Русская жизнь въ первой четверти 19 в. (Русская Старина. 1896—1902).

„ Послѣ Отечественной войны. (Русская Старина. 1903, № 11, 12).

„ Наши мистики-сектанты. (Русская Старина. 1894, № 9, 12, 1896 г. № 1,2.)

Закъ С. С. Промышленный капитализмъ въ Россіи. 1908.
Зябловскій Евдокимъ. Статистическое описаніе Россійской Имперіи. 1808.
Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. 1910.
Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. 1908.
Итоги XVIII вѣка въ Россіи. Очерки А. Лютша, В. Зоммера, А. Литовскаго. 1910 г.
Кашкаровъ. Денежное обращеніе въ Россіи. 1898.
Каразинъ. Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ. 1819.
Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 1874.
Кизеветтеръ. А. Историческіе очерки. 1912.
Кирьяковъ. В. Очерки по исторіи переселенческаго движенія въ Сибирь. 1902.
Керсакъ А. О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства въ Западной Европѣ и въ Россіи. 1861.
Ладыженскій К. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. 1886.
Левшинъ. Ручная книга сельскаго хозяйства. 1803.
„ Русскій полный фабрикантъ и мануфактуристъ. 1812.
Локоть. Бюджетная и податная политика Россіи. 1908.
Любавскій. Историческая географія Россіи въ связи съ колонизаціей. 1909.
Люксембургъ Р. Промышленное развитіе Польши. 1899.
Лядовъ Ив. Заводы и фабрики въ гор. Шуѣ и его уѣздѣ въ началѣ XIX в. (Владимірск. губернск. Вѣдомости. 1878, №№ 33—36).
Лященко И. И. Очерки аграрной эволюціи Россіи. 1908.
Мануфактура и фабрика торговаго дома Савва Морозовъ съ сын. 1870.
Маргаритовъ С. Исторія русскихъ мистическихъ и раціоналистическихъ сектъ. 1910.

Мигулинъ. Русскій государственный кредитъ.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. 1898.
„ Главныя теченія русской исторической мысли. 1898.
Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст. (Русское Богатство. 1894. № 2, 3, 4).
Мордвиновъ. Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи. 1815.
Мордовцевъ. Политическія движенія русскаго народа. 1871.
Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Гр. П. А. Строгановъ. 1903.
Огановскій Н. П. Очерки аграрныхъ отношеній въ Россіи. 1911.
Павловъ-Сильванскій. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в. 1910.
Повалишинъ А. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. 1899.
Погожевъ А. В. Вотчинныя фабрики и ихъ фабричные. (Вѣстникъ Евр. 1889. № 7.)
„ Вотчинно-посессіонныя фабрики Москов. губ. (сборн. Статист. свѣд. по Моск. губ. т. IV, ч. I. 1890).
Плугъ и соха. Писанное степнымъ дворяниномъ. Отцы наши не глупѣй были. 1806.
Пыпинъ. Россійское библейское общество. (Вѣстн. Евр. 1868. №№ 9—12).
„ Импер. Александръ I и квакеры (Вѣстн. Евр. 1869. № 10).
„ Общественное движеніе въ Россіи при Импер. Александрѣ I. 1910.
„ Г-жа Крюденеръ. (Вѣстн. Евр. 1869 №№ 8, 9).
Пругавинъ. Расколъ и сектанство въ русской народной жизни. 1905.
Соколовская Т. Русское масонство и его значеніе въ исторіи Общественнаго движенія.
Семеновъ А. Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по XVIII 1859.

Семевскій В. И. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. 1909.

„ Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. 1881.

„ Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой полов. XIX вѣка.

„ Крестьянскій вопросъ въ вольно-экономическомъ обществѣ въ 1803—22 год. (Русск. Мысль. 1883. № 1.)

„ Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти 19 в. (Былое. 1906. №№ 1, 2).

Сборникъ. „Великая Реформа 19 февраля" изд. Сытина. 1911.

Сборникъ. Война 1812 г. и Общество изд. Сытина. 1912.

Рихтеръ. Исторія крѣпостного сословія въ прибалтійскомъ краѣ. 1860.

Романовичъ-Словатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала 18 в. до отмѣны крѣпостн. права.

Рожковъ. Экономическія причины паденія крѣпостного права.

„ Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ 19 в. (исторія Россіи въ XIX в. изд. Гранатъ· вып. I. 1907).

Самаринъ. Записка о крѣпостномъ состояніи и о переходѣ отъ него къ гражданской свободѣ. Соч. т. III, 1878.

Сиговъ. Народъ и посессіонныя владѣнія на Уралѣ. (Русск. Бог. 1899. кн. III).

Стремоуховъ. Описаніе хозяйственнаго распорядка основаннаго на общественномъ или соединенномъ хозяйствѣ (Земледѣльческій журналъ. 1829. XXV).

Струве П. Крѣпостная статистика. 1901.

„ Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. (Начало. 1899. № 1, 2).

„ Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. (Міръ Божій. 1899 № 10, 12).

„ Историческое и систематическое мѣсто русской

кустарн. промышленности. (Міръ Божій. 1898. № 6, 7).

Стоюнинъ А. С. Шишковъ. 1880.

Трефильевъ. Очерки изъ исторіи крѣпостн. права въ Россіи. Царствов. Импер. Павла I. 1904.

Трубицинъ Н. Н. О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети 19-го вѣка. 1912.

М. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. 1909.

„ Историческая роль капитала въ развитіи нашей кустарной промышленности. (Новое Слово. 1897. № 4.

„ Русская фабрика. т. I. СПБ. 1907.

„ Народники крѣпостной эпохи. Новое Слово 1897 № 8).

Фальская. Крестьянскій вопросъ въ наказахъ дворянства XVIII в. 1911.

Филипповъ М. Судьбы русской философіи. (Русск. Богатство. 1894. № 1—8).

Ходатайства московскихъ и другихъ русскихъ фабрикантовъ и заводч. между 1811 и 1816 г. Сборникъ свѣдѣній по вѣдомству Министерства Финансовъ. 1865. № 10.

Щаповъ А. П. Историко-географическое распредѣленіе русскаго насел. (Русское Слово 1864. №№ 8, 9, 10; 1865. № 6—9).

Якушкинъ В. Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в.в. 1890.

Янжулъ. Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводск. промышлен. въ Царствѣ Польскомъ. 1887.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ:

стр.

Введеніе . . . . . 5.
Объ условіяхъ развитія народнаго хозяйства

О литературѣ 22

Глава 1.—**Географическая и популяціонистическая характеристика страны** 26
Величина территоріи. Географическія условія страны. Распредѣленіе населенія по странѣ. Переселенія. Вліяніе окраинъ на хозяйственное развитіе центра города. Противоположеніе центра и юга.

„ 2.—**Народно-хозяйственное наслѣдіе страны** . . . 40
Равитіе денежнаго хозяйства.

„ 3.—**Вліяніе государства и права на экономическое развитіе страны** 49
Государственный рынокъ. Государственные долги, доходы, расходы, дефициты. Войны и великодержавность. Таможенная политика. Экономическая политика. Крѣпостной укладъ. Мѣры правительства относительно крѣпостного права.

„ 4.—**Вліяніе сосѣдства** 73
Общее вліяніе востока и запада. Вліяніе окраинъ, остзейскихъ провинцій Польши. Вліяніе государствъ-сосѣдей. Привозъ капиталовъ, познаній, идей, людей.

„ 5.—**Земледѣльческій строй** 85
Интенсификація соціально-хозяйственныхъ отношеній помѣстья. Интенсификація земледѣльческаго хозяйства.

„ 6.—**Строй промышленности** 101
Фабрика посессіонная, вотчинная, купеческая, крестьянская. Интенсификація труда. Интенсификація производства.

„ 7.—**Общій характеръ культуры эпохи. Отношеніе идей времени къ рабству** 115

„ 8.—**Отношеніе русской мысли эпохи къ существовавшему правовому и политическому укладу** 126

„ 9.—**Самосознаніе эпохи** 139
Отношеніе къ исторіи Россіи. Религіозное самосознаніе.

„ 10. **Соціальныя мечты и думы „подлаго“ народа.** 150
Причины и лозунги крестьянскихъ движеній и волненій при Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I. Народная литература, какъ свидѣтель размышленій и мечтаній народа. Соціальные идеалы въ религіозномъ сознаніи.

Перечень главнѣйшей литературы предмета 164